Анастасия НОВЫХ

СЭН СЭЙ

II

Исконный Шамбалы

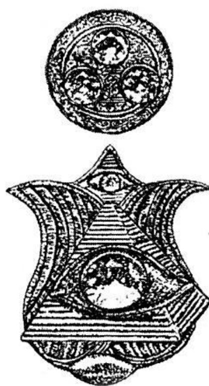
СЭНСЭЙ

АНАСТАСИЯ НОВЫХ

Третье издание

СЭНСЭЙ-II

Исконный Шамбалы

ТМ “ИД Лотос”
СПД “Хатиманской А.В.”
Киев
2012

УДК 821.161.1(477)-312.1
ББК 84.4 УКР=РОС 6-44
Н 73

Новых А.

Н 73 Сэнсэй-II. Исконный Шамбалы, — К.: ЛОТОС, 2012.— 254 с.

ISBN 978-966-96863-0-5

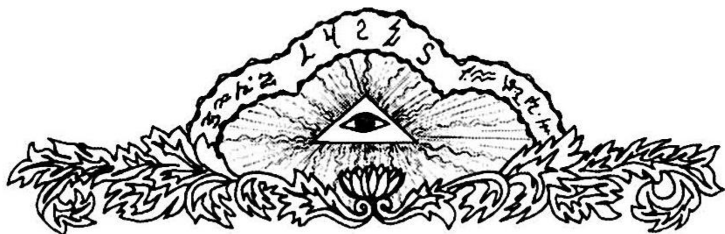
От Правды не сокроешься, от **Мудрости** не утаишь. Нет на Земле ничего **тайного**, чтобы когда-нибудь оно не стало явью. Людская жизнь и смерть — поток единого процесса. **Понять** прошлое — **значит** научиться преодолевать опасности настоящего. **Выплыть** же из него возможно, лишь став Человеком!

Книга составлена по заметкам из личного дневника бывшей десятиклассницы, отражающим события лета 1991 года.

УДК 821.161.1(477)-312.1
ББК 84.4 УКР=РОС 6-44

ISBN 978-966-96863-0-5

www.schambala.com.ua

Пролог

— Но не всё ж так плохо. Тем более, раз ты решил остаться, дай им ещё один шанс и позволь мне...

В этот момент невесть откуда над морем пронёсся лёгкий ветерок, оживляя лунную дорожку. Последняя завораживающе заискрилась своими серебристыми переливами, маня в таинственную даль. Природа как будто специально дразнила Существо, с одной стороны окружая его своей вечностью, а с другой — естественной земной красотой. Видимо, в этом ненавязчивом порыве скрывалась какая-то сокровенная, ведомая только ей одной тайна.

— Если тебе так хочется, пожалуйста, пробуй. Пока мы здесь, время ещё есть... Но только поле уже давно созрело. И скопище сорняка, неустанно размножающегося, уж чересчур начинает отягощать землю... Слабые оказались посевы, несмотря на то что за ними ухаживали: секунды иллюзии затмили им реальность вечности.

— И всё же я надеюсь отыскать...

Очередной порыв ветра унёс слова в своё безбрежное пространство. Две части Существа вновь соединились в своей сущности. Воцарилась недолгая тишина. И только лишь костёр тихо потрескивал сгоравшими ветками. Подложенные изящные прутики быстро превращались в обугленную бесформенную кучку золы. Странно, прошло всего лишь мгновение, и вроде бы и не было никогда этой чудно́й материи, словно и не существовала она вовсе.

Камень, упавший в песок — шелест песчинок.

Волны́ прибой — шелест песчинок.

Твой стремительный бег,

Стопа в песок — шелест песчинок.

Жизнь — это всего лишь шаг,

А годы в ней — шелест песчинок.

Ригден Джаппо

1

Все ребята побежали купаться. Наконец-то настал момент, когда Сэнсэй остался один. Он стоял на мелководье, постепенно привыкая к прохладной морской воде. Воспользовавшись его одиночеством, я стала рассказывать ему свой странный сон о Красном Всаднике, который приснился накануне ночью. Это необычное видение поразило меня своей небывалой реалистичностью, яркостью и эмоциональностью. Повествуя об этом Сэнсэю, я посетовала на то, что никак не могу вспомнить его смысл, помню лишь, что это было очень важно для меня. Вопреки моим ожиданиям полной расшифровки данного сна с физиологической и философской точек зрения, Сэнсэй лишь улыбнулся и, как-то загадочно посмотрев на меня, произнёс:

— Придёт время, и ты всё узнаешь.

Данные слова крайне заинтриговали мою особу, но Сэнсэй больше ничего к этому не добавил.

Оставив меня в полной растерянности, он присоединился к компании наших молодцев, которые уже вовсю резвились, пытаясь остановить своими богатырскими телами набегающие волны. «Странный сон. Странный ответ. И что бы это всё могло значить?» — вновь задумалась я.

Наблюдая за Сэнсэем со стороны, я не переставала в который раз удивляться, насколько естественен он был в казалось бы совершенно разных сферах реальности. В компании с ребятами он практически ничем не выделялся, разве что большей выносливостью и великолепным чувством юмора. Но стоило, образно говоря, затронуть струны его духовной жизни, как от них начинала исходить прекрасная мелодия, чарующая своей необычной возвышенностью, простотой, утончённостью и в то же время необыкновенной мудростью, которая прямо-таки притягивала к нему…

Удивительно загадочный Человек. Анализируя прошлое, я наткнулась на интересное наблюдение: всё — с кем или чем бы Сэнсэй не сталкивался, начинало постепенно изменяться. Для меня оставалось непостижимым, как он это делал? Взять хотя бы мою судьбу. Ведь ещё полгода назад моё тело, несмотря на семнадцатилетний возраст, находилось на волосок от гибели. И в тот трудный период, когда практически вокруг витала полная безысходность, и глаза близких родственников были полны скорби и сочувствия, именно в этот «последний момент» я встретила мастера восточных единоборств — Сэнсэя, познания и возмож-

ности которого явно выходили за рамки повседневной обыденности. Сэнсэй в буквальном смысле изменил не только мою судьбу, но и весь мир в моём восприятии. Теперь я точно уверена, что эта встреча отнюдь не являлась счастливой случайностью, как предполагала ранее. Сложив все «неожиданные случайности», которые неумолимо привели меня к определённым последствиям в жизни, я обрела уверенность, что данная встреча — скорее закономерность, проявление чьей-то воли свыше. И раз благодаря Сэнсэю я осталась всё-таки жива, значит Кому-то это было нужно.

Но зачем? И для чего? Что в моих силах сделать такое, ради чего меня оставили? Трудно гадать о том, о чём не ведаешь. Да и как можно постичь до конца замысел Высших сил? Ведь случайная встреча, слово, даже бессловесное действие может породить такую цепочку событий, которая незримо приведёт к каким-то глобальным изменениям, будь то в отдельных индивидах или в масштабах общества в целом. Но обычный человек, совершивший этот первоначальный толчок, так, наверное, и останется в неведении общего результата своего поступка, поскольку живёт в ограниченном мирке мыслей и окружении исключительно «своей реальности». И самое удивительное то, что каждый человек ежедневно, даже не подозревая об этом, вносит по воле собственного выбора свой небольшой вклад в этот нарастающий снежный ком грядущих событий.

Я интуитивно чувствовала, что разгадка истинного смысла моей судьбы кроется в этом таинст-

венном сне. И как любопытному человеку мне хотелось узнать всё сразу и желательно поподробнее. Но тайна оставалась тайной.

2

После аппетитного завтрака наша большая компания с блаженством улеглась на песочке, подставляя свои тела ласковым лучам утреннего солнца. Наша компания — это группа разновозрастных энтузиастов, объединённых общим увлечением восточными единоборствами (и не только), а также особым, искренним уважением к нашему тренеру Игорю Михайловичу, которого мы по-дружески называли Сэнсэем.

Сэнсэй — действительно личность неординарная. Внешне он ничем не выделялся из компании. Молодой светловолосый мужчина спортивного телосложения. Разве что необыкновенные проницательные и умные глаза мог бы заметить при первом взгляде внимательный наблюдатель. А так... По возрасту и солидности скорее выделялся наш сорокалетний психотерапевт Николай Андреевич. По серьёзности — Володя, давнишний

друг Сэнсэя, который возглавлял какое-то подразделение специального назначения, как говорят в народе — «спецназ». По командному голосу — Виктор, наш старший сэмпай, молодой парень, работающий в милиции. По задору, розыгрышам и неистощимому юмору — Женя и его друг Стас, высокие парни атлетического телосложения из старшей группы. Ну, а по юности — Руслан и Юра, а также наша развесёлая компания, которая когда-то, насмотревшись фильмов о восточных единоборствах, отправилась на поиски хорошего Учителя и набрела на такой кладезь знаний, как Сэнсэй, даже в мыслях не предполагая, что такие уникальные личности существуют на белом свете. Наша развесёлая компания — это Андрей, Костик, Славик, Татьяна и я. В этом году для нас уже «отгремел» последний школьный звонок, прошла жаркая пора выпускных экзаменов. Позади школьные годы, а впереди целая жизнь со своими горестями и радостями, победами и поражениями, падениями и взлётами. И мы как раз находились в той самой неопределённой «серединке», которая нам казалась самым лучшим временем для «передышки».

Шёл всего лишь третий день незабываемого отдыха с Сэнсэем на морском побережье. Но какие это были дни! Это было то самое золотое время, когда ты имеешь возможность не только отдохнуть в компании со своими лучшими друзьями, но и пополниться потрясающими впечатлениями, самое главное, мудростью от столь душевного общения с Сэнсэем.

Славик и Юра во главе с Володей, следуя армейскому порядку, пошли к морю драить песочком посуду, поскольку сегодня утром настала их очередь. Причём никаких возражений со стороны молодых ребят даже не последовало. Им хватило одного лёгкого напоминания в виде командно-басистого голоса Володи «Пошли!», чтобы с энтузиазмом схватиться за кастрюли. Эта комичная ситуация вызвала целый поток шуток в Володину сторону. Но Володя, ничуть не смутившись, по-военному сказал:

— Порядок есть порядок.

В руках у Николая Андреевича вновь появилась книга, с которой он уже третий день не расставался, время от времени её почитывая. Судя по тем вопросам, которые он поднял в беседе с Сэнсэем, книга наверняка была как-то связана с его психотерапевтической деятельностью. Он рассуждал о том, что психология, к сожалению, ещё молодая наука и что хороший психолог на сегодняшний день должен быть и хорошим философом, ибо у первоначальных источников развития науки психологии стояли именно философы.

— Вот возьмите хотя бы одного из первых родоначальников психологии — Сократа. Послушайте, какие замечательные слова он написал. — Николай Андреевич открыл заложенную страницу и зачитал вслух. — «Как не следует пытаться лечить глаза отдельно от головы и голову — отдельно от тела, так и не следует лечить тело, не леча душу...» И ещё: «Лечить же душу... должно соответствующими заклинаниями, последние пред-

ставляют собой не что иное, как верные речи, — Николай Андреевич сделал на последних словах особое ударение, — от этих речей в душе укореняется рассудительность, а её укоренение и присутствие облегчают внедрение здоровья и в область головы, и в область всего тела».

Николай Андреевич замолчал, пробежал глазами страничку, а затем продолжил:

— «Критий, услышав мои слова, воскликнул: "Мой Сократ, головная боль была бы для юноши истинным даром Гермеса, если бы вынудила его ради головы усовершенствовать и свой разум!"»

— Это точно, — усмехнулся Сэнсэй.

— Надо же, написано четырнадцать веков назад, а актуально до сих пор.

— Безусловно, потому что мудрость не знает времени.

— Да, насколько Сократ верно подметил.

— Сократ лишь передал то, чему его учили. Сократ не был бы Сократом, если бы не встретил на своём пути Критона, которого привлекла его душевная красота и который дал ему соответствующее образование. Поэтому вы глубоко ошибаетесь, думая, что психология берёт начало от Сократа. То, что было передано Сократу от его Учителя, а позднее, соответственно, его потомкам, это всего лишь далёкий отголосок настоящих знаний древних... Психология более древняя наука, чем предполагается. И вовсе не новая. Её родоначальниками и создателями являются отнюдь не Сократ, Уильям Джемс, тем более Ле Бон, Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер и другие. Эти люди

пытались лишь через призму своего мировоззрения по крупицам частично восстановить то, что когда-то было дано людям в целом и что легкомысленно утеряно со временем... А вообще эта наука корнями уходит в глубокую древность.

— Психология... как наука... в глубокую древность?! — искренне удивился Николай Андреевич.

— Да, именно как наука, — подтвердил Сэнсэй. — Древние владели такими знаниями, до которых современным людям ещё очень далеко. Если сегодня психология только пытается изучить структуру личности, общие закономерности, законы общения между людьми, то для древних это была лишь поверхностная философия, поскольку они владели более тонкими знаниями психологии — различными психотехниками. Они изучали глубины себя, своей души, а не своего Эго. А наука «психология» начинается именно с изучения себя. И чем лучше человек познает себя, тем лучше он будет понимать не только других, но и весь мир в целом.

— Позволь, но и в современной психологии имеется достаточно много разных психотехник.

— Да, но каких психотехник? Как правило, самых элементарных, и заметь, в большинстве своём направленных на материальное начало. Разве можно современное человечество, при нынешнем развитии науки психологии, назвать духовно развитым сообществом? Конечно, нет. Потому что современная психология затрагивает в основном низменный уровень — она пытается разрешить

проблемы конфликтов, порождённых Эгом человека. Проще говоря, она варится в бульоне Животного начала несмотря на то, что в её задачах значится понять душу человеческую. При таком соотношении «теории» и «практики» вы сами понимаете, какое противоречивое будущее её ожидает. То есть, по большому счёту современная психология пытается примирить эгоизм с манией величия.

— Ну, в принципе это одно и то же, — аккуратно заметил психотерапевт.

— Вот и я о том же, — подчеркнул Сэнсэй, давая возможность Николаю Андреевичу глубже осмыслить смысл его слов. — Я ни в коем случае не приуменьшаю значение психологии в современном мире. Это хорошая дисциплина, нужная. Её действительно стоит развивать, она помогает людям снимать стрессы, бороться со своими страхами. Но у меня напрашивается один вопрос, доктор. Скажите мне, пожалуйста, почему все психологи никак не могут навести порядок в своей голове, пытаясь при этом залезть в чужую голову?

— Ну... как почему? — медленно протянул Николай Андреевич и после короткой паузы оживлённо ответил: — Кушать ведь хочется.

Они весело посмеялись, после чего психотерапевт продолжил беседу.

— Если древние владели такими знаниями, значит, по идее, у них должен был быть вообще золотой век.

— Совершенно верно. Так оно и было.

Николай Андреевич задумался, а потом спросил:

— А какую древность вы имеете в виду? В нашей цивилизации?

Я заметила, что Николай Андреевич общался с Сэнсэем то по-дружески на «ты», то с переходом на уважительное «вы».

— Я бы, конечно, не назвал даже начало нашей цивилизации древностью. Наша цивилизация существует всего каких-то двенадцать тысяч лет. Хотя в начале её развития человечеству была передана определённая часть знаний, в том числе и в области психологии.

— Переданы знания? Интересно, а кому же они были переданы?

— Эти знания были разбросаны по всему миру: в Европе, Азии, Африке, Южной и Северной Америке. Их хранили как сокровенные знания мудрецы в племенах Древнего Египта, Индии, Месопотамии, Сибири, Китая. Но, несмотря на всю широту географии посвящённых в них, эти знания со временем всё-таки были утрачены. В связи с чем сейчас вы, господа, вынуждены заново изобретать колесо.

— И всё-таки странно. Как эти знания могли получить люди на разных континентах, тем более в племенах? И самое интересное, кто их мог передать? Ведь, насколько мне известно, раньше океан был непреодолимым препятствием. Перелететь его ещё было не на чем, а переплыть практически невозможно.

— Просто в вашем представлении, для того чтобы это сделать, обязательно необходима какая-

то техника или, в крайнем случае, приспособление. А древние обходились своими способностями. Я не зря упомянул об их тонких знаниях человеческой психики. Ведь они умели управлять своими способностями. И то, о чём сейчас спорят, — о левитации, телекинезе, телепортации, телепатии и тому подобное — для древних была обыкновенная реальность. Это было так же естественно, как, к примеру, для нас езда на велосипеде или плавание...

— Вот здорово! — беспардонно влез в разговор Руслан, который, как и мы, оказался случайным слушателем беседы «мэтров». — Вот бы нам такие знания! Захотел — полетел. Это ж круто! А можно этому научиться, Сэнсэй?

Сэнсэй глянул на паренька сначала серьёзно, но потом на его лице появилась лёгкая усмешка.

— Конечно, можно.

— А как, если в подробностях это всё рассматривать? — попытался «умно» поставить вопрос Руслан.

Сэнсэй немного помолчал, глядя на него, сохраняя при этом на лице еле заметную улыбку, а потом произнёс:

— Элементарно. Понимаешь, главное в этом деле — твой подход, твоё желание, внутренний настрой и самое важное — твоя большая жажда испытать эту левитацию. Сам принцип левитации не сложен. Основное зерно заключается в твоём желании...

— Ну, это вроде как понятно, а конкретнее... в физическом смысле? — допытывался Руслан,

сосредоточенно нахмурив брови, точно перед ним лежал непосильный ребус.

— Конкретней? Ну, скажем так. Каждый человек является генератором строго индивидуального торсионного поля. Это торсионное поле воздействует на фотоны окружающего его физического пространства и взаимодействует с торсионными полями других индивидуумов. Для того чтобы начался эффект левитации, то есть говоря проще эффект зависания в воздухе твоего физического тела, необходимо придать определённое возбуждение с помощью психической энергии и перевести кинетическую энергию в потенциальную и наоборот. Это вызывает мощный всплеск психической энергии, вследствие выброса адреналина, которая и приведёт к огромному возбуждению торсионного поля другого индивидуума, что неминуемо скажется на значительном увеличении и ускорении твоего энергетического потенциала.

Так вот, когда ты настраиваешься мысленно, в лабильной спиновой системе, то есть твоём мозге, возникают определённые спиновые структуры, которые повторяют пространственно-частотную структуру сформированного образа. Эта информация, в свою очередь, передаётся не только организму в целом, но и в окружающую среду и тем самым взаимодействует с фотонами, то есть квантами электромагнитного излучения. При наличии определённых условий, а именно личной силы и чёткой концентрации мысли, происходит эффект, который впоследствии и позволяет резко уменьшить твой вес. А дальше, как говорится,

дело техники. Так вот, с какой силой сработает твой генератор устойчивой мысли, столько и будет длиться эффект левитации. Обыкновенная физика и ничего сложного и сверхъестественного в ней нет...

Ребята пытались внимательно вслушиваться в каждое слово Сэнсэя. Я же вообще, не поняв и половины, что он сказал, старалась просто запомнить его слова, дублируя их в мыслях, чтобы потом записать их слово в слово в свой дневник. А у Николая Андреевича от всего услышанного просто челюсть отвисла и был такой непонимающий взгляд, словно у студента-первокурсника, который присутствует на чьей-то защите как минимум докторской диссертации.

— ...То есть всё зависит от твоей внутренней силы воли. Ведь эта сила огромна. Вон люди в древние времена «виманы» в воздух поднимали, эти огромные конструкции одной лишь силой своей воли, то есть психической энергией сконцентрированной мысли, не говоря уже об их собственных телах. Древние способны были поднимать и перемещать сотни тонн. А почему им это удавалось? Потому что эти люди обладали дисциплиной своего ума... Самое главное — это концентрированное сосредоточение на желаемом результате, тогда происходит аккумуляция психической энергии. В голове у тебя должна быть только конечная цель, чёткая и ясная. Ты должен прочувствовать и представить весь этот процесс реально...

Во время такого объяснения Сэнсэя у Руслана появился целеустремлённый взгляд. Очевидно,

парень горел желанием воплотить слова сразу в практику.

— Сэнсэй, а этому долго надо учиться? — воодушевлённо протараторил Руслан.

— Ну, если серьёзно, чтобы научиться левитировать часами, конечно, нужно время. А чтобы зависнуть на несколько секунд — это может проделать практически каждый из начинающих.

— Ух ты! — восхищённо произнёс Руслан. — Так можно прямо сейчас попробовать?!

— А почему нельзя? Всё можно, если очень захотеть.

— А как? Что нужно делать? — спешно допытывался Руслан.

— Ну, в данном случае, при начальном обучении очень важен разбег. На первый раз я, конечно, не обещаю, что ты будешь долго парить, но около минуты свободного полёта — это вполне реально. Больше ты вряд ли выдержишь. В крайнем случае, после преодоления критической точки, ты сможешь несколько секунд бежать по воде.

— Да? По поверхности?! — обрадовано воскликнул Руслан.

— Естественно... Здесь очень важен элемент скорости, а также импульсная сила отрыва...

Тут я почему-то вспомнила про водомерок, с какой скоростью и лёгкостью эти насекомые скользят по поверхности воды. Мне припомнились уроки по зоологии и подумалось: «Если учесть маленький вес и плёнку поверхностного натяжения воды, то, наверное, этот процесс вполне возможен».

Среди нашей компании начался целый ажиотаж. Руслан с сосредоточенным лицом, внимая словам Сэнсэя, готовился стартовать в сторону моря. Остальные ребята с интересом наблюдали за этим процессом. Женька со Стасом стали подсказывать Руслану, как взять хороший старт. Андрей с Костиком изъявили желание быть следующими участниками этого эксперимента. Мы с Татьяной уже почти с завистью смотрели «на везунчика» Руслана, который первым в нашей компании воспарит в воздухе.

И тут Костик со свойственным ему энтузиазмом предложил, обращаясь к Сэнсэю:

— А может мне вместо Руслана попробовать, так сказать для чистоты эксперимента. У меня всё-таки вес на два килограмма меньше его.

— На два килограмма, на два килограмма, — передразнил его в шутку Руслан. — Кто первым спросил, тот первый и полетит! Занимай очередь.

— Да какая разница, — махнул рукой Костик. — Сэнсэй, может, мы вдвоём одновременно? А то вдруг у него не получится сделать так, как надо?

— Это мы ещё посмотрим, у кого не получится! — взъерошился Руслан. — И вообще, уйди отсюда, только мешаешь сосредоточиться...

Сэнсэй же только усмехнулся на такой мальчишеский запал и продолжил свои наставления:

— Да чего вы переживаете, ребята, все успеете попробовать, если желание таковое присутствует. Я ещё раз повторяю, главное — это взять хороший разбег...

— А я что-нибудь буду при этом ощущать... физически? — усердно расспрашивал Руслан, косо поглядывая на пытающегося пристроиться рядом с ним Костика.

— Безусловно. Определённые ощущения будут. В момент отрыва, к примеру, у тебя резко изменится частота пульса. Она увеличится порядком на сорок единиц. Изменится также когерентность волновых процессов в твоём мозге. При взлёте сначала наступит полная остановка дыхания, а потом сменится сам характер дыхания. В общем, за гамму ощущений не переживай. Считай, что полный букет тебе уже обеспечен. Главное для тебя сейчас — это взять хороший разбег. Ты понял?

Руслан стоял в полном напряжении, как говорится в боевой готовности номер один:

— Понял, понял, — рапортовал он. — А дальше как? Как отрываться-то от земли?

Сэнсэй ответил:

— О, за это не беспокойся, от земли точно оторвёшься. Главное, хорошенечко разогнаться. Смотри, никаких посторонних мыслей. Главное цель. Твоя цель — полёт.

— Понял, понял! Так, цель есть. Мыслей нету. Что делать дальше?

— А дальше, — промолвил Сэнсэй, — разбегаешься и... со всей силы даёшь Володе под зад. — И при этом указал на нашего спецназовца. Тот как раз пребывал в соответствующем наклоне и мирно мыл посуду возле кромки моря. Да, для «начального толчка» Руслана Володя как раз на-

ходился в «стартовой позиции». — И всё! Последующая левитация тебе точно гарантирована.

Воцарилась тишина. Народ с удивлением перевёл взгляд с нашего спецназовца Володи на Сэнсэя, пытаясь понять происходящее. Но эта застывшая во времени немая сцена продолжалась недолго. Первым, до кого дошла вся суть сказанного Сэнсэем, был Николай Андреевич. Он разразился таким хохотом, что у него даже потекли слёзы. До ребят дошло чуть позже. Но когда «прозрела» и я, воздух побережья уже вовсю сотрясался от раскатистого смеха нашей компании и «любезных уступок» Руслана и Костика друг дружке на право первого «взлёта». Даже наши «дежурные», обернувшись на повальный хохот коллектива, поспешили присоединиться к нам с недомытыми кастрюлями. Терзаемые любопытством, они ещё минут десять пытались добиться от нашей умирающей со смеху компании, что же всё-таки тут произошло.

После того как ребята немного угомонились и в большинстве своём побежали купаться, в шутку экспериментируя друг на друге «новый метод левитации», только тогда Николай Андреевич вновь вернулся к интересующему его разговору с Игорем Михайловичем, который столь бесцеремонно был прерван глупым любопытством Руслана.

— Вот я никак в толк не возьму, во-первых, кто мог передать древним эти знания, а во-вторых, как могли воспринять те первобытные племена своим примитивным мышлением такую науку?

— Дело в том, что эти племена были далеко не первобытными. Это оставшиеся в живых потомки цивилизации атлантов. Их мышление вовсе не было примитивным, как ты считаешь. Оно было абсолютно такое же, как и у нас. Ведь на протяжении всего этого времени человеческий мозг не претерпел никаких изменений. Более того, они использовали возможности головного мозга гораздо лучше и качественнее, чем мы.

— То есть, ты хочешь сказать, что интеллектуально они были гораздо развитее нас?

— Может это и парадоксально для тебя звучит, но это факт. Если считать в процентном соотношении, то сейчас мы используем около 10% от наших возможностей, а они использовали — свыше 50%. Вот и считай. Получается, что они в пять раз были умнее, чем мы, несмотря на всю иллюзорную «высокотехнологическую» развитость нашего времени.

— Но как такое возможно?

— Дело в том, что по большому счёту мы только приступаем к освоению наших возможностей. А в начале этой цивилизации люди, имея высокий потенциал своих умственных возможностей, наоборот, деградировали, то есть шли от своих больших достижений к меньшим. Это нормально, ведь те разрозненные группы являлись остатками от прошлой высокоразвитой цивилизации. В последующем их потомки утратили былые способности и знания, так сказать докатились до ручки, а потом опять начали всё по новой.

Вся проблема заключается в том, что высоко-

развитые цивилизации очень зависимы от внешних факторов. — Сэнсэй глянул в небо. — Вот возьми, к примеру, Солнце. Современные учёные предполагают, что его ресурсов хватит на миллиард лет. А потом оно может расшириться и погаснуть, вследствие чего всё живое на Земле исчезнет. Ну, во-первых, это всего лишь их предположения и догадки, поскольку о Солнце учёные мало что знают. А во-вторых, даже сейчас, в любую секунду на Солнце может произойти мегавыброс в сторону Земли. И если такое случится, то через три дня от всего живого на Земле мало что останется. От человечества — в лучшем случае маленькие разрозненные группки людей, перед которыми остро станет проблема выживания. Ведь чтобы питаться даже растениями, надо же их ещё вырастить, а для этого, в свою очередь, необходимо хотя бы найти их семена. Но даже если не брать в расчёт глобальную катастрофу. Просто представь, что будет с нами, если у нас сейчас забрать электричество, газ, нефть, говоря проще, все блага цивилизации. Мы окажемся практически неприспособленными к выживанию. Так получилось и тогда...

— Угу, таким образом и появились в истории «охотники» и «собиратели», — печально усмехнулся доктор, — с неожиданными проблесками астрономических и математических знаний, присущих высшей цивилизации.

— Совершенно верно. Вначале были племена, сообщества. Потом в них стремительно стала развиваться религия. Произошла узурпация власти

некоторыми индивидами, заинтересованными в снижении интеллекта в массах. Тупыми же легче управлять. Вот так мы, дорогой Николай Андреевич, и докатились до того, что имеем.

— М-да, — тяжко протянул психотерапевт и, немного подумав, добавил: — А ведь и правда, человек является в первую очередь потребителем различных продуктов цивилизации и лишь небольшим звеном в цепи их воспроизводства. А если ничего этого не будет, тогда как быть? Даже дом не построишь. Там же, помимо теоретических знаний, необходима ещё и масса изобретений цивилизации, тот же кирпич, цемент, гвозди и так далее. А так...

Николай Андреевич пожал плечами.

— А так только шалаш или землянка, — усмехнулся Сэнсэй.

— Ну да, в лучшем случае пещера, — поддержал его юмор Николай Андреевич. — Ведь если по сути разобраться, что умеет делать современный человек, если останется один на один с природой? И впрямь ничего толкового.

— Это точно... Некоторые особо ленивые индивиды даже понятия не имеют об элементарных вещах, к примеру, как и что выращивать, — промолвил в шутку Сэнсэй: — У них же продукты «растут» в магазинах, прямо в полиэтиленовых упаковках. О чём тут можно говорить?

Услышав подобное, я начала «примерять» сказанное к своей особе. При этом спешно попыталась вспомнить дачный опыт своей семьи, что и как моя мама сажала в огороде. И вообще, чего

я умею делать в этой жизни, а чего нет. Пробелов в «элементарных вещах» оказалось такое большое количество, что просто сама себе ужаснулась. И я решила, во что бы то ни стало по мере возможности нагнать упущенное. Наметила себе в планах по приезду домой расспросить старшее поколение о том, как же они выживали в годы войны, когда вокруг были суровые условия, голод, разруха. А также задалась целью принять самое посильное участие в дачных делах и действительно научиться, как говорит Сэнсэй, «элементарному». Ведь когда тебя заставляют что-либо делать — это одно, но когда сам горишь желанием научиться — это совершенно другое.

Наши «мэтры» вновь посмеялись над своими шутками, а потом Сэнсэй предложил:

— Ладно, доктор, хватит о «грустном», пошли купаться. — И глянув на расположение солнца на небосклоне, по-философски добавил: — Пока ещё есть такая возможность.

3

Вдоволь накупавшись, Стас и Женя решили попутешествовать по воде на надувной лодке, понырять с аквалангами и по возможности порыбачить. В попутчики к ним охотно присоединились Володя и Виктор. Подготовив надувную лодку и погрузив туда рыболовные принадлежности, эта четвёрка поплыла вдоль берега в направлении рыбзавода. Остальные же, что называется, от вольного добрались до воды, чередуя длительное купание с коротким отдыхом на горячем песке. Сэнсэй с Николаем Андреевичем больше предпочитали «солнечные ванны», после которых совершали длительные заплывы в сторону моря, куда наша молодая компания заплывать не решалась.

Время полноценного отдыха пролетало незаметно. Наши ребята, после очередного купания, с блаженством развалившись на берегу, от примитивного развлечения по сотворению маленьких

песочных горок путём усовершенствования творческой мысли дошли до идеи создать незатейливую скульптуру из песка с участием частей тел. «Жертвами» грандиозного замысла стали Костик, Руслан и Славик, вернее их головы, руки и ноги. В процессе «лепки», благодаря разыгравшемуся творческому аппетиту и бурной фантазии, для украшения «произведения искусства» в ход пошла кухонная утварь (в виде тарелок, ложек, вилок), элементы одежды, а также природные дары, такие как камыши, водоросли, ракушки и скудная местная растительность. Ввиду исключительного положения голов «позирующих» во время нашей творческой активности их постоянно приходилось поить, подкармливать, почёсывать носы, щёки, отгонять мух и прочую живность, которая, пользуясь моментом, пыталась на них вскарабкаться, словно любознательные туристы на гору Килиманджаро. В конце концов, после упорного труда, сопровождаемого нескончаемым потоком смеха, вместо задуманного сказочного «Змея Горыныча» в современном варианте у нас вышел, как выразился Андрей, «мутант неизвестной породы». Когда мы вносили последние штрихи в украшение нашего «красавца», одна из его «голов» (которая носила имя Руслан) узрела вдали бегущих по берегу Стаса и Женю.

— О! А где лодка? — удивилась самая «зоркая голова Горыныча». — Чего это они?

«Голова» под именем Славик лениво повернулась в ту сторону в своём непревзойдённом убранстве в виде «шляпы» со свисающими с неё водорослями и, хмыкнув, добавила:

— Забыли, наверное, что-нибудь.

И, наконец, третья «голова», самая мудрая (под именем Костик), что располагалась посредине двух других и соответственно своему статусу была украшена суперчалмой, собственноручно изготовленной Татьяной из рулона туалетной бумаги, салфеток, камышей и всякой травяной растительности, рассудительно произнесла:

— Если бы они чего-то забыли, они бы не летели с такой скоростью.

И действительно, судя по поспешности парней, нельзя сказать, что бег у них был прогулочный. Тем более отсутствие Виктора и Володи, а также соответствующего снаряжения, с которым они уплыли, явно говорило о том, что с ними что-то приключилось. Всё наше внимание сосредоточилось на старших ребятах.

Парни же, добежав до лагеря, стали восстанавливать дыхание после скоростного бега, при этом с удивлением глядя на наш воплощённый творческий замысел.

— Случилось чего? — озадаченно поинтересовалась самая «мудрая голова».

— Ну, вы даёте! — усмехнулся Женя, созерцая грандиозное изваяние.

— А где Сэнсэй? — вопросом на вопрос отозвался Стас.

— Да вон он. — Андрей указал в сторону моря, где среди волн мелькали две головы. — В заплыве с Николаем Андреевичем.

Стас и Женя оглянулись, всматриваясь вдаль. Женя, недолго думая, приложил пальцы к губам

и стал громко свистеть в сторону моря. Свист был настолько пронзительным, что Андрей даже со смехом отшатнулся от него, потирая свои уши:

— Нет, ну предупреждать же надо. Так и оглохнуть недолго.

— Да что случилось? — подключился к расспросам Юра.

— Авария, что ли, на вашем судне? С течением не справились? — ехидненько промолвила «зоркая голова».

— Надеемся без жертв, — заключила мысль своего «собрата» «умная голова».

— Да ничего не случилось, — ответил Стас разом на все вопросы, пока Женька выводил свой художественный свист. — Судно в порядке. Все живы, здоровы, чего и вам желаем... — Стас с улыбкой посмотрел на торчащие из песка головы ребят с их «разбросанными» конечностями. — Просто на берегу дельфина нашли.

— Дельфина?! — чуть ли не хором воскликнули мы с Татьяной.

— Да, такого небольшого. — Парень показал руками размер. — Метра полтора.

У нашей компании вырвался возглас восхищения.

— Ух ты!

В это время Сэнсэй и Николай Андреевич, плавая на глубине, оглянулись, и Женька, сигнализируя им, замахал руками. Мужчины поплыли назад к берегу.

— Живой дельфин?! — поинтересовался Андрей.

Женька, выполнив возложенные на себя обязанности «радиомаяка», тут же подключился к разговору.

— Не... дохлый, с дыркой в боку. Причём свежак. Из вавки кровь ещё сочится.

— Фу-у-у, — брезгливо произнёс Руслан.

— Да уж, — продолжал нагнетать обстановку Женя, — зрелище не для слабонервных.

— Кто же его так? — с ноткой жалости проговорил Славик.

— Да что, мало ли «любителей природы»? — чёрным юмором ответил Женя. — Куда ни плюнь, сплошные маньяки по берегу ходят. Так и ищут себе жертву... — и, глянув на скованное положение парня, зарытого в песок, добавил: — особенно беспомощную.

— Ну, ну, — усмехнулся Костик вместе с нами. — Ты сейчас расскажешь! Называется «снимите кепку, растопырьте уши шире».

Женя оценивающе глянул на голову Костика в общей композиции скульптуры и в его глазах блеснул озорной огонёк.

— А это идея, — проговорил парень и как заправский мастер по песочным делам стал дополнять своими смешными задумками нашего и без того комичного «мутанта».

Когда из воды вышел Сэнсэй вместе с Николаем Андреевичем, наш коллектив уже находился в состоянии бурного, безудержного смеха, причём не только «зрителей», но и самих «позирующих» для этой скульптуры. Кстати говоря, последние хохотали больше всех, сотрясаясь, словно прос-

нувшиеся вулканы, отчего от «произведения искусства» начинали отваливаться детали. А если ещё учесть комментарии Женьки по этому поводу, то можно представить, в каком «слёзно-закаточном» состоянии застали нас Сэнсэй и Николай Андреевич, выходя из воды. Впрочем, они тоже быстро присоединились к нашему веселью, отпустив пару уморительных шуточек в сторону этого коллективного творения. А Николай Андреевич, тот вообще, судя по Женькиным дополнениям к скульптуре, которыми тот похвастался, в шутку поставил ему однозначный «диагноз», расписав при этом все присущие ему симптомы.

Когда закончился этот беспрерывный смех и извлечённые из песка «жертвы» скульптуры пошли купаться, Стас вкратце рассказал Сэнсэю и Николаю Андреевичу об их находке. Наш психотерапевт, стоявший рядом с Сэнсэем, слушал парня сначала в некотором напряжении, но потом, расслабившись, произнёс:

— А я уж подумал... Так свистели с берега, точно весь ваш экипаж пошёл ко дну.

— Да это вон Соловей-разбойник, — с виноватой улыбкой кивнул Стас на Женьку.

— Ага, — подхватил Андрей, слушая разговор, — упражнялся тут на наших ушах.

Женька самодовольно усмехнулся и махнул рукой в сторону Андрея.

— Эх, темнота! Ничего вы не понимаете в нашем разбойничьем акустическом искусстве.

Все вновь засмеялись. Сэнсэй же лишь улыбнулся и промолвил:

— Ну, показывайте вашу «большую дорогу».

Стас, Женька, Сэнсэй и Николай Андреевич двинулись в путь. Руслан, в это время выходя из моря, спросил у Юры:

— Ты дельфина когда-нибудь видел?

— Нет.

— И я «нет». Пошли, посмотрим?

— Пошли.

Они поспешили догнать Сэнсэя. А следом за ними рванула и вся наша компания, терзаемая не меньшим любопытством. Николай Андреевич обернулся и, увидев такой массовый поход, остановился.

— Э, ребята, а кто в лагере останется?

— Да от кого его охранять-то? — за всех ответил Андрей. — Всё равно вокруг ни одной живой души...

— Кроме маньяка-одиночки, — устрашающим «закадровым» голосом добавил Женька.

Все засмеялись, а Николай Андреевич вопросительно посмотрел на Сэнсэя.

— Ничего страшного, — ответил тот на его молчаливый вопрос.

— А машины?

— Да ладно, это всего лишь железо. Если что, пешком до города дойдём.

— И, правда, — весело поддержал его доктор, переключившись на настроение Сэнсэя. — Тем более ходить полезно для здоровья!

Минут через двадцать пешего хода мы увидели надувную лодку, вытащенную на берег, а рядом Володю и Виктора, которые сидели возле неподви-

жного тела животного и видимо из жалости поливали его морской водой, хотя было очевидным, что это уже ему не поможет. Дельфин лежал на песке, головой к берегу. Прибрежные морские волны едва доходили до хвостовой части туловища.

Подойдя, мы молча окружили это необычное существо. И первое, что меня в нём поразило — его щелевидные тёмно-карие глаза. Они застыли в выражении немой, ужасной боли и страдания, словно у человека, пережившего большое горе. Его тёмная, почти чёрная спина, увлажнённая человеческими руками, блестела на солнце, порождая иллюзию тела, наполненного жизнью. Белое брюшко и красивые чёрно-белые полосы по бокам контрастно выделялись на идеально гладкой коже. Светлые участки виднелись вокруг симпатичной мордочки со слегка выступающей нижней челюстью. Сбоку на туловище, чуть ниже головы, находилась колотая рана, из которой уже едва сочилась кровь. «Вечная» добродушная улыбка дельфина казалась такой нереальной на одре ужасной смерти. Глядя на это безобидное, дружелюбное существо, сердце сжималось от жалости, неспособности чем-либо ему помочь.

— Кто же его так? — грустно спросил Андрей, глядя на дельфина.

— Очевидно, рыбаки багром ударили, — ответил Сэнсэй, осматривая рану.

— Господи, за что?! — с жалостью вырвалось у Татьяны.

— Иногда дельфины у рыбаков улов обкрадывают, снасти им портят. Но дельфин всего лишь

животное. Он плывёт туда, где есть добыча. А люди... — Сэнсэй тяжело вздохнул, взгляд его сделался несколько суровым, — за это их убивают.

Сэнсэй замолчал, а во мне в эту минуту всколыхнулись целые потоки различных чувств. В горле застрял какой-то комок, к глазам подступали слёзы. У какой же твари, иначе этого человека не назовёшь, поднялась рука на столь великолепное создание? Это же дельфин, полноправный обитатель Земли, житель океана. И его «дом» гораздо больше нашего. Да нам, людям, не убивать нужно, а учиться у этих доброжелательных существ их удивительной дружелюбности, их естественной радости жизни, гармонии сосуществования. Ведь они хоть и дикие животные, но никогда не пытаются взять больше от природы, чем им нужно для существования, никогда не пытаются кого-либо или что-либо завоёвывать. Они мирно уживаются с огромным видовым разнообразием «жителей» Мирового океана и не просто существуют, а, учитывая их жизнелюбие, не сомневаюсь в этом, умеют радоваться каждому проживаемому мгновению.

По-моему, в погоне за нашим «цивилизованным» прогрессом, который требует всё больше и больше природных жертв, мы утрачиваем свой человеческий облик, мы утрачиваем в первую очередь себя, своё Духовное. Ненасытными, нескончаемыми потребностями возвеличиваем Эго, превращаемся в уродливых, бездушных тварей, уничтожающих не только Землю, но и всё живое на ней, в том числе и себе подобных. И считаем

это нормой?! Но разве для этого мы появились на свет? Жизнь — мгновение. И каждый в этом мгновении хочет быть счастливым. Хочет, но не может. Почему? Природа нам даёт свои молчаливые ответы на эти вопросы в гармонии своих будней. Только мы делаем всё наоборот: вместо того чтобы наблюдать — убиваем, вместо того чтобы разумно созидать — разрушаем. Да, это страшно — жить со звериной натурой и обладать разумом, где главенствует Эго. Вечные муки... А ведь счастье так близко. Нужно лишь повернуться в сторону Добра и просто стать Человеком.

Ребята стояли молча над телом дельфина. Даже Стас, насколько он был парнем сдержанным, и тот отвёл взгляд в сторону, еле сдерживая эмоции:

— Попался бы мне сейчас этот «рыбачок», надолго бы потерял охоту брать что-либо тяжёлое в руки...

— ...и дурное в голову, — таким же тоном добавил Виктор.

— Ненависть — плохой советчик, — задумчиво заметил Сэнсэй.

— А кто говорит о ненависти, — пожал плечами Женька. — Мы бы его «любя»... отметелили. Да так, что он не то что руку на дельфина.., он бы воду за седьмую версту обходил, к умывальнику дорогу забыл.

— Ну, ну, «толерантный» ты наш, — с едва заметной улыбкой проговорил Сэнсэй и, помолчав немного, добавил: — А если серьёзно, ты, конечно, в чём-то и прав, если **будешь снисходителен**

к злу, не заметишь, как станешь равнодушным к добру. Однако, наказывая зло, надо уметь вовремя остановиться. Только так ты сможешь избежать опасности, которая таится внутри тебя. Побеждающий не гордится, не насилует, не ликует. Он побеждает... и в первую очередь самого себя. Так что наказывая зло, нужно помнить о добре.

Ребята выслушали Сэнсэя и вновь понурили головы над телом дельфина.

— Давайте похороним его, что ли, — предложил Женька после некоторого молчания, очевидно пытаясь как-то реабилитироваться перед Сэнсэем.

— Правильно, — поддержал его Андрей. — Сейчас я за лопатой сбегаю...

— Да зачем лопата? — возразил Женя. — Нас много, быстрее руками выроем могилу в песке. Что тут её рыть?

И словно в подтвержденье своих слов Женька сделал руками несколько размашистых загрёбов песка, словно многоковшовый экскаватор, демонстрируя нам, как это быстро делается. Сэнсэй же во время Женькиных «песочных работ» зачерпнул рукой воду и полил её на дельфина. Потом стал нежно поглаживать его голову, при этом приговаривая:

— Зачем же вы его хотите хоронить на суше? Он — моряк. Его родная стихия — это море...

— Что, его бросим вот так, в море?! — удивился Женя. — Давайте лучше в песок зароем, по крайней мере его рыбы не съедят. Здесь он будет

спать спокойно... — Сэнсэй, сидя на корточках, глянул на него и усмехнулся, отчего Женька, почуяв, что снова ляпнул что-то не то, растерянно добавил: — дорогой нам товарищ.

Такой репликой он вызвал у ребят улыбки, которые те постарались скрыть, так как момент для этого был явно неподходящим. Сэнсэй же не стал ничего отвечать Жене. Он начал приподнимать голову дельфина, взявшись за неё двумя руками.

— Ну-ка, Николай Андреевич, помоги...

На помощь, помимо Николая Андреевича, сразу же ринулись и другие ребята, в том числе и Женька. Но для переноса тела вполне хватило Сэнсэя, Николая Андреевича и Володи. «Траурный эскорт» двинулся в море. Часть нашей компании осталась на берегу, остальные, в том числе и моя особа, шли в сопровождении. Едва вода стала доходить до пояса, и тело дельфина было наполовину погружено в воду, Сэнсэй сказал своим помощникам:

— Давайте я дальше сам. В воде он легче...

Когда мужчины передавали Сэнсэю тело дельфина, я заметила, что Сэнсэй не просто его обхватил, как придётся. К моему удивлению, он положил ладонь левой руки прямо на рану, словно прикрывая её от любопытных глаз. Правой же рукой обхватил сверху спину животного. И погрузив тело дельфина наполовину в воду, пошёл с ним на глубину. Мы же остались стоять на месте.

Сэнсэй шёл медленно и осторожно, словно в его руках был не мёртвый дельфин, а маленький ребёнок, которого он нежно поддерживал и тер-

пеливо учил плавать. Они постепенно удалялись в море. Лишь когда вода дошла Сэнсэю до груди, он остановился. Я подумала, что сейчас он оттолкнёт тело на глубину и оно пойдёт ко дну. Мне стало безумно жалко этого дельфина. Несмотря на те печальные обстоятельства, благодаря которым мы смогли узреть это чудесное творенье природы, и короткое время нашей «встречи», всё же этот дельфин показался каким-то родным и близким. Во мне зародилось необычное чувство к этому животному, которое трудно точно описать словами, словно его горе при жизни было моим горем, его боль — была моей болью. Это непонятное ощущение какого-то невидимого единения стало переполнять меня изнутри. Я прикрыла глаза, боясь увидеть момент его погружения в воду, и подумала, пусть лучше в памяти сохранится картинка его «странствия» с Сэнсэем. Но, закрыв на какое-то время глаза, я неожиданно услышала удивлённый голос Татьяны:

— Он что, живой?!

Я открыла глаза и с удивлением увидела, что мои друзья с любопытством наблюдали за Сэнсэем и дельфином, который по-прежнему находился у него в руках. Вода, где находился хвост дельфина, волнообразно колыхнулась. Сначала я подумала, что это мне померещилось. Но спустя несколько секунд колыхание вновь повторилось, причём гораздо сильней. Это уже ни с чем не спутаешь. То же заметили и ребята. Мы обрадовано воскликнули:

— Смотрите, смотрите, он живой!

Привлечённые нашим шумом, парни, оставшиеся на берегу, попытались подойти к нам. Мы же хотели подобраться поближе к Сэнсэю. Но Николай Андреевич остановил нас всех.

— Тише, не шумите. Стойте на месте. Напугаете же его...

Наша компания замерла, с восхищением наблюдая за происходящим. Движения дельфина были сначала слабые, точно он медленно приходил в себя после глубокого забытья. Но немного позже они стали смелее и интенсивнее. Удивительным было и то, что этот дикий раненый дельфин, явно испытавший неимоверную боль от чуть не погубившего его человека, даже не пытался вырваться из рук Сэнсэя, хотя тот лишь поддерживал его на плаву. Наоборот, судя по оживлённым движениям, он словно наполнялся жизненной силой. Похоже, каким-то образом понимая это, дельфин не спешил выскальзывать из заботливых, добрых рук.

Через некоторое время дельфин вскинул из воды свой плоский хвост, по форме похожий на китовый, только в миниатюре, и, смешно шлёпнув им по воде, нырнул. Вынырнув недалеко от Сэнсэя, он стал к нему боком, и некоторое время самостоятельно балансировал на поверхности, при этом «наблюдая» за тем, кто ещё недавно держал его в руках. Сэнсэй тоже замер, глядя на дельфина. Через некоторое время, когда, видимо, этот безмолвный «диалог» закончился, дельфин развернулся и медленно поплыл в сторону открытого моря. Вопреки нашим ожиданиям, он больше не

нырял, а старался держаться на поверхности. Сэнсэй же проводил его немного взглядом, а потом, окунувшись и пригладив волосы, стал возвращаться на берег.

Когда мы уже все столпились на берегу, Виктор заметил:

— Что-то он хиленько плывёт. Насколько мне известно, дельфины — быстроходные создания.

На что Женька подметил на своём излюбленном деревенском диалекте:

— Тебя бы так багром вдарили, посмотрел бы я, как ты поплыл ... Хорошо, что ещё хоть так буксирует своё тело.

— Да, слабоват, — произнёс задумчиво Сэнсэй, глядя, как тёмный силуэт с полумесяцем-плавником неспешно удалялся в море, периодически теряясь среди волн.

— Я ж и говорю, выживет ли? — деловито проговорил Женька.

— Сплюнь, — предложил ему Стас.

Женька тут же последовал его совету. Поплевал три раза через левое плечо и, сняв бейсболку, постучал по своей голове. Стас, заметив его движения, усмехнулся:

— Та по дереву же надо, по дереву стучать.

— Так ведь дерево оно и есть дерево, — сказал Женька таким тоном, мол это всего лишь мелочи жизни.

Мы заулыбались. А Стас, махнув рукой в его сторону, обратился к нам:

— Помогите нам вещи дотащить. А то вся охота пропала рыбачить.

Второй раз нам не нужно было повторять. Все дружно пошли разбирать удочки, рюкзаки, разгружая лодку. Саму же лодку ребята спустили на воду на мелководье и за верёвку потащили её как бурлаки вдоль берега.

Пока мы собирались, поднялся сильный ветер. Уходя, мы вновь глянули на море, высматривая глазами нашего дельфина. Но его уже нигде не было видно среди поднявшихся волн. Сквозь шум ветра донёсся печальный крик чайки, кружившей над водой... Да, к сожалению, всё имеет в этой жизни своё начало и свой конец.

Мы поникли головами. Очевидно, никому не хотелось верить, что наш почти оживший дельфин утонул, хотя здравый смысл твердил скорее об обратном. Некоторое время мы шли молча, всё оглядываясь с надеждой туда, где последний раз видели дельфина. Но каждый раз с грустью опускали свой взор на песок под ногами.

— Нет, ну в конце концов, — первым не выдержал Женька этого прискорбного тотального молчания. — Дельфины же не тонут. Это же рыба!

— Тонут, — ответил Сэнсэй ровным и спокойным голосом, в котором не было ни намёка на малейшие эмоции. — Бывают случаи, когда они тонут в течение минуты, особенно когда возбуждены, испуганы. Но если они тонут — это происходит быстро... И если уж на то пошло, дельфины — это вообще не рыбы, а теплокровные млекопитающие, так же, как и человек. Они обладают развитым мозгом. И, между прочим, кора

головного мозга дельфинов имеет большую площадь, чем кора человека.

— Соответственно и извилин в ней больше, в отличие от некоторых гомосапиенсов, — шутливо добавил Николай Андреевич, взглянув на Женьку.

Сэнсэй улыбнулся и продолжил:

— И так же, как и человек, дельфины реагируют на различные ситуации, в том числе и стрессовые. Им тоже присущ страх.

— Всё равно не пойму, как они могут утонуть? — пожал плечами Женя, то ли действительно не разумея, то ли притворяясь.

— Обыкновенно, — ответил Сэнсэй. — Они просто захлёбываются, как человек. Если дельфин находится в стрессовом состоянии, то достаточно воде попасть через дыхало в лёгкие... и всё.

— Через дыхало? — переспросил Руслан. — Это что-то типа человеческой ноздри, что ли?

— Угу, только расположенной в самой верхней части головы. Оно напрямую сообщается с лёгкими.

— Здорово! Чихнул, и всё море вокруг в... — Руслан не договорил, предоставляя вяло улыбающейся публике самой закончить его «гениальную догадку».

— Интересно, а как же он кашляет в воде? — поинтересовался Андрей.

— Да никак. Дельфины никогда не кашляют.

— Везёт же... этим теплокровным млекопитающим, — позавидовал Виктор, которого с самого утра мучил кашель. — Наверное, они никогда не болеют простудой.

— И чего я не дельфин? — мечтательно произнёс Женька.

— Ошибаешься, — ответил Сэнсэй Виктору. — Они так же болеют, как и мы. У нас даже идентичны с ними микроорганизмы, которые вызывают респираторные заболевания. Вот только в отличие от нас дельфины очень плохо переносят простуду. У них она зачастую переходит в воспаление лёгких, которое почти всегда заканчивается смертью животного.

Женька сотворил удивлённый взгляд:

— Да? Всё же хорошо, что я не дельфин.

— Но если они захлёбываются от воды, как же они там живут? — полюбопытствовал Костя.

— Гибнут они лишь при значительных стрессах, когда впадают в панику, в принципе так же, как и человек. А так они живут будь здоров! У них такая система мышечных и воздушных клапанов, которая идеально работает в самых сложных внешних условиях.

— Да уж, — вздохнул Николай Андреевич. — Называется в страхе все равны. — И помолчав, спросил у Сэнсэя: — Подожди, подожди, получается для дельфинов во время апноэ важен психологический фактор, как апноэ для человека?

— Совершенно верно.

— Апноэ? — удивился Руслан. — А что это такое?

Женька хмыкнул:

— Ну ты вообще... Апноэ — это задержка дыхания. Даже я про это знаю!

Руслан глянул на акваланги, лежащие в лодке, и с кривой улыбочкой произнёс:

— Ещё бы тебе не знать.

— Ничего, — подбодрил его Стас. — Поныряешь с наше, и ты будешь знать.

— Ага, головой в песок, — добавил Женька с усмешкой и посмотрел на Стаса.

Они вместе рассмеялись, вероятно, вспомнив какой-то забавный случай из своего прошлого. Руслан же обиженно промолвил:

— Я тебе страус, что ли?

— Ну, если нет, так будешь, — беззлобно заявил Женька, вновь переглянувшись со Стасом.

Народ почувствовал явный подвох в его словах и настоял рассказать о том, что скрывалось за этими ухмылочками. Парни поведали историю о своих первых неудачных опытах в процессе обучения нырянию. В общем-то, ничего особенного, но, безусловно, в Женькиной интерпретации это выглядело весьма комично. В конце Стас произнёс:

— Классно, если бы человек мог долго пребывать под водой без дополнительных средств, без аквалангов.

— Это вполне реально, — между прочим заметил Сэнсэй. — Мозг человека запрограммирован на многое. Просто надо уметь пользоваться этими возможностями... Ведь что есть дыхание человека? Это чередование вдоха и выдоха воздуха. Данный процесс происходит за счёт сокращения диафрагмы и рёберных мускулов, благодаря чему изменяется объём грудной клетки. Газовые обмены осуществляются на уровне лёгочных альвеол,

обогащая кровь. Кровь разносит кислород по клеткам, забирая углекислый газ. А чем регулируется этот ритм дыхания? Дыхательным центром, который расположен в продолговатом мозге. Вот тут-то и лежит золотой ключик к «переключениям скоростей».

— В смысле программ? — проговорил Костик.

— Ну да.

Женька самодовольно усмехнулся:

— Ага, а ключик, как в той сказке, лежит себе спокойненько и никто не знает, где он лежит. А кто знает, тот молчит, ибо сам дотянуться до него в ту щёлку не могёть.

— Ошибаешься, — улыбнулся Сэнсэй. — Кто хочет, тот всегда найдёт... и дотянется. Этих практик по задержке дыхания полно. Только надо искать и не лениться, а не сказки рассказывать, что их нет, потому что тебе они неведомы. Вон, к примеру, в йоге есть практика для тренировки контроля над дыханием. Называется Пранаяма. Хотя в первоначальном варианте она давалась именно как инструмент для пробуждения одного из древнейших рефлексов человека — «рефлекса погружения», причём не столько в воду, сколько в глубины собственного сознания, где человек постепенно приближался к истокам души. Но сейчас эта практика несколько видоизменена людьми и раздута в целое учение, где йоги в основном тратят время и силы на то, чтобы научиться контролировать дыхание, ускорять некоторые процессы в организме, например заживлять раны, или замедлять, к примеру, общий метаболизм или сер-

дечные сокращения... Это, конечно, тоже хорошо, человек хоть таким способом учится контролировать свои мысли. Но уж слишком людьми было разбито на дробинки целое и усложнено простое. Поэтому сегодняшний человек, занимаясь этой практикой, созерцая дробинку, думает, что это и есть то самое целое... — И уже вновь обращаясь непосредственно к Жене, Сэнсэй сказал: — Так что если ты хочешь научиться просто задерживать дыхание, можешь использовать и эту практику.

Выбор богатый. Техникой задержки дыхания в изменённом состоянии сознания люди владели издавна. Эта практика встречается повсюду: в Тропической Африке, в Северной Америке, в Лапландии, на острове Бали. Я уже не говорю о тех техниках, которые передают из поколения в поколения люди, издавна живущие дарами моря, например те же охотники за жемчугом.

Женька подумал-подумал и стал рассуждать вслух.

— Нет, ну сколько человек может продержаться под водой без воздуха? Максимум две минуты и то профессиональный ныряльщик. Я имею в виду без акваланга, — уточнил парень.

— Он прав, — согласился Николай Андреевич. — Потом наступает аноксия, проще говоря кислородное голодание, что приводит к необратимым процессам в веществе головного мозга. Человек теряет сознание...

— ...и всё, алес капут, — закончил Женька, поддерживая своего «компаньона».

На что Сэнсэй возразил:

— В особом состоянии сознания даже нетренированный человек может находиться гораздо дольше любого профессионального ныряльщика.

— Да ну, Сэнсэй, это уже слишком, — не поверил парень.

— Спорим? — тут же предложил Сэнсэй, загадочно улыбаясь.

— С тобой, Сэнсэй? Ни за что, — сразу же отмахнулся Женька под общий хохот ребят. — Я что, на самоубийцу похож? Я и так знаю, что столько не высижу под водой, сколько ты.

— Нет, я себя в счёт не беру, — успокоил его Сэнсэй. — Вон возьми любого из этой гвардии, на выбор.

— На выбор, говоришь? — лукаво усмехнулся Женька и стал нас «буравить» взглядом.

И тут, как назло, у меня случайно оборвалась ручка полиэтиленового пакета, который я несла.

— Ой, — растерянно произнесла моя особа и стала поспешно поднимать с песка рыболовные грузики и какие-то вещи.

Андрей и Володя, шедшие рядом, принялись мне помогать. Женька же, обратив внимание на «объект» своего беспроигрышного варианта, самодовольно заявил:

— Вот, возьмём хотя бы её.

— Её так её, — согласился Сэнсэй. — Ты не против? — спросил он у меня.

Я же, по наивности полагая, что это будет всего лишь какой-то очередной весёлый розыгрыш, решила подыграть Сэнсэю. И не хуже самоуверенного Женьки заявила:

— Конечно не против. Какие разговоры? Я же потомственный ныряльщик в седьмом поколении. А знаете, как сибиряки ныряют? Ого-го-го! Как нырнут в Горном Алтае, так аж в Карском море выныривают!

— Выныривают или всплывают? — с ехидненькой улыбочкой уточнил Женька.

— Ну, это как кому повезёт, — ответила я.

Наш диалог рассмешил всех ребят.

— Так-с, — потёр руки Женька в предвкушении выигрыша. — А на что-с спорим?

— Да на что хочешь! — весело ответил Сэнсэй.

— Тогда.., тогда, — аж растерялся парень.

— На дежурство по лагерю, — подсказал ему Стас, поскольку как раз приближалась их очередь.

— Точно, точно, — подхватил Женя. — На дежурство по лагерю! Это всякая там метлоуборка, посудодрайка, разведение пожарища на берегу, то бишь «очага» (так у нас называли костёр). И прочие, прочие мелкопротивные элементы лагерного быта.

— Идёт, — сказал Сэнсэй. — Придём в лагерь, тогда и устроим соревнования.

И они пожали друг другу руки, а Володя «разбил» их спор. Мы продолжили свой путь. Женька же, окрылённый своим явным преимуществом, принялся за «психологическую обработку» соперника, вернее соперницы, подготавливая меня к уборке и расписывая в подробностях, что мне предстоит сделать.

— Может, мне ещё пыль с камыша стереть? — со смехом предложила я, поддерживая это веселье.

— Нет, ну что вы, что вы! — начал деликатничать довольный Женька. — Всё-таки мы джентльмены. Ограничимся лагерным хаосом. — И тут же добавил: — Хотя, если у дамы будет такое желание, можно и не только пыль с камыша стереть. Вон ещё, к примеру, ту лужицу прибрать.

Женька кивнул на море, и все вновь грохнули со смеху. Так мы и шли до палаток, обмениваясь с ним «взаимными любезностями и уступками» под повальный хохот ребят.

4

Ещё издали мы увидели, что наш лагерь выглядел как-то непривычно, словно был покрыт белым движущимся налётом. Нет, мы, конечно, следили за чистотой, но чтобы до такой белизны... Подойдя поближе, мы узрели целое «пиршество» чаек. Наше неожиданное появление вызвало с их стороны вороватый испуг и паническое замешательство. Оторвавшись от своей разгульной трапезы, они как по команде взлетели вверх и что называется убрались восвояси, оставив после себя кучки объедков. От такой неслыханной наглости наша группа просто впала в оцепенение.

Эту картину надо было видеть. Повсюду валялись разорванные кульки с крупами, макаронами, которые к тому же были основательно перемешаны с песком. Эдакий песочно-крупо-макаронный фундамент вперемешку с помётом птиц. Белыми барханчиками возвышались горки рассыпанной

муки, соли, сахара. И весь этот утренний погром дополняли ажурные салфетки, которые ветер, словно играя, кружил по всему берегу. А если ещё и учесть предыдущий наш спор, то, к примеру, у моей особы вообще пропал дар речи и что называется «руки опустились».

После минуты гробового молчания, во время которой кто с удивлением, кто в ужасе рассматривал этот чудный пейзаж под названием «загородная свалка», Женя почесал свой затылок и с усмешкой триумфатора произнёс в сторону Андрея:

— Так, так, так. Это называется «ни одной живой души»?!

Андрей же поспешил отпарировать:

— Ага, кроме твоего маньяка-одиночки!

— То, что он был не одинокий — это однозначно, — в шутку заметил Виктор, рассматривая множественные следы погрома. — И судя по отпечаткам, этот «заводила» был, скорее всего, представителем местной фауны, у которого к тому же имелось четыре лапы, может даже и хвост. Явно он первым побывал в продуктовой палатке.

— Ну правильно, — вступился за неизвестного зверя Женя. — Он там объелся. Ему стало скучно, вот он и пригласил всех, кого мог, на вечеринку.

— Хорошая вечеринка, — хмыкнул Стас. — Кто ж теперь это всё убирать за них будет?

— Догадайся с первой попытки, — с усмешкой предложил ему Женя и довольный посмотрел в мою сторону.

Потом, словно спохватившись, он живенько стал отыскивать наш импровизированный веник из перевязанных веток. Тот оказался «полупритоптанным» в песок. Подняв, Женя его отряхнул, сделал вид, что сдунул с него последние пылинки, и щедрой рукой протянул мне веник.

— На, Золушка! Сегодня тебе отдых на морском побережье не светит. Спор есть спор.

Я приняла веник, понимая, что наводить порядок всё равно, так или иначе, придётся. И стала уже мысленно прикидывать, с чего же тут начать генеральную уборку территории. В это время Сэнсэй взял из моих рук веник и обратился к Жене:

— Но спор она ещё не проиграла.

— Но и выиграть ей уже вряд ли удастся, — с уверенным выражением лица проговорил улыбающийся парень.

— Я предлагаю вот что, — сказал Сэнсэй. — Раз такое дело, давайте усложним задачу...

— Э нет! Спор есть спор, как договорились, — начал было протестовать Женя, думая, что Сэнсэй сейчас предложит что-то сверхъестественное для его персоны.

— Так в твою же пользу!

Женька утих, подозрительно глянув в сторону Сэнсэя и пытаясь определить, откуда же исходит подвох. А Сэнсэй тем временем проговорил:

— Бери себе напарника. Ваше время под водой будем считать суммарно. То есть, сколько вы под водой выдержите по очереди против её одного ныряния.

Женька, не узрев для себя в этом ничего обременительного, тут же моментально согласился, боясь, что Сэнсэй передумает:

— Идёт, идёт! — И подхалимно добавил: — Я всегда знал, что ты, Сэнсэй, самый справедливый из всех справедливейших. А то кто её знает, — кивнул он на меня с хитрой улыбкой, — может у неё по дороге жабры выросли вместо лёгких.

Все захохотали, и я тоже для вида. Только во мне стремительным комом стали нарастать сомнения относительно простого розыгрыша. Если они не шутили, тогда для моей особы надвигалась целая катастрофа. Я и нырять-то толком не умела, не то что подолгу задерживать дыхание. Да ещё и выдержать время против двоих тренированных парней! «Вот так влипла я в историю», — в ужасе подумала моя особа.

— Ну-с, — в предвкушении победы потёр руки Женька, выбрав себе напарника, как я и предполагала, Стаса, — не будем терять времени. Айда к морю!

Он сделал приглашающий жест для всей нашей компании, призывая быть свидетелями. Народ с лихвой подхватил предложение нашего комика и, побросав вещи, пошёл следом за ним. Сэнсэй, прикуривая сигарету, задержался, а вместе с ним и Николай Андреевич. Мы же с Татьяной тоже немного замешкались, по привычке складывая брошенные вещи в одну кучу. И тут Николай Андреевич тихо проговорил, обращаясь к Сэнсэю:

— Ну, Женя, шустрый. Как только стало выгодно условие сделки, сразу поменял своё отношение к происходящему. Впрочем, так поступают многие люди. Типичный пример проявления эгоцентризма.

— Что поделать, — пожал плечами Сэнсэй, отвечая так же тихо. — Рыба идёт, где глубже, человек ищет, что лучше, — и с улыбкой добавил: — Как же он обделит себя, любимого?

— Да, этот эгоцентризм наработан в людях до автоматизма. О какой любви к ближнему может идти речь, если даже понять друг друга не хотят?

— Это есть самое печальное.

В это время мы с Татьяной уже освободились. Я в нерешительности подошла к Сэнсэю, надеясь разрешить спор до реализации его условий.

— Я это...

Сэнсэй не дал мне договорить и высказать свои нахлынувшие сомнения. Он как-то по-доброму произнёс:

— Иди, готовься. Привыкай к воде.

Его мягкий, уверенный тон меня несколько успокоил. Всё ещё надеясь, что всё-таки это розыгрыш, я направилась вместе с Татьяной к морю. Там уже ждала «группа поддержки» в виде Костика, Андрея и Славика. Надо отметить, что наша большая компания разделилась на две половины: те, кто в шутку «болел» за Стаса и Женю, и те, кто в шутку «сочувствовал» моему положению.

В отличие от старших ребят, которые с шумом забежали в воду, как торпеды, сразу занырнув на глубину, дабы охладить одним махом свои разогре-

тые на солнце тела, мы же с Татьяной пытались, как всегда, постепенно привыкнуть к воде. Однако ребята, так сказать «сочувствующие», решили ускорить это дело и стали брызгать на нас со всех сторон, вроде как усиленно помогая нашему процессу привыкания. И поскольку они преднамеренно наступали со стороны мелководья, нам с Татьяной пришлось спасаться бегством в глубину, естественно с последующим погружением.

Насмотревшись, как Женя и Стас тренируют дыхание перед нырянием, Костик, водрузив на свою голову «венец победителя» из сплетённых водорослей, стал импровизировать из себя моего наставника по «вопросам ныряния на мелководье». Весь этот процесс сопровождался уморительными шутками ребят. Но, несмотря на философские наставления Костика, моих силёнок по задержке дыхания хватало явно ненадолго. Костик даже пытался слегка удерживать меня под водой за плечи, бурча на поверхности свои «директивы». Но от этих действий только нагнал на меня больше страха, поскольку в результате всё равно мой инстинкт самосохранения брал своё, и я с удивительным проворством умудрялась «выкарабкиваться» на поверхность, иногда даже в панике притопляя своего «наставника». После нескольких таких отнюдь недобровольных погружений Костика от него посыпались ещё более «рационализаторские предложения» по усовершенствованию метода ныряния, к примеру утяжелить мой вес в воде, повесив на тело «ожерелье из кирпичей», «кандалов из бетона» и так далее.

— В конце концов, у тебя какое задание? — в шутку рассуждал Костик, вытряхивая воду из уха и поправляя повисшую водоросль, спавшую после очередного погружения Костика в воду своим «нерадивым учеником». — Нырнуть. Так?! Так. А про всплытие речь не велась.

Мы вновь рассмеялись.

— Добрый же ты, однако! — с забавной интонацией произнесла Татьяна.

В общем, в отличие от старших ребят, которые, не теряя времени, тренировались на полном серьёзе, у нас получалась сплошная клоунада. Так что я, как говорится «на всякий пожарный случай», мысленно смирилась со своим предстоящим «суточным» образом Золушки.

Наконец подошёл Сэнсэй с Николаем Андреевичем. Я думала, что, глядя на наши попытки, Сэнсэй переведёт спор в очередную большую шутку и на этой весёлой ноте дело закончится. Но когда он подошёл и на полном серьёзе заявил: «Ну что, начнём?», моя душа, что называется, от страха резко ушла в пятки. Боясь выказать свой испуг перед друзьями, я стала с улыбкой говорить Сэнсэю дрожащими то ли от страха, то ли от прохладной воды губами:

— Сэнсэй, я не смогу... Лучше я сразу пойду убирать.

На что Сэнсэй спокойно ответил:

— Не нужно сдаваться. Отгони свой страх. Убери все сомнения. Верь, ибо сказано «в вере обрящешь».

Я ещё в растерянности смотрела на него с

немым вопросом: «Как же я это сделаю?» И тут Сэнсэй, глядя мне в глаза, ответил:

— Просто расслабься. Не думай о дыхании. Твоя задача: глубокое состояние медитации, минимум мыслей. Сосредоточься на счёте от одного до десяти. Десять секунд же продержишься?

— Ну, если десять секунд, то я свободно продержусь, — с гордостью ответила я за такое маленькое своё «достижение».

— Тогда чего ты переживаешь? Считай до десяти и выныривай. Только считай не быстро 1, 2, 3.., а медленно, с расстановкой, как считаешь трёхзначные цифры, к примеру, 501, 502, 503 и так далее. Поняла?

— Да.

От этих слов я не просто успокоилась, но меня даже разобрало любопытство. Ведь под водой медитацию делать ещё не приходилось. И как ни странно, но моё любопытство переросло в твёрдую уверенность, что всё будет хорошо. И это чувство зарождалось именно из какой-то внутренней веры, абсолютного доверия к Сэнсэю. И даже не доверия, а скорее нераскрытого знания моей души о его Сущности, которое выражалось лишь интуитивно, на чувственном уровне.

«Нырять так нырять», — подумала моя особа, проделав предварительно несколько резких вдохов-выдохов. Тоже самое сделал и мой первый «соперник» Женя. Приготовившись к старту, на счёт «три» я набрала полной грудью как можно больше воздуха и одновременно с Женей погрузилась в воду. Сэнсэй положил руку мне на го-

лову в район тысячелистника и слегка придавил, как мне подумалось, чтобы я не всплыла раньше времени. Вместо ожидаемой паники, я, наоборот, расслабилась и стала медленно считать по совету Сэнсэя до десяти. Свободно справившись с этим заданием, я решила ещё посидеть пару лишних секунд под водой, чтобы прибавить себе в «зачёт» больше времени. Но только я начала заново считать, как почувствовала, что крепкие руки, очевидно Сэнсэя, вытягивают меня из воды. Честно говоря, я даже немного расстроилась, могла же ещё посидеть. Что те десять секунд?! Вынырнув, я тут же принялась возмущаться, ещё даже не успев раскрыть глаза:

— Чего вы, я готова, давайте... Я ещё могу продержаться...

Но когда посмотрела на остальных, то ничего не поняла. Все стояли в каком-то немом изумлении, глядя на меня, словно на инопланетянку, прилетевшую с другой Вселенной. Женя и Стас находились среди ребят и тоже в каком-то подозрительном удивлении не сводили глаз с моей возмущавшейся особы. Я уж подумала, может они вообще не ныряли, может что-то случилось? Один Сэнсэй сохранял олимпийское спокойствие.

— Да хватит с тебя, — добродушно улыбнулся он. — И так уже десять минут под водой пробыла.

— Кто?! Я??? — усмехнулась моя особа, думая, что это шутка.

— Да уж, однако, всё бывает в жизни, — промолвил Стас, почесав затылок. — Но вот заподлянка, что это «всё» не всем достаётся.

— Видишь, как все переживают, особенно некоторые хвастунишки, — кивнул Сэнсэй на Женьку, который открыл рот от удивления и выпучил глаза, то ли для смеха, то ли и вправду его что-то поразило. — Теперь же убирать кое-кому придётся, в Золушку превращаться.

Женя, видимо, от этих слов «пришёл в себя» и, комично щёлкнув зубами, возвратил челюсть в привычное положение, помогая ещё при этом рукой. После этого он произнёс в своём неизменном шуточном тоне:

— Убирать — это, пожалуйста! Но насчёт смены ориентации, такого уговора не было.

Стас принялся его «успокаивать», породив целую волну смеха.

— «Золушка» — это, дорогой мой, такой вид индивидуальной трудовой деятельности, когда в минимальное количество времени нужно сделать максимальное количество работы, причём задарма...

— Задарма, задарма, — передразнил его Женька. — А ты чего радуешься? Вместе ныряли, вместе и убирать будем, Золушка-2.

— Э нет, по штатному расписанию Золушка у нас одна, — возразил со смехом Стас.

— А, так ты у нас Феей решился заделаться, налоговым инспектором по уборке, значит. Изверг!

Ребята стали шутить и заодно, видимо, выходить из своего состояния оцепенения.

— Сэнсэй, а что ты с ней сделал? — первым спросил Володя по существу.

— Да ничего особенного, изменил ей восприятие времени, её эзоосмос.

— Эзоосмос? А что это такое? — поинтересовался Виктор.

— Да потом как-нибудь расскажу, — махнул рукой Сэнсэй. — Ну что, спор окончен, пошли приводить лагерь в порядок...

— ...Отделять зёрна от плевел, а котлеты от мух, — дополнил ответ Сэнсэя Стас.

— Да не может быть такого, чтобы она просидела под водой десять минут! — иронично завозмущался Женька, глянув на берег и, очевидно, ужаснувшись предстоящей работе. — Столько без воздуха не живут!

Сэнсэй же в сердцах произнёс:

— Вот люди, как вы уже достали своим неверием! Ты же сам видел, своими глазами.

— Ага, а может, у неё под водой какая-нибудь трубка была для дыхания. Это развод! Чистая подстава!

Сэнсэй устало склонил голову набок и усмехнулся:

— Конечно, развод! Тебя подставили ещё в тот день, когда ты появился на свет.

Все засмеялись. А Сэнсэй, развернувшись, стал выходить вместе с Николаем Андреевичем из воды.

— Пошли, пошли, — подгонял со смехом Женьку Стас.

— Слушаюсь, обер-штурбан-фюрер-фрау Фея, — вяло отрапортовал Женька и, вздохнув, наигранно-печально добавил: — И что у нас, у Золушек,

за такая собачья жизнь, что ни день, то штрафные работы.

Все остальные тоже двинулись на берег. И тут началось целое «словоблудие» вдоль и поперёк. Я допытывалась у друзей, правда ли я просидела десять минут под водой. А они в свою очередь игнорируя мои вопросы, спрашивали, правда ли у меня не было никаких дополнительных трубок для дыхания. В общем, гомон стоял похлеще, чем у чаек, когда их место насеста тревожил незваный гость. В конечном счёте, всё равно толком никто ничего так и не понял.

Началась тотальная уборка лагеря. И хоть Женька комично изображал из себя главное действующее лицо в этой «индивидуальной трудовой деятельности», он ловко увиливал от работы, создавая лишь видимость активного труда. Зато так насмешил коллектив своими выходками и шутками, что мы сами не заметили, как быстро и дружно убрали всю территорию лагеря. А когда начали над ним подтрунивать, что он, по сути, не работал, тот с важным видом заявил, что, мол, работать и дурак может, главное, по его мнению, профессионально руководить процессом. На что все выразили ему «большое спасибо» и дружно кинули его в воду.

После такого «торжественного» завершения «трудовых подвигов» мы принялись подытоживать наши убытки. И поскольку съестные запасы оставляли желать лучшего, было решено посетить рынок. Ведь эти налётчики из братьев наших меньших сами, видимо, мало съели, но на радо-

стях от такого «полного отрыва на островке цивилизации» перемешали многие продукты, в том числе и крупы, с песком, да ещё так тщательно, словно у них тут была целая дискотека с танцами до упаду.

Когда мы составили список продуктов, старшие ребята решили сгонять за ними на машине до ближайшего базара. Но Сэнсэй предложил оставить технику в покое и самим размяться, то есть организовать «маленькую пробежечку» вдоль побережья. Возражать, естественно, никто не стал. Те, кому очень хотелось кушать, подкрепились сухариками. Остальные решили потерпеть до доставки провизии, тем более, как говорил Сэнсэй, голодать иногда полезно.

Сначала в поход за продуктами собрались идти Володя, Стас и Женя. Но когда к ним присоединился Сэнсэй, высказав идею с тренировкой, то Николай Андреевич, Руслан, Андрей и я тоже изъявили желание пробежаться вместе с ними. И хотя кросс предстоял нелёгкий в плане физических нагрузок, но всё же я не могла пропустить такого путешествия рядом с Сэнсэем. Ведь для меня это был не просто поход, а, благодаря интересным наблюдениям Сэнсэя, целая экскурсия в людской мир, да и в свой собственный тоже.

Как Сэнсэй и обещал, он устроил нам по пути хорошую тренировку с физическими нагрузками. Вначале мы лёгкой трусцой бежали вдоль берега, остановившись лишь через полчаса. Затем во главе с Сэнсэем сделали разминку. И снова бег, но уже с ускорением. Потом пошли отжимания,

качание пресса, пробежка по воде, преодоление препятствий по местности. В общем, Сэнсэй не скупился на выдумку, благодаря чему эта физическая тренировка превратилась для нас в какое-то необычное приключение «морского десанта». И несмотря на то что натруженные мышцы давали о себе знать, когда мы достигли границ «цивилизации», всё же внутреннего удовольствия было гораздо больше, оттого что ты смог всё это преодолеть.

Было решено идти через пансионаты, так сказать срезать путь до рынка. Заплыв за водное ограждение-сетку, отделявшее первый пансионат от «дикой природы», мы вышли на берег, словно обычные отдыхающие, и уже неспешно пошли вдоль побережья. Люди по привычке проводили свой отпуск в праздном возлежании на песочке, заменив домашнюю картинку созерцания с дивана телевизора на созерцание с песочка пёстрой толпы на фоне однообразного морского простора. И если и слышались какие-то разговоры, то в основном на бытовые темы. Кто-то кому-то о чём-то жаловался, кто-то кого-то обсуждал, кто-то над кем-то посмеивался. Короче говоря, жизнь шла обычной человеческой чередой, ни больше ни меньше. Вначале как-то явно чувствовалась эта разительная грань между тем духовным, о чём повествовал Сэнсэй, и тем приземлённо-материальным, о чём говорили люди. Но потом, по мере погружения в атмосферу пёстрой массовости, сам невольно начинаешь заражаться её не совсем чистым воздухом.

Когда в моей голове возникли «мысли-провокаторы», сказать трудно. Очевидно, они стали захватывать внимание по мелочам. Где-то промелькнул красивый купальник, и мне подумалось, а как бы он сидел на мне. На ком-то увидела красивые украшения, которые захотелось приобрести и себе. Моё воображение сразу начало рисовать картинку, как я буду выглядеть в том купальнике с теми украшениями. И только дала этим мыслям волю, как тут же начал проявляться образ госпожи Зависти. И главное, заметила я это тогда, когда она уже полным ходом орудовала в моём сознании, затмевая своей ненасытностью и неудовлетворённостью все самые светлые чувства. «Что ж я делаю?! — возмутилась я про себя в сердцах. — Чужие образы на себя примеряю. Это же не я! Называется, скатилась на саночках с горы, да только они в неподъёмный воз превратились. И как теперь их затаскивать в гору прикажете?»

Мои невесёлые размышления прервал Андрей, видимо тоже легко попавшись на крючок Животного начала.

— Ух ты, гляньте, какие тела у пацанов! — с восхищением проговорил он ребятам, указывая на играющих в волейбол загорелых парней. Очевидно, это была группа культуристов. — Смотрите, какие мышцы...

Судя по тому, как эти парни передвигались, создавалось такое впечатление, что они явно играли не в волейбол, а на публику, демонстрируя свои мышцы с наиболее выгодных позиций. Есте-

ственно, они привлекали внимание прохожих, которые, в свою очередь, с нескрываемой завистью поглядывали на их тела.

— Сэнсэй, а можно быстро накачаться, сделать и себе такие мышцы?

— Можно, — просто сказал Сэнсэй. — А смысл? Приобретёшь одно, потеряешь другое. Накачав такую массу мышц, ты потеряешь в выносливости и скорости. И что это тебе даст? Разве что перед девчатами покрасоваться. — Андрей несколько осёкся, словно Сэнсэй прошёлся по его потаённым мыслям. — Знаешь, в чём причина такого желания? В элементарной человеческой зависти...

На этих словах я даже встрепенулась. Только что ж об этом подумала.

— ...Но это не только твоя беда, эта беда многих. Если бы ты знал, о чём в действительности размышляют люди! Сплошная жадность, зависть, стремление перещеголять друг друга хотя бы в малом. В головах сплошное желание выглядеть перед людьми лучше, чем они есть на самом деле. Понимаете, в чём беда?! **Люди хотят достойно выглядеть не перед Богом, не перед своей Совестью, а перед другими людьми**. А вся причина этого зла кроется в желании человеческом. Ведь **человек ценит только то, что хочет видеть для себя ценным. А то, чего он не хочет видеть для себя ценным, то и значения для него не имеет. Зависть, ненависть, озлобленность произрастают не от внешнего стимула, а от внутреннего корня самолюбия.**

Вот возьми хотя бы этих парней, которые потратили массу времени на то, чтобы накачать своё тело. Ведь по большому счёту это им семь лет не нужно. Но они выбрали себе роль культуриста и играют её. Для чего? Чтобы достичь каких-то духовных высот? Нет. Чтобы всего лишь выделиться из толпы. Одни качают своё тело, другие делают наколки, третьи красятся в разные цвета. И делают это всего лишь для того, чтобы привлечь к себе внимание своих собратьев по разуму, ради удовлетворения своей мании величия. Обыкновенное Животное желание.

Люди поступают так же, как, к примеру, японские обезьянки. Некоторые особи из их племени целый день собирают орешки, чтобы потом за пять минут раскидать их перед всем стадом, дабы привлечь к себе внимание сородичей. Другие особи выбирают блох из оленя и пускают в себя лишь для того, чтобы потом их сородичи выбирали этих блошек у них. И опять-таки всё это делалось только для того, чтобы привлечь к себе внимание стада... Так вот, эти мышцы, побрякушки, мода и всё остальное — всё это для того, чтобы привлечь к себе внимание. Это те же блохи на обезьяне.

Человек же ничем не отличается от той мартышки, так сказать, по природе своего Животного. Только в нём оно ещё и усиленно манией собственного величия. Ибо каждый человек, если он духовно мерзок и низок, начинает себя возвеличивать в своих помыслах и желаниях, он начинает ставить себя выше всех. А сказано: «Так будут

последние первыми и первые последними; ибо много званых, а мало избранных». Многие прикрывают свои тайные помыслы Животного внешней показухой, якобы стремлением к духовному. А на самом деле просто под благовидным предлогом идёт реализация желаний Животного, ублажение всё той же манечки, возвеличивание себя и опять-таки обыкновенная, пустая рисовка перед другими людьми. Хотя искреннюю настоящую Любовь к Богу в их тайных помыслах трудно отыскать.

Христиане назвали бы такие желания людей проделками сатаны, отвлекающего человека от главного — от души, от Вечного. Вы посмотрите на модель современной цивилизации. Весь мир работает на то, чтобы вызвать у человека как можно больше желаний приобрести что-либо, чего якобы ему не хватает для полного счастья. **Весь мир торгует иллюзиями. Он соткан из лжи и нити его крепятся на зависти.** Люди сами порождают иллюзию, подпитывают её своей нечистоплотностью мыслей и сами же живут в этой иллюзии, воспринимая её за настоящую реальность. И, к сожалению, факт глобального обмана Животного вскрывается лишь перед лицом Смерти. Но тогда уже становится слишком поздно что-либо изменить.

Ведь молодость проскакивает как один день, словно резвый скакун, вырвавшись на свободу. И поводья не успеешь натянуть, как наступит зрелость. В зрелости останавливаешься и оглядываешься назад. Наступает переоценка ценностей.

Твои достижения уже не кажутся столь значимыми, они уже не стоят того, чтобы им уделялось столько же времени и сил. Появляются новые желания и иллюзии в виде самоутверждения в мире солидных людей. И человек начинает придумывать новые способы, как выделиться из толпы. Не успеешь и глазом моргнуть, а тут и старость, в которой уже многое из прожитой жизни кажется абсолютным абсурдом и вовсе теряет свой смысл. Вместе со старостью всё чаще начинают появляться мысли о смерти, которые заставляют человека задуматься о главном — о своей душе. Ибо он всё ближе и ближе подходит к той меже, откуда пришёл в этот мир, чтобы обрести себя, спасти свою душу. Но вместо достижения этой цели он растратил время и силы на пустые иллюзии. И тут человек начинает метаться, выдумывать себе новые иллюзии, утешать себя, что если он помолится перед смертью, то там ему всё простится. А ведь по факту оценивается вся жизнь человека.

Глупость человеческая не имеет границ. Мания величия людей толкает их на скверные дела. — Сэнсэй посмотрел по сторонам и развёл руками, печально проговорив: — Если бы вы слышали, о чём думают люди, ребята, вы бы пришли в ужас! А хотя, в принципе, зачем вам слышать, понаблюдайте за собой. О чём вы мечтаете втайне.

Совсем недавно, до перестройки, люди думали о том, что они спасут мир и построят коммунизм, я имею в виду наших идейных людей. А сейчас, после перестройки, молодёжь думает о чём?

О деньгах, о капитализме. Каждый представляет себя миллионером, Рокфеллером и иже с ними. Каждый в мыслях сорит деньгами, мечтает о богатстве. И тот, кто зарабатывает, и тот, кто не может достаточно заработать, все рассказывают сказки, какие они крутые по жизни, выпячивая свою манечку. Почему? Потому что в головах их тешится эгоизм. У Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, русского писателя-сатирика, есть замечательные слова по этому поводу: «Нет опаснее человека, которому чуждо человеческое, который равнодушен к судьбе родной страны, к судьбе ближнего, ко всему, кроме судьбы пущенного им в оборот алтына». И он прав.

Чрезмерное богатство ни к чему хорошему не приводит. Ну потратил человек годы жизни, обманул массу людей. Ибо честно большие деньги не заработаешь. Всё строится на обмане и лжи. Ну, заработал человек очень много денег. Я не имею в виду честно заработанные зарплаты, нормальные деньги для прожиточного минимума. Это небольшие деньги. Так вот, заработал. Смотрит, а удовлетворения нет. Оказывается, чего-то не хватает. Он понимает, что ему нужна власть для того, чтобы покорить себе подобных, чтобы уже самому не выпендриваться, не сажать на себя блох с оленя и тем самым привлекать к себе внимание всей стаи, в том числе и вожака. И не сорить деньгами, как та обезьянка орешками, а захватить эту власть, стать самому вожаком. Так и появляются лидеры партий, власть имущих структур, государств. Смотрят, а власти мало.

Тогда они идут на что? На то, чтобы захватить мир. И начинаются войны, агрессия, порабощения. Так рождаются Наполеоны, Сталины, Гитлеры и им подобные. Захватывают территории, расширяют границы своего государства, а удовлетворения всё равно не получают. Почему? **Потому что какую бы власть человек ни имел на Земле, он никогда не получит от неё удовлетворения, так как всё равно остаётся рабом своих желаний. А истинная власть есть власть над самим собой.**

В истории человечества есть масса примеров бессмысленности такого пути, такого глобального обмана Животного. Один из них Александр Македонский — человек, максимально реализовавший свои амбиции. Он завоевал огромные территории, создав крупнейшую монархию древности. И что в результате? В день, когда Александр Македонский стал «владыкой мира», он отдалился от всех и горько заплакал. Когда военачальники его нашли, то были удивлены, так как никогда не видели своего полководца рыдающим. А они находились с ним в самых сложных ситуациях боевых походов. Александр являлся примером мужества. Даже когда смерть была с ним совсем рядом, никто не видел на его лице следов отчаяния и безнадёжности. Поэтому военачальников терзал вопрос, что же случилось с тем, кто покорил целые народы? Его спросили об этом, и Александр поведал им причину своей печали. Оказывается, когда он победил, он понял, что проиграл. И сейчас находился в том самом месте, где задумал своё

«завоевание мира». И только в этот момент он осознал, насколько всё это было бессмысленным. Ибо раньше у него были цель и путь. А сейчас ему некуда двигаться, некого завоёвывать. И он сказал: «Я чувствую внутри себя страшную пустоту, ибо проиграл главное сражение моей жизни».

Сэнсэй прошёл некоторое расстояние молча, а потом вновь повторил:

— Так что самая высшая власть — это власть над самим собой. Помните, как у Лао-Цзы:

«Кто знает других, тот умён.
Кто знает самого себя, тот просвещён.
Кто превозмогает других, тот силён.
Кто превозмогает самого себя, тот могуществен».

— Да, это сложно, превозмочь самого себя, — задумчиво произнёс Николай Андреевич.

— **Вся сложность в простоте**. Для этого надо в первую очередь контролировать свои мысли. Человек же постоянно ведётся на поводу у своего настроения, живёт тем, что непрестанно радует свою манию величия. Ему лень следить за полем своего разума. Вот там и прорастает всякий сорняк. Ведь сорняк не нужно холить и лелеять, специально ухаживать за ним. Он и так пробьётся, без вашего на то ведома.

— А как этот сорняк удалить? — озадаченно изрёк Андрей.

— Просто. Берёшь и вырываешь с корнем. Тебе же не трудно взять под контроль свои

мысли прямо сейчас? Нет. А из таких «сейчас» и складывается вся жизнь. Живи «здесь и сейчас» и не впадай в иллюзии, рисуемые Животным разумом. Ведь тебе дана свобода выбора! Вот и выбирай.

В это время мы стали выходить на асфальтированную дорожку тенистой аллеи.

— Ну, за власть понятно, — начал рассуждать Николай Андреевич, обдумывая, очевидно, своё. — Получается, очень большие деньги невозможно заработать, сохраняя при этом Честь и Совесть.

— А почему невозможно? — возразил ему Виктор. — Вон по телевизору показывали «круглый стол» с участием крупных бизнесменов. Нормальные мужики.

Сэнсэй глянул на него и ответил:

— Это нечестные люди. Это лжецы и эгоисты, которые бьют себя в грудь и рассказывают сказки. Извините, ребята, но утопать в роскоши, быть богатым, когда вокруг столько голодных, нищих и бездомных, и думать только об увеличении своей прибыли — это не достойно звания Человека. Просто не достойно.

— Нет, ну подожди, — не унимался Виктор. — А в чём виноват богатый бизнесмен? Если он умный и знает, как заработать деньги, он берёт и зарабатывает. А тот, кто не хочет работать, кто лентяй, алкоголик или мало ли кто, он того кормить, что ли, должен?

— Он его не должен кормить. **Глупо давать рыбу голодному, ибо он её съест и опять про-**

голодается. Гораздо мудрее дать ему снасти и научить ими пользоваться. Поймите правильно, я не против богатства, я против бедности, я — за достаток. Деньги имеют определённый эквивалент энергии. А законы физики гласят, если энергия куда-то прибывает, то, значит, откуда-то она убывает. Мир должен быть справедливым и доступным для всех. Но когда миром управляют слуги дьявола, я имею в виду воры, которые именуют себя политиками, то справедливости здесь никогда не будет. Поэтому он и обречён.

— Опять по справедливости, — с лукавством произнёс Женя. — Сэнсэй, это уже попахивает коммунизмом.

— Ну что поделаешь? Я в детстве получил такое воспитание, что коммунизм у меня теперь надолго в крови, — шуткой ответил Сэнсэй. — А если серьёзно, вдумайтесь сами, ребята. Вот сейчас появляются олигархи. За счёт чего они богатеют? За счёт обеднения народа, за счёт того, что продают нашу Родину. Что, они такие умные? Они что-то хорошее сделали для народа, для своей страны? Почему же страна такая бедная? И как могут появляться богатые люди в бедной стране? Только обворовывая её, обворовывая тех, кто слабее их. И вы хотите сказать, что это успешные люди, достойные звания Человека? А я говорю, что это слуги дьявола, обречённые на ад.

Ведь эти олигархи даже копеечной благотворительностью занимаются ради рисовки перед другими людьми. Но готовы ли они совершить

серьёзный поступок в своей жизни и в корне измениться? Сомневаюсь. Ведь сказано: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Таким людям очень тяжело оторвать своё сердце от накопленного богатства. Это было и тысячу, и две тысячи лет назад, ибо люди, к сожалению, не меняются. Вспомните Библию, когда к Иисусу Христу подошёл богатый юноша и спросил, что ему сделать такого, чтобы иметь жизнь вечную. На что Иисус ответил ему, что если он хочет войти в жизнь вечную, то пусть соблюдает заповеди «не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; люби ближнего своего как самого себя». Но юноша сказал, что всё это он сохранил от юности своей. Чего же недостаёт ему? И тогда Иисус произнёс: «...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною». Но услышав это, юноша «отошёл с печалью, потому что у него было большое имение». Иисус же сказал своим ученикам: «удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие».

Подсознательно они чувствуют свою никчёмность и последствия, которые их ожидают. Посему они и строят храмы, монастыри, пытаясь обелиться перед Богом. Глупцы! Они забыли писание. Ведь сказано: церкви, построенные ворами, есть приют для сатаны. Они строят не дома для Бога, они строят убежище для дьявола. И если надеются, что за это им будут отпущены грехи,

они ошибаются. За это преумножится к их грехам. И тем самым они проклинают не только себя, но и своих близких, которые пользуются их «благами». Ведь они даже не спрашивали своих близких, нужна ли им такая жертва? Готовы ли они разделить ответственность за их прегрешения перед Богом?

Я вам расскажу одну историю, которая произошла в далёкие времена, о том, как один вор и убийца, встретив Мудреца, в корне изменил свою жизнь и стал великим человеком. «Когда-то давно жил разбойник, который занимался тем, что промышлял грабежом и не задумываясь убивал людей, если они сопротивлялись. В это же время жил на свете человек по имени Нарада. Был он поэтом, музыкантом. И славился своей глубокой мудростью. Люди любили его за добрые советы, весёлый нрав, его шутки и чарующую музыку, которую он исполнял на своём инструменте.

Однажды мудрец собрался идти в соседнюю деревню. Дорога пролегала через тот самый лес, в котором орудовал разбойник. И тогда люди стали уговаривать Мудреца не ходить той дорогой, поскольку это было очень опасно. Нарада лишь посмеялся:

— Я хочу взглянуть на того, кто породил в вас страх и сделал вас трусами. Он всего лишь один человек, а остановил движение по всей дороге.

Сказав это, Нарада развернулся и пошёл в лес, поигрывая на своём инструменте. Вскоре раз-

бойник услышал музыку и вышел на дорогу. И к своему удивлению увидел одного безоружного человека, который, казалось, был счастлив, исполняя свою мелодию. Впервые в жизни он почувствовал в себе нерешительность. И обратился к музыканту:

— Разве ты не ведаешь, что ходить по этой дороге опасно?

Нарада же, не переставая играть, свернул с дороги и присел рядом с разбойником, который в это время подтачивал свой меч. Доиграв свою мелодию, он спросил у него:

— Что же ты один делаешь в этом лесу?

Тот ответил:

— Граблю людей. И у тебя сейчас отберу твои богатства.

Мудрец сказал:

— Мои богатства иного качества — они внутренние. И я сам был бы счастлив разделить их с тобой.

— Меня интересуют только материальные ценности, — заявил разбойник.

— Материальные, говоришь? — спросил Мудрец и, взяв горстку земли, развеял её по ветру. — Это всего лишь прах, иллюзия, которая тут же исчезает. Это ничто по сравнению с духовными ценностями, которые вечны. Скажи, зачем тебе это нужно?

Тот ответил:

— Ради моей семьи: моей матери, моей жены, моих детей. Если я не принесу им денег, они будут голодать. А я ничего другого делать не умею.

Мудрец же поинтересовался:

— А ты спрашивал у них, нужна ли им такая жертва? Готовы ли они разделить ответственность за твои согрешения перед Богом.

Впервые за свою жизнь человек, промышлявший разбоем, задумался.

— Не знаю. Я как-то раньше об этом не думал.

— Так пойди и спроси их, — предложил Мудрец. — А я тебя здесь подожду.

И он вновь заиграл свою прекрасную мелодию.

Разбойник так и поступил. Он отправился домой и спросил свою мать. На что пожилая женщина ответила:

— Почему я должна делить с тобой ответственность за твои преступления? Я — твоя мать, и твоя обязанность — кормить меня.

И его жена сказала:

— С какой стати я буду отвечать за твои грехи? Я ничего такого не совершила и чиста перед Богом. Я не знаю, как ты добываешь хлеб. Это твоё дело.

Глядя на лица беззаботно резвившихся детей, разбойник даже не стал у них спрашивать. Поникший, он вернулся обратно к Мудрецу:

— Никто не хочет делить со мной ответственность. Что бы я ни делал ради семьи, получается, за всё буду отвечать сам. Оказалось, что я одинок. И что же мне теперь делать?

Он с тоской глянул на безупречное лицо Мудреца. И тот ответил:

— Сними с себя маску вора и сожги её в пла-

мени деяний добрых дел. Искупи содеянное тобой зло. Измени себя и стань Человеком.

Из этого тёмного леса заблуждений данный человек ушёл вместе с Великим Мудрецом... В последующем люди стали называть его Вальмики, и прославился он в веках как легендарный поэт, автор знаменитой древнеиндийской эпической поэмы “Рамаяна”».

Сэнсэй замолчал. Мы тоже некоторое время шли молча, находясь под впечатлением от услышанного рассказа. И уже когда проходили мимо кафе, Стас, нарушив тишину, предложил зайти, попить газировки. Все охотно подхватили эту идею, так как было довольно жарко. Один Сэнсэй отказался, сказав, что подождёт нас на скамеечке. Он указал на лавочку, расположенную в тени, где сидела какая-то пожилая пара. Мы разошлись.

Быстро выпив свой стакан газировки, я вышла на улицу, пока ребята насыщали свои богатырские тела дополнительными порциями напитка. Сэнсэй сидел рядом со стариками и о чём-то беседовал. В это время из кафе вышел Николай Андреевич, и мы вместе подошли к Сэнсэю, поздоровавшись с пожилой парой и став невольными слушателями их разговора.

— ...его молитвами.

— Хороший батюшка, отец Василий, — согласился Сэнсэй. — Он многое сделал для людей.

— Так быстро жизнь пролетела, — вздохнула старушка. — Вот смотрим на молодых, ведь ещё недавно сами такими были. И главное, в душе не чувствуешь, что тело твоё старо.

— Человек душою не стареет, — заметил Сэнсэй и добродушно добавил: — А молодым не нужно завидовать. Ведь им ещё предстоит весь путь пройти. А вы уже на пороге стоите, и вам осталось всего лишь постучаться.

— Так в том-то и беда. Не смерть печалит, а разлука, — грустно промолвила старушка, украдкой утирая слезу. — Ведь мы с Ванечкой пятьдесят три года прожили душа в душу, слова дурного друг от друга не слышали. — Дедушка закивал головой. Старушка же с благодарностью взяла его за руку. — А теперь, видать, пришло время нам расставаться. Вот о чём печалится моя душа.

— Печаль ваша напрасна. Да и о чём она? Вы печалитесь о теле? — Сэнсэй развёл руками и, указав на гулявшую недалеко молодую пару, с улыбкой произнёс: — Господи, ну я понимаю в молодости, но сейчас-то о чём печалиться?! — Они вместе посмеялись. — А душа... **Пока в душе живёт любовь, — разлука невозможна. Ведь главное ты знаешь, что любишь этого человека. Как ты можешь его утратить, если он действительно дорог твоей душе, если Память и Любовь к нему продолжают жить в тебе самом...**

Из кафе стали выходить ребята, и Сэнсэй, приподнимаясь с лавочки, начал прощаться со стариками.

— Ой, спасибо вам большое, вы меня так успокоили, — напоследок запричитала старушка, словно ей хотелось высказать Сэнсэю всё сразу, что было на душе. — А ведь действительно, что

нас может разлучить? Даже если уйду, я и с той стороны буду его любить, так же как и здесь. Что от этого утратится?

— Ничего, — промолвил Сэнсэй. — Здесь вы пребывали вместе в мгновении, там вы будете вместе в вечности. Радоваться надо, что приближается вечность. Здесь вы в страданиях и муках, а там вы обретёте покой и отраду.

— Так приятно было с вами говорить, — умилённо пролепетала старушка.

— Мне тоже было очень приятно пообщаться с вами.

— Не знаю, свидимся ли ещё. Каждый день для меня в ожидании. Конечно, хотелось бы ещё повидаться и с отцом Василием, и с вами пообщаться. Вы так успокоили. Так легко на душе стало. Очень бы хотелось вновь с вами встретиться.

— Не переживайте, — ласково проговорил Сэнсэй, с какой-то теплотой и нежностью глядя на пожилую женщину. — Мы обязательно встретимся, и у нас будет масса времени для общения.

Когда мы уже удалились от этой пожилой пары на значительное расстояние, двигаясь вместе с ребятами в сторону рынка, Николай Андреевич спросил у Сэнсэя:

— Это твои знакомые?

— Нет, — с улыбкой произнёс Сэнсэй. — Просто хорошие люди.

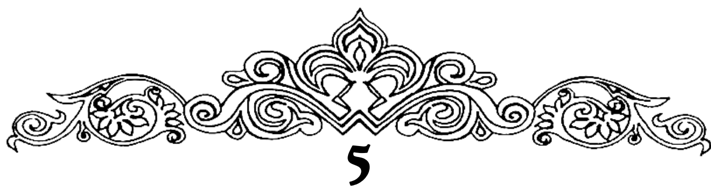
— А что, эта женщина чем-то больна?

— Да. Ей недолго осталось жить.

— Неужели ей ничем нельзя помочь? — озабоченно спросила я.

— Можно. Но такого рода помощь будет только во вред, — ответил Сэнсэй. — **Человек — временен. Смерть кладёт конец старости и мучениям, освобождая от бремени бытия. Для любящих душ — это награда. Ведь по большому счёту мы не становимся другими только потому, что умираем...**

5

Наконец мы подошли к конечной цели нашего путешествия, местному продуктовому рынку. Перед входом располагались лавки, где торговали всякой китайской мелочёвкой в виде брелков, ручек, часов и прочим ширпотребом. Сэнсэй глянул на весь этот разноцветный ассортимент и с горечью тихо сказал:

— Совсем уважение потеряли. Забрасывают всяким хламом, как страну третьего мира.

Ребята стали рассматривать весь этот разнообразный товар. Стас взял в руки какой-то квадратный брелок в виде часов, нажал на кнопку и тот начал издавать непонятные звуковые сигналы, мигать и высвечивать меняющиеся цифры.

— О, а это что за ерунда? — удивился Стас.

— Прямо как счётчик Ге́йгера, — усмехнулся стоящий рядом Николай Андреевич.

— Чаво? — протиснулся Женька между Стасом и доктором. — Какой такой счётчик?

— Гейгера, — повторил Николай Андреевич. — Такой газоразрядный детектор частиц.

Женька уставился на Николая Андреевича в немом вопросе. Стас же, иронически щуря глаза, решил подогнать процесс мышления друга.

— Слышал о таком приборе, который называется дози́метр, деревня?

— А-а-а, это прибор для излучения, что ли? — со второй попытки догадался Женя.

— Это прибор для измерения дозы излучения, — со смехом проговорил Стас.

— Ну я же и говорю.

Женька состроил серьёзное лицо «учёного мужа», взял у Стаса мигающий «прибор» и стал его разглядывать.

— Это секундомер, — пояснила продавщица. — Только он... Сейчас я дам другой.

Стас же, подмигнув ей, весело сказал, указывая на Женьку:

— Вы не обращайте внимания, он просто долго учился, поэтому немного задержался в развитии.

Мы засмеялись. А Женька покачал головой и нарочито громко проговорил специально для Стаса:

— Я вообще-то зла не помню... чаще приходится записывать. — И уже обращаясь к продавщице, спросил: — Сколько стоит?

Та назвала цену и засуетилась, дабы поменять эту «поломанную вещицу» на другую.

— Нет, нет, я беру это, — остановил её Женька. — Должен же кто-то скупать у вас брак со стопроцентной скидочкой...

И дальше Женьку понесло в таких смехотворных речах, свойственных привередливому покупателю, что мы чуть не умерли со смеху. Даже наш психотерапевт после очередной Женькиной клоунады по поводу «удешевления товара» заинтересованно спросил у Стаса:

— Он такой во всём или в частностях?

На что тот ответил:

— И во всём, и в частностях.

— Да, это уже «диагноз», — констатировал со смехом доктор.

И когда довольный Женька, выторговав эту безделушку за копейки, под шуточки ребят подошёл к Сэнсэю, тот сказал:

— И тебе не совестно у людей копейки отбирать?

— А что? Это им пусть будет стыдно эдакое «тьфу» толкать за такую цену. — И улыбнувшись своей подкупающей голливудской улыбкой, добавил: — Ты же знаешь, Сэнсэй, моя совесть кристально чиста... — И, отходя, тихонько добавил: — Я ведь ею не пользуюсь.

— Так в том-то и проблема, — заключил Сэнсэй под общий хохот ребят.

Мы зашли на рынок и начали закупать продукты по списку. Женька же от нечего делать подошёл к какому-то продавцу, явно прибывшему сюда из более южных земель и торговавшему помидорами и огурцами. Парень «нахлобучил» на себя важный вид и с подозрением поинтересовался:

— А в какой местности росли ваши овощи?

Продавец, наверное, не совсем его понял и стал по привычке расхваливать товар. Вопросы о местности плавно переросли в вопрос о цене, которая оказалась значительно завышенной. Ну, понятное дело, возле моря ничего дешёвого не бывает. Но, видимо, только не для Женьки. Встав в позу инспектора (как минимум общества по защите прав потребителей), парень вытащил свой «дозиметр» и деловито стал водить вдоль и поперёк всего товара. «Дозиметр», естественно, начал пищать и мигать, высвечивая на своём табло нереальные цифры. Продавец удивлённо выпучил глаза. Эти действия, неизвестно откуда взявшегося на его голову такого дотошного покупателя, явно производили на него неприятное впечатление.

— Нет, ты видел, видел! — Женька с возмущением показывал данные «дозиметра» Стасу, стоявшему в это время рядом и с большим трудом пытавшемуся сохранить серьёзный вид. — Нет, ты только посмотри! Это же хуже, чем в Чернобыле! Ты на каком ядерном полигоне это выращивал? — обратился Женька к продавцу, тыча ему показания «дозиметра». — Ты видишь, даже счётчик Гейгера зашкаливает. Нет, ну кошмар какой-то! Скоро нас вообще ядерными отходами кормить будут...

На высказывания Женьки стали оборачиваться люди. Продавец, растерянно глядя то на счётчик, то на овощи и усиленно пытаясь сообразить в чём, собственно, дело, стал оправдываться, что у него самый качественный товар. А когда Женька начал раздувать эту историю до неузнаваемости, тот самолично скушал помидор на глазах у всех,

убеждая уже не так парня, сколько собравшихся зевак в полной безопасности своих овощей. Но Женьку это ещё более раззадорило и в ответ на действия продавца он начал рассказывать страшные истории, как действует радиация на организм человека, причём с подробным перечислением, что в организме начинает нарушаться и отказывать в первую очередь (естественно, по его мнению). В общем, он такого понаплёл, такую толпу любопытных вокруг себя собрал, что, в конце концов, продавец сунул ему товар, очевидно даже ниже закупочной цены, лишь бы от этого «паникёра» поскорее отделаться.

К этому времени мы уже приобрели часть продуктов. Стас и Женька, отыскав нас, предъявили полный пакет помидоров и огурцов. Причём Женька не переставал хвастаться своими «достижениями» и изъявил желание закупить все остальные «продукты» по более низким ценам. На что Сэнсэй лишь осудительно покачал головой:

— Эх, люди... Толкуешь вам, толкуешь...

— Нет, ну, Сэнсэй, зачем тратить больше, если можно купить по разумной цене? Они же тут все народной обдираловкой занимаются! Я, как порядочный гражданин, не могу пройти мимо такого безобразия. Мне же так и хочется принять в нём посильное участие. — Ребята вновь грохнули со смеху, а Женька продолжал оправдываться, лукаво улыбаясь. — У меня же к ним нет зависти. Просто когда я вижу торгового работника, в нутре моём возникает обострённое чувство справедливости.

— А-а-а, — усмехнулся Сэнсэй. — Это качество сейчас так величают?

— Ага, — кивнул, смеясь, Стас. — Причём это «обострённое чувство справедливости» у него проявляется в двух видах: корыстное и бескорыстное. Корыстное — это когда он хочет, чтобы «и у него это было». А бескорыстное — это когда он хочет, чтобы «и у того этого не было».

Сэнсэй безнадёжно махнул рукой в сторону Женьки и Стаса, проговорив:

— Делайте что хотите.

Николай Андреевич отдал им список и деньги. Наша команда разделилась. Часть ребят пошла вместе с Женькой повеселиться с его закупки продуктов. А Сэнсэй, Володя, доктор и я, предварительно договорившись с ребятами, где мы их будем ждать, пошли к берегу.

Небо было безоблачным. Полусонные отдыхающие лениво расхаживали вдоль улиц, прячась от зноя под тенью деревьев. Мы вышли к условному месту. И составив пакеты с продуктами, сели на свободную скамейку в тени большого дерева. Николай Андреевич решил не терять время зря и стал расспрашивать Сэнсэя.

— Сэнсэй, ты затронул интересную тему, когда мы шли сюда... Вот я всё время думал... Ну, ладно, богатство нам с тобой не угрожает при нашей профессии да ещё в нашей стране, — в шутку проговорил доктор. — А вот если серьёзно, что делать человеку? Вот все говорят, то плохо, то плохо, а как хорошо? Как жить?

— Понимаешь, **каждый человек, по сути, не живёт своей настоящей жизнью. Он выбирает понравившийся ему образ и играет роль, причём, как правило, не одну.** Вот, к примеру, ты сейчас играешь роль студента, пытаешься, как на лекции, задать вопросы, вникнуть в суть моих ответов. Потом переключаешься на роль психотерапевта, стремясь проанализировать мои слова. Но, по сути, это всего лишь игра, не более. Потому что ты сам знаешь то, о чём я говорю. Нужно всего лишь глубоко заглянуть себе в душу.

Так и каждый человек. Он играет. Одному по душе роль доктора, второму нравится роль крутого спецназовца, а третьему — автослесаря. Кто-то выбирает себе роль алкоголика, кто-то бандита, кто-то карьериста, а кто-то обиженного на жизнь. Но кем бы ни был человек, по факту — это всего лишь его роль. Просто он настолько в неё вживается, что думает, что это и есть на самом деле его настоящая жизнь. Действительно, прав Шекспир, весь мир — это всего лишь театр.

И как любой артист человек остаётся неудовлетворён своей ролью и мечтает о другой роли, где он видит себя более важным. Чего бы человек ни достиг, ему кажется, что главную роль в своей жизни он ещё не сыграл. И играя того себя, кого он выдумал, к примеру бедного, больного, богатого, здорового, слесаря или космонавта, не имеет значения, — человек мечтает о другой роли. Он примеряет к себе образ президента, олигарха, героя-спасателя, борца за справедливость, ещё кого-нибудь...

И всё время пребывает в мечтах, тешит себя этими сказками. Но не проще ли прекратить мечтать и выбрать себе в жизни роль, достойную звания Человека?

— Ты имеешь в виду святого, ламы или кого?

— Хоть ламы, хоть святого или же порядочного, доброго человека, называй это как хочешь. **Я называю это просто — роль, достойная звания Человека. И быть тем, кем ты должен быть. Чтобы, засыпая, ты был спокоен, что твоя совесть чиста. Чтобы, умирая, было не стыдно за свои мысли и поступки. И чтоб стоя даже перед Богом, как говорят христиане, на Суде Божьем, тебе было что сказать. Чтобы твоя корзина с добрыми делами была полна, а с худыми делами была пуста. Вот что значит быть Человеком.** И не просто внешне, но и, что важно, внутренне. Навести порядок в своей голове. Не мечтать о дурном, о глупом, о пустом. Думай больше о Боге, думай о душе. Есть свободное время — используй его с пользой для души, молись, медитируй, занимайся духовным. **Ибо жизнь слишком коротка. И даётся она для того, чтобы человек доказал Богу, что он достоин звания Человека...**

Сэнсэй рассказывал просто и понятно. Его слова были наполнены такой искренностью, таким участием, силой и добротой, что у меня даже «цветок лотоса» непроизвольно заработал, разливая приятное тепло по телу. А на душе стало так хорошо, словно с меня самой свалились все наигранные маски, обнажив на время мою реальную

Сущность. И почему-то именно в этом свободном состоянии я действительно понимала, о чём говорил Сэнсэй. Ибо это понимание шло не через слова, а через мою душу.

Некоторое время мы сидели молча, созерцая морскую картину природы. В этом необыкновенном состоянии, порождённом словами Сэнсэя, видимо никому не хотелось говорить лишнего. Всё было на удивление просто и ясно. Эту безмятежность созерцания нарушили вернувшиеся с рынка ребята.

— Гляньте, сколько мы добра всякого накупили! — проговорил довольно Женька, растопырив руки и демонстрируя гружёные пакеты, которые нёс он и ребята. — А чего вы такие грустные?

— Да вот, смотрим, — сказал Сэнсэй, глядя в морскую даль.

Женька тоже для приличия посмотрел в ту сторону. В это время по морю как раз мчался катер. К нему была прикреплена верёвка, конец которой удерживала девушка на водных лыжах.

— О, классная девчонка! — оценивающее заявил Женя, думая, что речь идёт об этом.

— Вот-вот, — промолвил Сэнсэй. — Я им по этому поводу анекдот рассказал, вот они и загрустили.

Женька хмыкнул:

— Что ж за анекдот такой, что они загрустили?

— Да сидят два рыбака на берегу реки. А перед ними красивая девушка катается на водных лыжах. Один другому говорит: «Представляешь,

сейчас она упадёт и начнёт тонуть. А я нырну и спасу её. Вытащу и притворюсь, что делаю искусственное дыхание, а сам её буду целовать, обнимать». И только он это проговорил, девушка падает и начинает тонуть. Тот тут же бросается в воду. Ныряет и вытаскивает женское тело. Начинает искусственное дыхание делать, целовать, обнимать. А потом подходит к другу и говорит: «Что-то я не пойму? Та красавица была, а это какая-то уродина». А друг на него так искоса смотрит и говорит: «Да, да... И та была на водных лыжах, а эта на коньках».

Под деревом раздался раскатистый смех нашего коллектива. Один Женька как-то вяло усмехнулся, а потом озадаченно спросил:

— Не въехал, а при чём здесь коньки? Она же на водных лыжах была.

Мы все грохнули, смеясь уже не столько с анекдота, сколько с Женьки. Парень же постарался замять свою неловкость и быстро подсуетился, переводя поток смеха уже в русло своих приключений на рынке. К рассказу подключились и «очевидцы», дополняя своими подробностями. В конце концов, вдоволь нахохотавшись, все пришли к выводу, что Женьку на этот рынок одного отпускать уже опасно. Он там наделал такого шороху со своим «дозиметром», что если вздумает заявиться туда в следующий раз, даже без этой штуковины, он явно ощутит на своих костях все «последствия» своей шутки.

Мы распределили продукты по пакетам так, чтобы было удобно нести всем. И когда уже со-

брались «отчаливать» в обратный путь, Женька вдруг громко рассмеялся:

— А-а-а! Так получается, та, что в коньках, ещё с зимы там валялась.

Это уже была последняя капля. Наш смех просто перерос в истерику. Даже прохожие, глядя на нас, стали улыбаться, заражаясь волной хорошего настроения, хоть и не понимали, в чём, собственно говоря, причина такого повального смеха.

Так как мы были нагружены продуктами, то пошли в обход пансионатов более длинной, но удобной дорогой. И когда проходили мимо очередного строения, Женька, глазея по сторонам, неожиданно остановился. Он поставил пакеты на асфальт и учинил детальный обыск своих карманов, которые в своё время дизайнеры одежды обильно «налепили» как на его рубашке, так и на шортах.

— Да где же она? — озадаченно бормотал парень.

Поскольку Женя приотстал, некоторые из нас тоже остановились, поджидая парня.

— А, вот! — наконец-то обрадовано воскликнул он и вытащил какую-то скомканную бумажку.

— Ты что, это на экстренный случай жизни бережёшь? — усмехнулся Володя, наблюдая, как парень пытался разгладить помятую бумагу.

— Ага, на экстрасенсорный, — в шутку отпарировал Женька.

Схватив свои пакеты, он догнал Сэнсэя.

— Сэнсэй, глянь, какую я на рынке объяву

сорвал. Целая хвалебная ода Вседержителя Космоса и всея Земли...

И парень, одновременно удерживая пакеты в руке, протянул бумагу.

Сэнсэй взял её, пробежал глазами и, усмехнувшись, отдал обратно.

— Такого «добра» в округе полно. Вон, смотри... И там это висит, и там, и вон там...

Мы с любопытством закрутили головами вместе с Женькой в тех направлениях, куда указывал Сэнсэй. И действительно, везде пестрели одни и те же объявления, написанные крупными буквами: «Великий экстрасенс, почётный Мастер международного класса, предсказатель оракулов, могучий маг и чародей, от одного взгляда которого исцелились многие люди, Виталий Яковлевич... по многочисленным просьбам проводит дополнительный лечебно-оздоровительный сеанс, аналога которому нет в мире. Начало сеанса...» И далее значилось завтрашнее число, а также непомерно раздутая цена на билеты.

Глядя на это расклеенное множество объявлений, нас снова разобрал смех. Даже на мусорном контейнере, мимо которого мы проходили, также «красовалась» такая бумажка.

— Тьфу ты! — в сердцах плюнул Женька. — А я, как дурак, нёс эту «тяжесть» в кармане с самого рынка.

Он вновь скомкал бумажку и, подкинув её, пнул ногой, словно мячик.

— Ты чего соришь? — добродушно пожурил его Сэнсэй. — Чистота мысли начинается с твоей

внешней культуры и опрятности. Иди, подбери бумажку и брось в мусорник.

На сей раз Женька, вопреки своим обычным отговоркам, повёл себя явно неадекватно, очевидно внося разнообразие в свой неутомимый юмор. Вновь поставив свои пакеты, он услужливо побежал, вперёд нас, к бумажке. И подняв её, даже пару раз «подмёл» рукой то место на асфальте, где она лежала. А затем как заправский баскетболист метнул скомканную бумажку в контейнер с мусором, точно мяч в корзину. И «забив очко», с довольным лицом наигранно развёл руками:

— Какая такая бумажка? Никакой бумажки не было. Вам показалось. Нынче солнце сильно греет. Это был всего лишь мираж.

— Ну, ну, — со смехом произнёс Стас. — А ты у нас джинн из бутылки.

Мы вновь захохотали. Женьке, видимо, понравилась эта идея нового образа, и он сказал:

— А почему бы и нет? Загадывайте любое желание, так уж и быть, исполню, — и, подмигнув, весело добавил, — учитывая, естественно, современный хозрасчёт и самообслуживание.

— В смысле самообслуживание? — улыбаясь, проговорил Стас. — Это что же получается, мы сами желание загадаем, и сами же исполним за свой счёт?

— Догадливый ты наш! — похлопал его Женька по плечу, возвращаясь за своими пакетами.

Мы посмеялись, а Андрей промолвил:

— Лично у меня только одно желание — быстрее перенестись на косу вместе с продуктами.

— Запросто, — ответил Женька, нагнав нас со своим грузом: — Ничего нет невозможного для моего волшебства. Для реализации этого желания есть два варианта.

— Огласите, пожалуйста, ваш обширнейший список, о великий джинн, — потешно предложил Стас.

— Первый вариант: сейчас мы быстренько ускоряемся и с конкретной нагрузочкой в виде тяжёлых пакетов совершаем пробежечку до лагеря.

— О нет! — разом завопили мы.

— Да ещё по такой жаре, — зароптал Андрей.

— Тоже ещё мне волшебство! — усмехнулся Руслан.

— А второй вариант? — с улыбкой поинтересовался Стас.

— Второй вариант волшебства возможен, если подходить к делу с умом. Что главное в деле перемещения?

— Володина пята! — со смехом отозвался Андрей.

Все вновь захохотали, вспоминая утреннюю шутку Сэнсэя.

— Ну, это само собой разумеющееся для некоторых индивидов, — продолжал разыгрывать свою роль Женька. — Думайте ширше!

— Крылья! — выкрикнул Руслан.

Женька прищёлкнул языком и с напыщенным видом проговорил:

— Енто для птиц высокого полёта. Думайте глубже!

— Колёса, — увидев проезжающую машину, шуточно изрёк Стас.

— Ну, Стас, ты вообще в улёт пошёл, — копируя протяжный голос наркомана, махнул рукой Женя. И весело добавил: — Думать глубже — это не значит совсем отъехать. Ну что? Вариантов больше нет? Эх вы! Главное, как говорил наш дорогой Сэнсэй, это занять ум полезным делом. — И наклонив голову в сторону смеющегося вместе с нами Сэнсэя, спросил: — Правильно я говорю?

— Правильно, правильно, — кивнул тот.

— Вот видите, я уроки, в отличие от вас всех, усвояю.., то есть усвомяю. Тьфу ты, у-сва-и-ваю, — наконец членораздельно выговорил парень, — очень быстро.

— Конечно же, куда нам до тебя, ты же у нас уникум, — с иронией заметил Стас.

— Ну так кто бы в этом сомневался! — самодовольно заявил Женька, выпятив грудь. — Я какой-никакой, но джинн!

— И что вы нам на сей раз предложите, Абдурахман Абдурахманович? — с иронией в голосе пробасил Володя.

Но Женька, казалось, растягивал удовольствие от своей игры слов:

— Терпение, мой друг, терпение. Так вот, чем можно занять свой ум так, чтобы время пролетело быстро и незаметно? Юмором! Так что слушайте анекдоты...

После очередной порции Женькиных анекдотов, когда у нас от его «волшебства» уже рты и животы болели от смеха, Николай Андреевич

решил прервать этот бесконечный смех и использовать время более рационально, тактично переведя разговор в русло извечных тем о человеке и путях его духовных соисканий. И разговорившись, Сэнсэй поведал нам одну легенду.

6

Однажды Путник потерял себя. Он оказался один среди пустыни и не мог вспомнить, кто он, где он и куда ему идти. В какую сторону Путник ни направлял свой взор, везде были пески и бескрайние барханы. И не знал он, где им конец, а где начало. Солнце нещадно палило его кожу. Ветер обжигал раскалённым воздухом.

Долго шёл Путник. И тут он увидел сухую колючку. Путник подумал, что и он есть колючка. Сел рядом с ней. Но внезапный порыв ветра погнал её по пескам. Она с лёгкостью покатилась, оставляя своими шипами след. И он подумал, раз она движется, значит, знает куда. Раз она оставляет след, значит, она указывает ему путь. И Путник пошёл за ней. Но ветер стих и колючка остановилась. Новый порыв ветра погнал её в обратную

сторону. И Путник снова двинулся за ней, ступая по своим же следам. Но, в конце концов, оказался на том же самом месте, откуда и начал свой путь. И Путник осознал, что колючка мертва, и ветер лишь играет ею. Он понял, что бессмысленно бегать за мёртвой сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Теперь лишь стихии властвуют над ней. Он взял её в руки, но она больно уколола. Это его удивило. Даже мёртвая, она продолжала причинять боль. И он в гневе отбросил её.

Путник пошёл дальше. Долго шёл. Его мучили жажда и голод. Но он продолжал идти. Увидев летящую большую птицу, Путник подумал, что и он есть птица. И побежал за ней. Он рассуждал, что раз эта птица летит так высоко, то и видит дальше него. Она знает путь, значит, выведет его туда, где можно будет утолить жажду и насытиться, где он наконец-то обретёт покой и избавится от страданий. Обрадованный Путник бежал, восхваляя её стремительный полёт и радуясь своим мечтам.

Сильная птица летела красиво и быстро. Путник мчался за ней что было сил. Он устал, но продолжал свой бег, живя надеждой на лучшее. Птица стала снижаться за ближайший бархан, и Путник ускорил свой бег. Он полагал, что лишь мгновения отделяют его от мечты. Взбежав на бархан, он остановился, и ужас обмана охватил его, когда взору

открылась правда. За барханом стая таких же птиц разрывала мёртвое тело, с жадностью поглощая гнилую плоть. С отвращением отвернувшись, Путник пошёл прочь. Он понял, что для птицы он всего лишь пища.

Долго шёл Путник. Солнце по-прежнему беспощадно палило. Ветер обжигал своим раскалённым воздухом. Изводила нестерпимая жажда и голод. Силы были на исходе. А вокруг всего лишь бескрайние пески да голубое небо. И тут Путник увидел змею. Она передвигалась уверенно, не спеша, точно знала наперёд свой путь и наслаждалась каждым мгновением его преодоления. В ней чувствовался покой. От неё веяло прохладой, несмотря на сильную жару. И Путник подумал: «Раз она не спешит и от неё веет прохладой, значит, она знает, где находится источник. Если я пойду за ней, то укроюсь от солнца и утолю свою жажду».

Путник пошёл за змеёй. Он почувствовал, как силы постепенно возвращались к нему. И Путник подумал: «Может я есть змея?». Но в этот момент змея остановилась и повернулась к нему. И он увидел, что у змеи есть зубы, наполненные ядом. Тело задрожало от страха и понесло его прочь. И остановилось лишь тогда, когда рухнуло в горячий песок. Он был зол на себя, что не смог устоять, ведь всего лишь шаг отделял от спасения. Тело предало его. А ведь он полагал, что его тело есть он.

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Континуум»

С трудом поднявшись, Путник вновь побрёл по пустыне. Он ходил под палящими лучами солнца, вспоминая прохладу и покой змеи. Тоска овладела им. И тут он увидел мелькнувшую тень. Он подумал, что это мираж, призрак змеи. Но тень вновь промелькнула. Присмотревшись, Путник увидел ящерицу. Ему показалось, что и от неё веет прохладой. И он подумал: «Раз от неё веет прохладой, как от змеи, то может, и она тоже знает, где есть источник». И он устремился за ней, стараясь не отстать. Но ящерица передвигалась проворно и быстро. Измотав Путника по пустыне, она зарылась в песок. И сколько Путник ни копал в том месте, так найти её и не смог. Но, утратив ящерицу, он не расстроился. Ведь это была не змея, а всего лишь беспокойная ящерица, которая только призрачно напоминала змею. И вся суть её лишь пустое метание.

Поднявшись с колен, Путник бесцельно побрёл по пустыне. Он был разочарован в своих встречах, зол на непослушное, голодное тело. Ему надоело это суетное скитание, бессмысленные переживания, обнадёживающие мечты, пустые хлопоты и безграничное разочарование, ложь, обман, иллюзии этой пустыни.

Жара становилась нестерпимой. Тело стонало и изнывало от жажды и голода. Но Путник уже не обращал на него внимания. Он всё шёл и шёл, пока у него оставались

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Континуум»

хоть какие-то силы. Окончательно ослабев, он упал в раскалённый под солнцем песок и не мог пошевелить даже пальцем. Лишь глаза ещё созерцали бесконечный простор чистого неба, слившегося с безбрежными барханами пустыни. Путник перевёл взгляд на множество разнообразных песчинок перед его лицом. Каждая песчинка чем-то отличалась от других. Но в массе песка эти различия были незаметны. Ветер с лёгкостью перемещал их.

И Путник подумал: «Я такой же, как эта песчинка. Я не знаю, кто я. Но раз я есть, значит, меня Кто-то создал. А раз Кто-то создал, значит, на то была Его воля. Тогда мои скитания здесь всего лишь часть Его замысла. И эта пустыня — всего лишь место воплощения Его воли. То, что произошло со мной, должно было произойти. Ведь суть не во внешнем движении, а в сущности внутреннего. Если я умру, что изменится? Ведь этим песчинкам не нужна моя жизнь. Но зачем тогда Он создал меня? Как жаль, что я упустил змею...»

Путник впал в забытьё. Пробудил его яркий свет. Он зажмурил глаза и прикрыл рукой. Ему показалось, что свет стал меньше. Тогда Путник убрал руку от лица. Он увидел, что была уже ночь. Перед ним горел костёр. А возле костра сидел Странник и готовил еду. И Путник спросил его:

— Кто ты?

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Континуум»

— Главное, кто ты? — услышал в ответ.

— Не знаю, — сказал Путник. — Я так долго шёл, что забыл, кто я.

Тогда Странник протянул ему кувшин, наполненный водой, и сказал:

— Тебя долго мучил зной пустыни. Утоли жажду из моего источника.

Путник с благодарностью принял от Странника кувшин и с жадностью стал пить воду большими глотками. Живительная влага растекалась по телу. Ему казалось, что такой вкусной воды он никогда в жизни ещё не пробовал. Насытившись водой, Путник отдал Страннику кувшин и спросил:

— Откуда у тебя среди песков пустыни такая прохладная, чистая вода? Вкус её напоминает мне чистейший горный источник.

Странник улыбнулся и промолвил:

— Я не могу тебе передать словами место этого источника. Ибо узнать его можно, только присутствуя в нём. Слова не могут передать опыт.

Путник задумался и спросил:

— Почему слова не могут передать опыт?

Странник ответил:

— Ты выпил воду. Ты получил опыт. Ведь до этого, как бы я ни описывал тебе, насколько эта вода вкусна и прекрасна, понять и оценить её вкус ты сможешь лишь тогда, когда её попробуешь. Только ты можешь определить для себя, какова это вода. Только ты

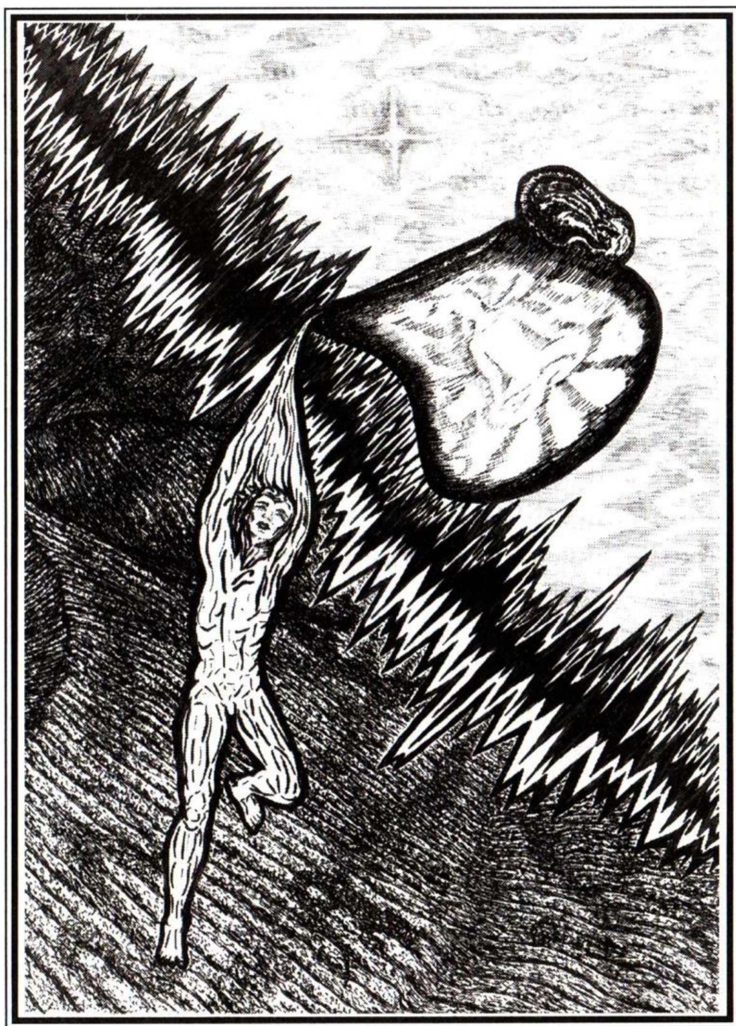

Рисунок Анастасии Новых «Реальность»

можешь понять и прочувствовать ощущение воды, когда твои губы к ней прикасаются, когда она наполняет твой рот и течёт в твоё тело через горло. И этот опыт принадлежит только тебе, ибо каждый пьёт свою воду. Но сколько бы ты ни пил, ты будешь жаждать вновь. Лишь став источником, ты навсегда утолишь свою жажду.

— А как я могу стать источником?

— Стань собой, своей Сущностью. Жизнь и смерть как единый поток. В потоке движется Сущность. В движенье обретает непреходящее. Никто не может по-настоящему оценить бушующий поток, не зайдя в его вóды, ибо это есть будущее. Никто не сможет войти в одну и ту же воду дважды, ибо это есть прошлое. Есть только движение потока, ибо это и есть настоящее. Всякая вода рано или поздно достигает своего источника и становится им, возвращаясь к первозданной чистоте.

Путник удивился мудрости ответа и спросил:

— Откуда ты знаешь это всё о воде?

— Я был Источником её влаги, — последовал ответ.

Странник протянул ему еду и сказал:

— Ты так долго скитался по пустыне. Утоли голод свой, отведав пищи моей.

Путник с благодарностью принял от Странника еду и стал с наслаждением её поглощать. Она ему показалась столь вкусной

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Континуум»

и сытной, коей он ещё никогда в жизни не пробовал. Насытившись едой, Путник спросил у Странника:

— Почему столь вкусна еда твоя? Я такое никогда в жизни не ел.

— Ты был голоден. Пища — всего лишь услада плоти. Она насыщает плоть, но не утоляет жажду. Те, кто считают её наивысшим благом, не могут отказаться от её накоплений. Но сколько её ни накапливай, она испортится. Пища даёт временное наслаждение обладания ею. Она полезна лишь для поддержания плоти, в коей пребывает Дух.

— Но почему от столь малого количества твоей еды я наполнился большей силой, чем когда-либо?

— Потому что сила эта, делающая еду таковой, какова она есть, не имеет предела и начала. Она есть предел беспредельного и граница безграничного. Но сама еда — она конечна, она ограничена внутри себя самой.

И Путник вновь удивился:

— Откуда ты знаешь это о еде?

— Я был Поваром этого мира.

Утолив голод и жажду, Путник обратил внимание на свою одежду. Она была ветхой и рваной. И он устыдился вида своего.

Странник, заметив это, сказал:

— Тебе нечего стыдиться одежды своей. Одежда — это всего лишь частица единого процесса созидания и разрушения. Нет ничего

глупее, чем угождать прихотям своей одежды. Ведь то, что есть суть её, запирает тебя в пределах своего узкого пространства, отдаляя от мира и погружая тебя в сомнения и страхи, порождённые этим отчуждением. Она заставляет тебя существовать ради её форм и внешних иллюзий, кои вид её создаёт для других, втягивая тебя всё в большие заботы о ней. Ведь каждая форма имеет свои правила. А правила — всего лишь совокупность контрастов.

Твоя одежда имеет предел. Она изнашивается. Ты же свободен её не носить. Но, износив одну, ты надеваешь другую одежду. Однако, не разрушая предел, гнаться за беспредельным гибельно.

И Путник опять изумился:

— Откуда ты знаешь это об одежде?

— Я был Портным этого мира, — последовал ответ.

Путник огляделся:

— Скажи, а как я попал сюда?

— Ты пришёл, — ответил Странник.

— Но я помню лишь жару и песок.

— А что ты видел?

Путник стал вспоминать:

— Я видел сухую колючку, которую гонял ветер. Она оставляла след на песке. Я шёл за ней, думая, что она укажет мне путь. Но ветер изменил направление. Я вернулся обратно. И решил, что бессмысленно бегать за мёртвой

сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Но колючка уколола меня, когда я поднял её. Даже мёртвая, она продолжала причинять боль.

— Ты встретил мёртвое, которому нечем себя обнаружить, кроме шипов своих. Мёртвое защищает мёртвое. Мёртвое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мёртвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет, — проговорил Странник.

Путник же продолжил:

— Я видел большую птицу. Она летела высоко. Я бежал за ней, думая, что она выведет туда, где я смогу обрести покой и избавиться от страданий. Я восхвалял её полёт и тешил себя мечтой. Но она привела меня лишь к стае таких же птиц, которые поедали мёртвую, гнилую плоть.

И Странник ответил:

— Глупо восхвалять того, кто в тебе видит всего лишь будущую пищу. Тебя привлекла высота её полёта. И ты последовал за ней, думая о своей выгоде. Но стремления птицы в полёте были другими. Хоть и высоко она парит над пустыней, но питается она её жертвами. Птица же, питающаяся падалью, не страдает от перемены своих «блюд». Ибо суть её гниль. Ты обманул сам себя. Ты увидел реальность, и у тебя исчезли иллюзии. Но твоя реальность есть тоже иллюзия.

Большая птица была всего лишь тенью перед сутью вещей. Вещи же имеют свойство рождаться в Бесформенном и возвращаться в Низменное.

Путник сказал:

— Я видел змею. В ней чувствовался покой. От неё веяло прохладой. И я подумал, что ей ведомо место источника. Я пошёл за ней. Но змея повернулась ко мне. И я увидел её зубы, наполненные ядом. Тело моё задрожало от страха и понесло меня прочь. А ведь я полагал, что моё тело есть я. Я утратил змею, но всё время думал о ней.

— Тот, кто полагается на внешнее, может лишь предполагать. Тот, кто полагается на внутреннее, имеет достоверное знание, — промолвил Странник. — Тело есть тлен. Суть его прах. Ты же мог обрести Мудрость вечности. Тебе достаточно было сделать шаг. Но страх гибели тлена оказался сильней. Тлен убежал. Ты остался в тоске, ибо Дух всегда стремится к вечности. Мудрость вечности нельзя постичь через тлена власть, ибо она превратит её в глупость. Убежать от страха — не значит спастись. Убить в себе страх — обрести безупречность. Безупречность же позволяет сделать шаг на грань. Ибо только на грани осознаёшь исток Мудрости.

Путник вспомнил дальше:

— Я видел ящерицу. Я думал, это призрак змеи. Мне показалось, что от неё веет про-

хладой. Я пытался её догнать. Но бег её был быстр и проворен. Она зарылась в песок, и я не смог её найти. Но это меня не расстроило. Ведь она была всего лишь беспокойная ящерица, но не змея.

Странник заметил:

— Призрак, похожий на Мудрость, только кажется Мудростью. Пустая суета начало смуты. Тот, кто хочет казаться Мудрецом, чтобы похвалиться перед другими, печально мечется в одиночестве, мечтая о славе. Но суть его есть пустота в оболочке Эго. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам не может быть конца.

И Путник сказал:

— Я видел солнце, бесконечный простор неба. Я видел безбрежные барханы пустыни. Я видел множество различных песчинок. Но в массе они были незаметны. Ветер определял их направление.

На что Странник ответил:

— Небо и солнце вершат перемены. Они способны преображать, дабы всё живое следовало своей природе. Небо и солнце преумножают полное и уничтожают пустое. Пустыня вершит движение в покое. Она мертва, но способна рождать миражи, дабы живое обманывать своими иллюзиями. Пустыня уничтожает полное и наполняет пустое. Песчинки же в массе своей следуют за движением песка, поэтому стихии определяют их направление.

Рисунок Анастасии Новых «Континуум»

И Путник признался:

— Я подумал, что я такой же, как и эта песчинка. Ведь я не знаю, кто я. Но раз я есть, значит, меня Кто-то создал. А раз Кто-то создал, значит, на то была Его воля. Тогда мои скитания здесь всего лишь часть Его замысла. Если я умру, что изменится? Ведь этим песчинкам не нужна моя жизнь. Но зачем тогда Он создал меня?

— Чтобы ты стал Человеком, — прозвучал ответ.

— Стать Человеком?! — удивился Путник. — Но что есть моя жизнь?

Странник же изрёк:

— Камень, упавший в песок — шелест песчинок.
Волны́ прибой — шелест песчинок.
Твой стремительный бег,
Стопа в песок — шелест песчинок.
Жизнь — это всего лишь шаг,
А годы в ней — шелест песчинок.

Путник подумал и вновь спросил:

— Но что это значит?

— Ты пришёл туда, куда дано тебе от рождения, — отозвался Странник. — Вырос в том, что было угодно твоей природе. Достиг зрелости в том, что стало твоей судьбой. И уйдёшь туда, куда будет дано тебе от смерти. Смерть всего лишь начало жизни. Жизнь всего лишь преемница Смерти. Приход жизни нельзя отвергнуть. Уход её нельзя остановить.

Путник помолчал, а потом восхищённо воскликнул:

— Стать Человеком?! Я вспомнил! Я искал Путь, чтобы стать Человеком!

На что Странник ответил:

— Ты искал лишь чужой след, но не собственный путь. Чужой след не похож на собственный. Следы появляются там, где их оставляют. Но сами они не являются тем, кто их оставляет. Идя по чужому следу, ты гнался за внешними образами, не ведая их внутреннюю суть. Но каждый прокладывает себе тот путь, который соответствует его истинным стремлениям. Пустыня со временем заносит все следы своими песками, дабы новый Путник не совершал ошибок прошлого. Вот почему важен свой опыт. Чтобы стать Человеком, нужно проложить свой собственный путь.

Стопа Человека занимает малое место в бескрайней Пустыне. Но, несмотря на это, она может ступать там, где ещё никто не проходил. Ступая же там, где ещё никто не проходил, Человек способен уйти далеко и обрести большее. Познания его разума невелики, но Человек, вверяясь Неведомому, способен дойти до Того, Кто его сотворил.

И Путник спросил:

— А кто есть Тот, Кто меня сотворил?

Странник произнёс:

— Его можно воспринять, но нельзя передать. Можно дойти к Нему, но нельзя пос-

тичь. Его можно Любить, но нельзя объять. Его можно понять в Начале, но нельзя познать до Конца. Ибо Он есть Тот, Кто создал всё. Ибо Он есть Созидающий своей Волей.

— Откуда ты знаешь это о Нём? — удивился Путник.

— Я есть Голос Его и Слух, — прозвучал ответ.

— Но кто ты? Назови мне имя своё.

— Имя — всего лишь тень от одежды, но её у меня много. А Сущность одна — Бодхисатва».

7

После того как Сэнсэй рассказал нам эту легенду, мы продолжали путь молча. Очевидно, все, так же как и я, пребывали под сильным впечатлением от услышанного и пытались разобраться, в первую очередь, в себе, своём выборе пути в жизни. И уже когда мы подходили к лагерю, Андрей спросил у Сэнсэя:

— А Бодхисатвы посещают только Восток?

Сэнсэй усмехнулся:

— Почему, они везде бывают, и на Руси в том числе.

— Да? — изумился Андрей. — И на Руси? Что, были русские бодхи? Никогда про это не слышал. Сэнсэй, расскажи...

Все оживились, очевидно тоже горя желанием услышать об этом поподробнее. Но Сэнсэй, глянув на встречающих нас «охранников» нашего лагеря, лишь проговорил:

— Попозже, вечерком...

«Ну, вечерком так вечерком», — подумала моя особа и устремила свой взор на махающую мне рукой Татьяну.

В лагере нас уже заждались. Распаковывая пакеты, мы поведали оставшимся ребятам о своих приключениях, а они нам о своих. Оказывается, мои друзья тоже тут не скучали. Во время того как наши «охранники» решили отдохнуть, «прикормленные» чайки пытались совершить вторичный погром. Костик же, сотворив себе облик разукрашенного индейца, решил с Юрой во что бы то ни стало поймать хоть одну «дичь» и устроить ей «показательные разборки, чтобы другим неповадно было». Они, как полагается, сделали «засаду» в прибрежном камыше. Однако из этой затеи вышла лишь комичная история, как два городских хлопца чуть было не довели до инфаркта «благородную птицу» своим внезапным появлением с улюлюканьем, неистовыми криками и сумасшедшими виражами по берегу в погоне за перепуганной стаей пернатых. Так что своими «цивилизованными разборками» в дикой природе наши «индейцы», кроме перьев и птичьего помёта, ничего больше, как выразился Костик, «не поимели».

Расправившись с обедом, мы пошли резвиться в водных просторах. Наигрались вдоволь в водное поло, то есть ватерполо. И уже когда половина нашей компании растянулась на песочке, грея свои тела, Стас и Женя решили поплавать с аквалангами. Но у них чего-то там не заладилось, и, отложив акваланги, они решили понырять старым добрым способом с маской и трубкой недалеко от

берега. Костик и Андрей пробовали свои силёнки на дальний заплыв. А мы с Татьяной барахтались на мелководье. Для наших трусливых женских натур «заплыв» тогда был хорош, когда периодически под ногами ощущалось морское дно.

И вот в тот самый момент, когда Андрей и Костик уже достаточно отдалились от берега, Славик, загоравший на песке, неожиданно для всех начал кричать в их сторону и махать руками:

— Акулы! Акулы!

— Ты чего так кричишь? — возмутился в шутку Руслан, лёжа недалеко на песке. — Они на твой развод не клюнут.

— Правда, акулы, сам глянь! — взахлёб кричал Славик уже ему.

Славик на самом деле выглядел перепуганным. Мы с Татьяной вмиг приняли вертикальное положение в воде, ощутив под собой спасительное дно, и стали вытягивать шеи, всматриваясь в море. Но ничего особо опасного не увидели и вновь перевели взгляд на встревоженного Славика. Володя и Виктор, загорая на песке, приподнялись и с нескрываемой усмешкой посмотрели вдаль.

— Да ты что, Слава? — проговорил, улыбаясь, Володя. — Какие в этом море могут быть акулы? Это даже не море, а так, лужица. Откуда здесь взяться хищникам, если в округе даже рыбы приличной не встретишь?

— Правда, акулы! Правда, акулы! — заклинило Славика, словно заезженную пластинку на аккорде. — Вон, смотрите! Смотрите!

И тут, глянув в том направлении, куда указывал Славик, я действительно заметила, как вдали стремительно приближались к берегу два чёрных плавника, периодически теряясь среди волн. И двигались они как раз в сторону Андрея и Костика, которые, не обращая внимания на крики Славика, спокойно плавали в воде, явно не замечая опасности. Но когда уже мы с Татьяной с перепуга подняли целую «сирену» своими звонкими женскими голосами, Андрей и Костик растерянно завертели головами по сторонам, ища причину нашей паники. Андрей первым заметил движущиеся на них плавники и резко поплыл к берегу. Костик же, явно так и не узрев источник опасности, как говорится, не стал испытывать судьбу и рванул догонять Андрея.

Бурные окрики переполошили всю компанию. И когда наш инстинкт самосохранения велел немедленно выбежать из воды, Сэнсэй со старшими ребятами, наоборот, пренебрёг этим внутренним сигнализатором и стал заходить поспешно в воду, вглядываясь вдаль. Мы же, добежав до них, так сказать до «безопасной зоны», остановились. Стыдно же было совсем выходить из воды, когда там ещё оставались твои товарищи.

Сэнсэй, сначала вырвавшись вперёд всех, затем замедлил ход. И улыбнувшись, произнёс в нашу сторону:

— Ну, паникёры. Да это же дельфины!

— Дельфины?! — несказанно удивились мы, вновь всматриваясь в приближающиеся треугольные плавники.

Сэнсэй с улыбкой двинулся навстречу неожиданным гостям. Костик и Андрей, очевидно заметив «спешащего к ним» Сэнсэя, ещё больше ускорили процесс своей гребли и буквально пулей проскочили мимо него, усиленно работая руками и ногами, хотя, по сути, там, где они плыли, воды было уже по пояс. Вертикальное положение они приняли лишь тогда, когда их руки и ноги стали «загребать» песок на мелководье. Видимо, ещё не оправившись от шока, они быстро поднялись, собираясь рвануть к берегу, но тут услышали позади себя смех нашей компании.

— А вы чего стоите?! — растерянно проговорил Андрей, обтирая с лица воду и не понимая, почему же мы до сих пор не на суше.

Парень ещё больше изумился, когда увидел, что Сэнсэй продолжает заходить на глубину.

— А мы не съедобные, — ответил за всех Женька, снимая свою водную маску. — У нас повышенный коэффициент смехотворности. А такие неудобоваримые. От таких, как мы, заворот кишок может случиться. Это всё равно, что проглотить морского ежа и мучаться потом в коликах весь остаток своей жизни.

— Так вроде и мы малосъедобные, — стал приходить в себя Андрей, приближаясь к ребятам. — Глянь, какие костлявые. — И при этом указал на дрожащего Костика.

— Э, нет, — возразил Женька. — Я видел, с какой скоростью за вами гнались. Значит что? Значит, в этом вопросе гастрономические крите-

рии этих хищников явно не совпадают с вашим мнением о своей персоне.

Мы рассмеялись. Горе-ребята присоединились к коллективу, пытаясь понять, что же тут изменилось за время их марш-броска. И когда им объяснили, что это дельфины, они удивились не меньше нашего.

— А чего ж они за нами так неслись? — спросил Костик, всё ещё выбивая зубами мелкую дрожь.

— А чего ты от них удирал? — в свою очередь со смехом спросил Виктор.

— Так гнались, вот и удирал.

— Они, наверное, с тобой поиграть хотели, — высказал свою «версию» Стас.

— Хорошенькая игра. У меня поджилки до сих пор трясутся.

— А с чего ты вообще взял, что это расстояние они ради тебя проплыли? — пробасил Володя, наблюдая за Сэнсэем.

Мы перестали шутить и с нескрываемым любопытством устремили свои взоры на Сэнсэя.

Пара чёрных дельфинов с контрастными чёрнобелыми полосами по бокам хоть и неслась со скоростью, однако необычно резко остановилась буквально в паре метров от Сэнсэя. Сэнсэй тоже замер. Вода ему в это время уже доходила до груди. Один из дельфинов как-то смешно высунул голову из воды, прямо как человек, и забавно закивал головой, приоткрыв рот и издавая смешные звуки, чем-то похожие на трещотку вперемешку с тявканьем. Второй же дельфин, что был поменьше, вёл себя более робко. Он стал к Сэнсэю

боком, не сводя с него глаз, как будто внимательно его изучал. Сэнсэй осторожно пошлёпал по воде, словно выбивая какой-то такт. Первый дельфин прекратил издавать звуки и заинтересованно наклонил мордочку. Очевидно, это ему понравилось, поскольку он поднырнул и выплыл буквально на расстоянии вытянутой руки от Сэнсэя. Тот же медленно дотянулся к нему ладонью и ласково погладил животное по его лобной части. Дельфин подплыл ещё ближе, смелее подставляя свою мордочку для поглаживаний. Но Сэнсэй вместо этого легонько почерпнул ладошкой воду и игриво брызнул на животное. Дельфин весело «затрещал» и бросился наутёк, нырнув под воду. Спустя несколько мгновений он неожиданно выкинул хвост позади Сэнсэя и с шумом шлёпнул по воде, окатив его фонтаном брызг. А потом пошла целая игра в «догонялки» с Сэнсэем, где роль «водилы» переходила от одного к другому. К ней быстро присоединился и второй дельфин.

Глядя на такие водные забавы, весь наш страх перед этими дружелюбными животными стал пропадать. Мы начали подтягиваться к Сэнсэю, явно горя желанием поучаствовать в этой игре. Хотя, честно говоря, вначале с некоторой опаской приближались к этим морским созданиям. Шутка ли, такие мощные «тела» рядом плавали. И не просто «тела», а создания с развитым интеллектом, если учесть, что Сэнсэй упомянул, что мозг дельфина весит около 1800 грамм, то есть больше, чем у некоторых людей. Чем не пришельцы из другого мира, которые живут своей жизнью, параллельной

нам, здесь, на нашей планете, в наше время? Однако, глядя на их «вечную» добродушную улыбку, слегка прищуренный весёлый взгляд, трудно поверить, что они могут причинить тебе боль.

Дельфины кружили вокруг нас. И хоть это были представители дикой природы, как ни странно они не боялись нас. Даже давали себя «погладить», правда лишь тогда, когда Сэнсэй находился рядом с нами. Причём если в перерывах между «догонялками» они иногда «разрешали» нам лишь дотронуться до себя, то Сэнсэю с удовольствием подставляли «почесать» своё брюшко, особенно тот дельфин, который был чуть покрупнее. Кстати говоря, Николай Андреевич первым из нас заметил у него затянувшуюся рану на теле сбоку, чуть ниже головы. Причём точь-в-точь на том же самом месте, что и у дельфина, которого мы «хоронили» утром в море.

— О! Неужели это наш знакомый? — удивлённо-восторженно посмотрел Николай Андреевич на Сэнсэя, обнаружив эту «идентичность».

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся.

— Да не, это другой дельфин, — проговорил с сомнением Руслан. — Разве раны так быстро заживают?

— Кто знает? — пожал плечами психотерапевт, с хитрой улыбкой поглядывая на Сэнсэя. — Среда здесь особая... Ведь у того тоже на тех же местах были давно зажившие шрамы. Вон, смотри...

На чёрной верхней части тела животного виднелись хорошо заметные белые полосы, как будто оставленные от зубьев огромной расчёски.

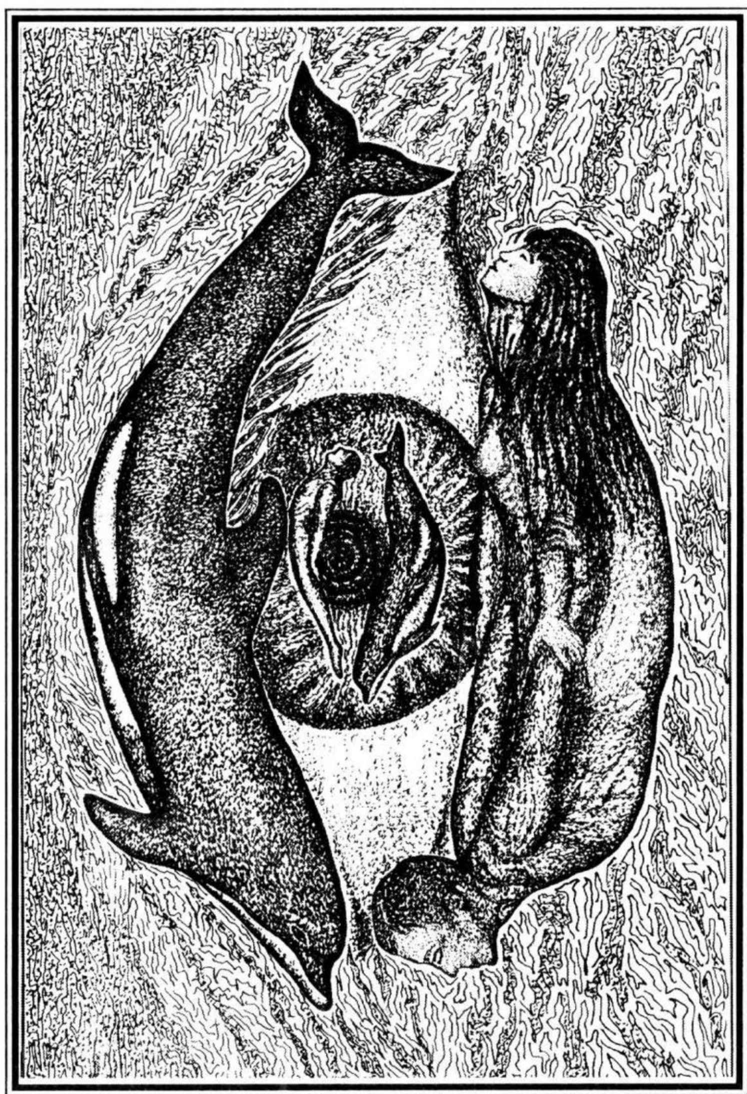

Рисунок Анастасии Новых «Гармония сфер»

— Точно наш дельфин! — усмехнулся довольно Володя. — Бойцовый! Я тоже тогда эти следы приметил.

— Это его так рыбаки? — поинтересовалась я у Сэнсэя.

— Нет. Это следы от зубов сородичей. Это он свой строптивый характер проявлял по молодости лет.

— Да нет, не может быть, это не тот дельфин, — продолжал убеждать нас, а скорее себя Руслан. — Просто все эти дельфины на одно «лицо».

— Обижаешь, — с улыбкой возразил Сэнсэй. — Это только для невнимательного человека дельфины, как новобранцы, все кажутся на одно лицо. А на самом деле у дельфинов, почти как у людей, нет одинаковых физиономий. Каждый посвоему индивидуален и отличается друг от друга по выражению мордочки, телосложению, форме спинных плавников.

— Да? — проговорил Руслан и попытался «внимательнее» рассмотреть дельфина.

В это время кто-то догадался принести мяч. Он настолько пришёлся по душе игривым дельфинам, что за его обладание завязалась целая потасовка, причём с весьма комичными ситуациями. Особенно досталось Женьке. «Меченый» дельфин ещё при первом «телепатическом изучающем осмотре» как-то невзлюбил парня. И в последующем всё время старался ему доставлять маленькие неприятности. То он словно специально умудрялся шлёпнуть перед ним хвостом, чтобы

обдать его брызгами. То, когда парень подплывал близко к Сэнсэю, этот дельфин, старался «боднуть» Женьку и отпихнуть его подальше от Сэнсэя. На что парень стал возмущаться:

— Сэнсэй, чего это он ко мне так неровно дышит?

— Ну как чего? — усмехнулся плавающий рядом Николай Андреевич. — Ты же его хотел заживо похоронить, в песок закопать?

— Я?! — состроил невинное лицо Женя. — Да вы что?! Я же люблю природу... — В это время дельфин выпрыгнул из воды недалеко от Женьки и с шумом плюхнулся обратно, накрыв Женьку с головой целой волной. Надо было видеть лицо парня после этого неожиданного душа. Оно выглядело так, словно Женьку оплевали с головы до ног, причём самым наглым образом. Парень в сердцах закончил свою речь, крича вслед нырнувшему дельфину: — Я ж говорю, люблю природу! — И вытерев воду с лица, добавил: — Ну почти люблю, за исключением некоторых экземпляров.

Все ребята засмеялись, а Сэнсэй с улыбкой его предупредил:

— Смотри, дельфины, как и слоны, способны долго помнить обиду.

Но когда дело дошло до мяча, которым Женька, отобрав у дельфинов, решил их подразнить, «Меченый» вообще принял угрожающую позу. Дельфин возбуждённо замотал головой из стороны в сторону и широко разинул пасть, обнажив свои конические зубки, не хуже чем у тигра.

После этого последовал резкий щелчок зубами. Ничего хорошего это не предвещало. Парень тут же выпустил из рук мячик, не желая больше испытывать терпение дельфина, и быстрее погрёб к берегу. А позади него послышалась целая какофония звуков, очень похожая на Женькин ехидненький смех, который он перед этим имел неосторожность озвучить при дельфинах. Мы даже не поверили, что слышали своими ушами такой забавный «хохот» дельфинов. На что Сэнсэй ответил, что дельфины способны копировать разные звуки. И действительно, когда мы с ними плавали, чего мы только ни услышали: от звука, похожего на скрип какой-то несмазанной калитки, до звуков, похожих на человеческий смех и даже писк комара.

Изнеможённые долгим купанием, мы вылезли из воды вслед за Сэнсэем. А дельфины ещё продолжали резвиться, носясь с мячиком и всё дальше и дальше отгоняя его в море. Мы уже махнули на это рукой, решив оставить этот наш маленький подарок им на память. Так они и уплыли с ним в открытое море.

8

Такого насыщенного непредвиденными событиями дня у нас ещё не было. После колоссальной водной «физзарядки» мы просто отключились, заснув глубоким сном. И проснулись лишь под вечер, когда солнце садилось за горизонт. Жара наконец-то спала. Вокруг было тихо. На море стоял штиль. Благодать да и только.

Те, кто проснулся первыми, насобирали хвороста и дров для вечернего костра. Потом дружно приготовили ужин. И когда, расправившись со всеми своими бытовыми делами, расположились возле костра за любимым нами чаепитием, на небе уже появились первые звёздочки. Мы с удовольствием восседали в тесном дружеском кругу, ожидая, как всегда, столь интересную и столь полезную для души беседу с Сэнсэем. Поговорив вначале на бытовые темы, Володя первым перевёл разговор в русло «вечных тем».

— Сэнсэй, ты обещал рассказать о русском бодхи, — напомнил он.

— Ну раз обещал, — проговорил Сэнсэй и, немного помолчав, произнёс: — Слышали о таком святом по имени Ага́пит?!

Некоторые из нас отрицательно покачали головой.

— Нет, — ответил за всех Виктор.

Мне же имя Агапит почему-то показалось знакомым. И я стала напрягать память, где же могла его слышать, причём не так уж давно.

— Агапит, Агапит, — задумчиво проговорил Николай Андреевич, видимо тоже что-то припоминая. — Минуточку... А это случайно не связано как-то с древней медициной?

— С древнерусской медициной, — уточнил Сэнсэй. — Это был выдающийся монах Киево-Печерского монастыря, врачевавший в XI веке. Слава о его даре исцеления от тяжких заболеваний разошлась далеко за пределы Киева. Но это не самое главное в его биографии.

Сэнсэй замолчал, прикуривая сигарету. И тут меня, как говорится, осенило, где я могла слышать это имя. Про Агапита рассказывал знакомый моего дяди. В это время мы с мамой как раз гостили у дяди Вити в Москве, когда я проходила обследование в московской клинике.

— И я знаю кто это! — воодушевлённо промолвила моя особа, к большому удивлению моих друзей. — У моего дяди в Москве есть хороший знакомый — учёный, который входил в научную группу по изучению Печерских мощей. Он рас-

сказывал, что они проводили какие-то там биохимические, рентгенологические, бактериологические и ещё.., не помню, как это по науке называется... Короче говоря, какие-то исследования, которые позволяют восстановить внешний вид и строение человека по костям...

— Морфологические и антропометрические, — подсказал Николай Андреевич.

— Точно, — и уже непосредственно обращаясь к нему за помощью, произнесла: — И ещё эти.., когда узнают, кто чем болел...

— Этиологические.

— Да, — кивнула я. — Так они благодаря этим исследованиям восстановили истинный облик некоторых Печерских святых из Ближних пещер, в том числе и Агапита. Причём его мощи вызвали целый переполох среди учёных. А всё началось с того, когда учёные обнаружили, что мощи Агапита излучают какой-то непонятный не то фон, не то поле, в общем неизвестный вид энергии. Потом проводили разные эксперименты. Так возле его мощей менялась и структура воды, и растения ускоряли свой рост, даже впоследствии становились более выносливыми и «здоровыми». Выявили какие-то защитные характеристики от действия радиации. И даже в помещении, где находились мощи, было что-то обнаружено, что оказывает очень сильное бактериологическое воздействие на воздух. Обычная вода, которая некоторое время стояла возле мощей Агапита, меняла свои свойства. И в последующих экспериментах на животных и людях эта вода оказывала

лечебное воздействие, от которого у людей быстрее заживали раны, проходили различные болезни, а больные животные быстро восстанавливались. И самое главное, обнаружили какую-то непонятную цикличность «фона» мощей. В определённые дни это «поле» резко усиливалось, причём многократно. В общем, вело себя как у живого организма... Вот!

Выдав всю информацию, известную мне на тот момент, я замолчала.

— Да, круто! — присвистнул Андрей.

— Что вы хотите, — сказал Сэнсэй, — Агапит был Бодхисатвой.

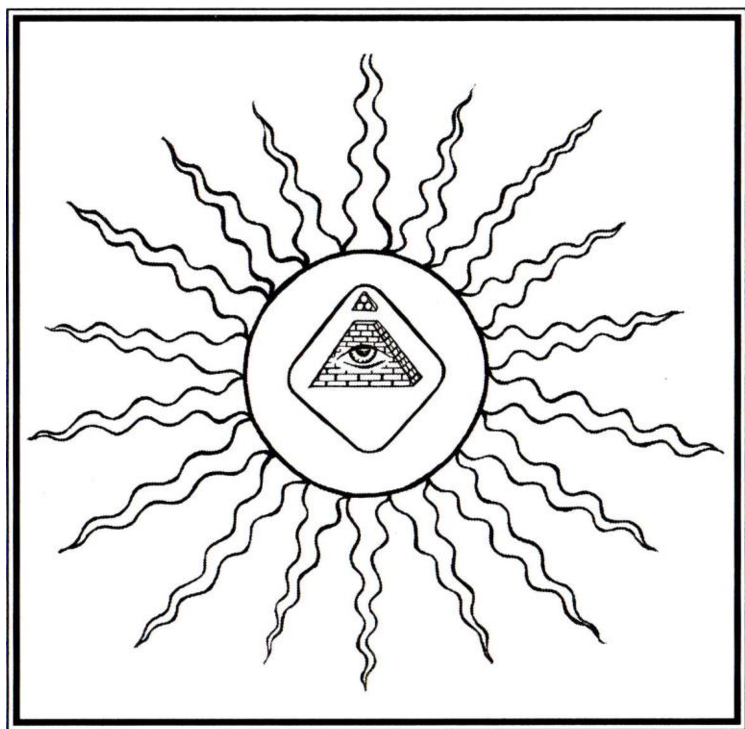
— Подожди, — произнёс психотерапевт, — он же принадлежал к христианской религии. А Бодхисатва — это вроде как буддийский Восток.

— Я тебе когда-то объяснял первичное значение слова Бодхисатва, помнишь? Это слово из Шамбалы. Бодхисатва, как и человек, принадлежит Богу. А религии, разделения верований — это всего лишь бизнес людей, торгующих именем Бога.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Если Агапит был бодхи, тогда, по идее, учитывая уровень его знаний... В общем, почему же тогда основателем Киево-Печерской Лавры, этого первого духовного центра в Древней Руси считают Антония, а не Агапита, который жил в его время?

Сэнсэй усмехнулся.

— Вернее будет сказать, что Антоний жил во времена Агапита... А насчёт твоего вопроса, то ты забыл одну маленькую деталь. Бодхисатвы редко

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Агапит»

когда выступают в качестве лидеров человеческого общества, если это не связано с какой-то определённой миссией, как у бодхи Иссы. Обычно их ученики и последователи становятся таковыми. А Бодхисатва, как правило, остаётся незаметным для широких масс.

— А почему? — удивилась Татьяна.

— Потому что Бодхисатва, учитывая его невмешательство в дела человеческие, может только посоветовать, как преобразовать общество в лучшую, духовную сторону. А само преобразование — желание и дело рук самих людей, то есть, к примеру, тех же его учеников и последователей.

— Ты хочешь сказать, что Антоний был учеником Агапита? — прозрел Николай Андреевич.

Сэнсэй кивнул. Доктор подумал, а потом растерянно спросил:

— А как же эта установка, что Агапит был учеником Антония? Она ведь на чём-то базировалась?

— Её «база», как ты говоришь, является всего лишь церковной версией, которая, в свою очередь, выстраивалась на основе таких книг, как «Отечник»...

— «Отечник»? — переспросил Володя.

— Да. Или иначе его ещё называют «Киево-Печерский патерик». Это книга о жизни и деятельности святых отцов Печерских, написанная в XIII веке. А также по записям монаха Печерского монастыря Нестора Летописца «Жития...» или, к примеру, известной вам по школьной программе его книге «Повесть временных лет». — Сэнсэй

сделал паузу и, посмотрев на наш молодой коллектив, добродушно проговорил: — Если вы, конечно, учились в школе, а не отбывали там от звонка до звонка.

— Как же, помним, помним, — похвастался Костик. — Я даже дату её написания запомнил. — И с выражением произнёс: — 1113–1115 годы от рождества Христова.

Ребята расплылись в улыбках.

— Верно, — подметил Сэнсэй. — То есть, спустя определённое время после реальных событий, с учётом тогдашней политической ситуации в государстве, а также предпочтений и симпатий среди высшего духовенства.

— Ну да, — насмешливо сказал Виктор. — Поди там разбери, кто был прав. Как говорят в нашей среде, выслушав в суде двух свидетелей по одному и тому же дорожному происшествию, теряешь доверие к историкам.

Мы засмеялись, а Костик добавил своего юмора в наш смех.

— Это как у Бернарда Шоу спросили после его очередной речи: «Что скажет по этому поводу история? А тот ответил: «История, сэр, солжёт, как всегда».

— Ну зачем же так категорично, — возразил Сэнсэй под смех ребят. — Просто каждый человек, описывая прошлое, мотивирует его, в первую очередь, личностными соображениями. А личностные соображения зависят от степени его духовности и личной заинтересованности, исходя из чего страдает объективность. Дай задание десяти

людям описать одно и то же событие и, будьте уверены, каждый преподнесёт его по-своему. К примеру, политик опишет так, как это ему видится выгодным в свете происходящих в его время событий. Врач опишет с позиции медицинских воззрений. А простой человек с житейско-бытовой позиции, акцентируя внимание на тех моментах, которые лично ему интересны. Вот и получается разная история. Но в любой истории можно уловить основную суть происходящих событий. Как говорится, надо зреть в корень.

— В общем-то ты прав, — согласился Николай Андреевич. — Во многих случаях взгляд на нынешнюю историю у нас действительно однобокий, не говоря уже о далёком, почти забытом прошлом...

— А если учесть, что люди, к сожалению, не меняются, вернее не хотят изменяться... — с оттенком грусти промолвил Сэнсэй.

— ...история, следовательно, повторяется, — заключил его мысли Николай Андреевич.

— Как это ни печально.

Сэнсэй задумчиво посмотрел на костёр. Водрузилось недолгое молчание. Мы же не решались влезть со своими вопросами в ход диалога между «мэтрами».

— Так что же было на самом деле тысячелетие назад? — живо поинтересовался Николай Андреевич.

— Это, конечно, долгая история...

— А мы и не спешим, — ответил за всех Володя, поудобнее устроившись на своём месте и приготовившись слушать.

— Ну, раз не спешите, — в тон ему ответил Сэнсэй, — тогда внимайте... Пожалуй, повествование о времени пребывания Бодхисатвы Агапита на русской земле следует начать с рассказа об Антонии. Потом вы поймёте почему...

Стоял тёплый летний вечер. Вокруг царила полная тишина. Морские волны еле слышно плескались о берег, уводя нас своим монотонным, мелодичным всплеском в туннель времени, в то далёкое прошлое, которое, как ни странно, таким далёким, по сути, вовсе не казалось.

— ...Антония, до принятия в монашество, звали Антипом. Родился он на Черниговской земле, в городе Любече, в 983 году, за пять лет до крещения Руси, во время правления в столице-граде Киеве Владимира I Святославовича.

— Это случайно не того, кого называли Красным Солнышком в русских былинах? — вставил своё словцо Костик.

— Он самый, внук княгини Ольги и киевского князя Игоря, — уточнил Сэнсэй и продолжил: — На молодость Антипия выпало бурное время. Как раз шло становление Древнерусского государства, объединение восточно-славянских племён. На юге и западе велись войны с соседними странами. Да ещё воду баламутили внутренние распри, противоборства между различными религиями. В это же время активным ходом, так сказать «указом сверху», шло замещение множественных устоев язычества новыми христианскими канонами. Причём с обеих сторон дело доходило и «до огня и до меча». Короче, обычный

хаос, или, как у нас бы сегодня сказали, «беспредел времён перемен».

— Ну да, как говорится, врагу не пожелаешь родиться во время перемен, — пробасил Володя.

— Точно. А Антипия вот угораздило...

— Как и нас всех тоже, — тихо добавил Виктор.

— В общем, молодость у Антипия была «весёлой». Происходящее вокруг во многом способствовало тому, что он стал предпринимать попытки разобраться не только во внешнем, но и, в первую очередь, в самом себе. И не просто разобраться, а вдумчиво разобраться. Многие люди в то время верили в Бога. И он чувствовал, что Бог есть. Но почему же вокруг творилась такая смута? Почему Бог допускал такое зло? Шло какое-то противостояние, ненужное кровопролитие. Страдали люди, страдали их дети, свирепствовали болезни, нищета, смерть. Антипий имел возможность слышать проповедников разных религий. И все они учили вере в своего Бога, поклонению Ему и молитвам. Но парадокс был в том, что в них самих отсутствовала та чистая вера, о которой сказывали, и сами они не исполняли того, что требовали от других. У Антипия не было доверия и к тем, кто приходил с мечом, рассказывая о Боге. А с другой стороны, его терзали мысли, почему, если есть Бог любящий, то вокруг столько горя, бессмысленно проливается много крови? Почему Бог допускает такие тяжкие страдания?

Вопросов была масса, но, как всегда, в таком рое мыслей ни одного толкового ответа. Но одна-

жды, от одного странника, остановившегося у них на ночлег, он услышал историю, которая его очень заинтересовала. Тот странник поведал о жизни Иисуса Христа. Антипий был поражён. Ведь получается, что люди убили даже Сына самого Бога. Почему же тогда всемогущий Бог не остановил этих людей? Почему не вмешался, когда его собственный Сын страдал от нечестивых и тело Его умирало на кресте? Но когда до Антипия дошло, что суть кроется в людском выборе, выборе каждого человека перед ликом Господним, он понял, что причина творящегося вокруг хаоса была не в Боге, а в самих людях, в том числе и в нём.

Это осознание настолько перевернуло его личные взгляды на жизнь, что он стал по-другому смотреть не только на давно минувшие события тысячелетней давности, но и на настоящее. Он искренне возлюбил Христа, ибо тот был близок ему по своим страданиям. Антипий действительно искренне, по-настоящему возлюбил Бога и задумался, кто же он есть на самом деле перед Его ликом?

Антипия поразило и то, что на свете живут люди, истинно посвятившие свою жизнь Богу. Он впервые услышал от странника, что есть такое святое место на горе Афон, что на земле Греческой. И что живут там люди иные, не такие как все. Оставляют они этот житейский мир и уединяются ради Бога, ради молитвы к Нему о спасении души своей. Носят чёрные одежды. И дают три обета: послушания, безбрачия и нестяжания. А зовут тех людей «иноками».

И Антипий загорелся желанием стать «иноком» и пребывать в непрестанной молитве к Богу. Да только не знал он, ни как идти до той горы на земле чужой, Греческой, ни как правильно молиться Богу, дабы быть услышанным Им. И стал тогда Антипий обращаться к Богу своими простыми, искренними словами и просить Его, чтобы Тот дал ему мудрого наставника, который обучил бы его молитве истинной, приводящей к спасению души. И настолько сильно было это желание, настолько настойчиво он об этом думал и искренне просил у Бога не один месяц и не один год, что, в конечном счёте, случилось следующее.

Это произошло зимой, на рассвете двенадцатого февраля по старому стилю (Юлианскому календарю) или по новому стилю двадцать пятого февраля (по Григорианскому календарю, по которому мы ведём ныне исчисление). В ту ночь он не мог уснуть, вновь размышляя о Боге. И так он углубился в свои раздумья, что стал обращаться к Нему как любящий сын к своему родному Отцу, вымаливая у Него, как мог, душеспасительную молитву. Он интуитивно почувствовал, что у Бога нужно просить только о духовном, а не о бренном земном. И просить искренне, с чистой верой в душе. И когда Антипий в очередной раз углубился в своё мысленное обращение к Нему, внезапно неестественный жар вспыхнул в его груди. Казалось, жар усиливался каждую секунду. И в конце концов стал настолько сильным, что было невмоготу его терпеть. Антипий поспешно оделся и вышел на улицу.

На морозе ему стало немного легче. Дул холодный, пронизывающий ветер. Шёл снег. Антипий решил укрыться от непогоды в ближайшем стогу сена. Наблюдая из своего убежища за разбушевавшейся стихией природы, испытывая в груди сильный жар, Антипий с ещё большей искренностью стал обращаться к Богу. Он настолько проникся прошением, что забыл и о погоде, и о месте, и о времени, в котором он находился. На него нахлынуло необыкновенное чувство близости Бога, близости самого родного и дорогого сердцу Существа, отчего на душе сделалось удивительно легко и хорошо.

Был уже рассвет. Ветер внезапно утих. Снегопад прекратился. На горизонте, сквозь свинцовые тучи, стали пробиваться первые лучи солнца, оживляя игрой сверкающего света ослепительно белое пространство. И тут Антипий увидел недалеко от себя необычного старца в чёрной одежде. Седовато-русые волосы с белоснежной бородой окаймляли его необычный лик. Лёгкая, приветливая улыбка блуждала на его устах. А необыкновенные глаза, смотрящие точно в самую душу парня, излучали глубокое сочувствие и неизменную доброту.

Старец стал приближаться, незаметно и неслышно ступая босыми ногами по снегу. Удивительно, но Антипий слышал его приветливые слова, ласкающий слух мелодичный голос, хотя тот и не раскрывал рта. Он остановился совсем близко, так что Антипий даже почувствовал тонкий, благоухающий аромат, исходящий от него.

Неожиданно из груди старца стал появляться яркий голубовато-белый шар. Его свет был необычайной чистоты и яркости. Однако он не слепил и не резал глаза. Наоборот, притягивал к себе взгляд своим мягким свечением и завораживающими голубыми переливами. Среди этого потока чистого света стали проявляться светящиеся золотые буквы, превращаясь в единый текст. Антипий скорее понял, что там было написано, ибо в тот момент в его голове зазвучал мелодичный голос старца со словами душеспасительной молитвы: «**Отче мой Истинный! На тебя Единого уповаю и молю тебя, Господи, лишь о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая**...» В это время Антипию стало на душе так хорошо и так спокойно, словно через эту молитву сам Бог обратил на него своё внимание и протянул своему чаду руку помощи.

Огласив молитву, старец велел идти ему в Царьград...

— Царьград? — робко переспросил Славик, видимо, с одной стороны, не желая прерывать Сэнсэя и в то же время терзаемый любопытством. — А где такой?

— Ну, это нынешний Стамбул в Турции, расположенный на обоих берегах пролива Босфор между Европой и Азией, соединяющего Чёрное и Мраморное моря, — дал полный ответ Сэнсэй, наверное, чтобы больше не возникало вопросов по географии.

— Да, далеко он его послал, — вставил Костик. — А зачем ему турки?

— Сам ты турок, — шикнул на него Андрей, недовольный, что ещё и Костик влез со своими вопросами, нарушив ход столь захватившего его рассказа. — Тебе же говорят, это был тогда Царьград.

— А-а-а, значит, там русские были? — не унимался тот, пытаясь докопаться до сути.

— Нет. Просто в те времена так русские называли Константинополь — столицу тогдашней Византийской империи, — терпеливо пояснил Сэнсэй.

— Константинополь? — радостно произнёс Костик и, видимо, решив реабилитироваться, быстро протараторил: — А это случайно не в честь того императора Константина, который создал религию христианства?

— Именно. В честь римского императора Константина. — Но только Костик раскрыл рот со следующим вопросом, Сэнсэй опередил его. — В честь римского императора, потому что этот город с 330 года нашей эры стал столицей Римской, а затем с 395 по 1453 года и Византийской империи. А вообще он был основан в 659 году до нашей эры и назывался Византий.

Получив столь исчерпывающий ответ, Костик сразу притих, тем более что Андрей слегка толкнул его в бок, дав понять, чтобы тот помолчал. Сэнсэй же продолжил рассказ дальше:

— Так вот, старец велел идти в Царьград, а оттуда на Святую гору, где Бог сподобит ему встречу с Тем, в Ком истинно пребывает сам Дух Святой, и Тот будет ему аки Светоч на пути

к Богу. Сказав это, старец исчез. Вновь поднялся ветер. Небо заволокло тучами, и снова пошёл сильный снегопад. Но Антипий уже не обращал внимания на разбушевавшуюся стихию. Он был счастлив и полон решимости исполнить веление старца, добродушный лик которого запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Это видение стало ключом ко всей его дальнейшей судьбе. Можно сказать, что с этого момента, момента его личного выбора, жизнь Антипия круто изменилась.

Целую неделю Антипий пребывал в необычном состоянии душевного подъёма, непрестанно повторяя молитву, данную ему старцем. Будто бы сам Бог находился рядом с ним и несказанно радовал душу своим присутствием. Именно в эти дни у Антипия появилось новое, ни с чем несравнимое чувство к Богу. И он впервые понял, что такое настоящая любовь божья. Это чувство не шло ни в какое сравнение с его предыдущими размышлениями о Боге, наивным сопоставлением с обычными человеческими эмоциями, бытующими среди людей. Это было нечто высшее, что не поддаётся описанию человеческим языком. Это было именно То, отчего душа радостно трепетала, пребывая в неземном восторге.

Но ровно через семь дней от незабываемого видения это необычайное ощущение Присутствия исчезло, оставив в памяти лишь приятные воспоминания поистине божественного чувства ликования души. Антипий, не раздумывая, снарядился и отправился в дальнюю дорогу, толком не ведая, в какую сторону идти. Но, как говорится, язык

до Киева доведёт. Антипия он довёл до Царьграда. Путь был не лёгким. Но, непрестанно повторяя про себя услышанную от старца душеспасительную молитву, Антипий чувствовал, что сам Бог ему помогал. Чудом спасаясь от опасностей своего путешествия, Антипию в то же время несказанно везло как на хороших попутчиков, так и на добрых людей, указывающих нужную дорогу, дающих подаяние и временный ночлег-приют.

Добравшись, наконец, до Царьграда, то есть Константинополя, Антипий долго бродил по столице. Хоть и был красив город, но всё было в нём чужое: чужой язык, чужие люди, чужие нравы. Не один день он пробыл там, прежде чем встретил попутчика на Афон.

Тут Володя, вежливо кашлянув в кулак, проговорил:

— Про Афон слышал. Но, честно говоря, даже не знаю, где он расположен: — И растянув губы в неловкую улыбку, добавил: — Явно не «горячая точка» планеты.

— Это точно, — улыбнувшись, согласился Сэнсэй и стал пояснять. — Если глянуть на современную карту, то Афон находится в нынешней Греции. Это такой узкий гористый полуостров, точнее сказать восточное ответвление полуострова Халкиди́ки в Эгейском море. Он заканчивается горой Афон высотой чуть больше двух километров. Она-то и дала название полуострову.

— Да, с географией у нас явно у всех пробелы, причём белые-белые, — усмехнулся Виктор.

— Ничего страшного, восстановим, коль они «белые», — добродушно произнёс Сэнсэй и стал повествовать дальше. — К тому времени, когда туда пришёл Антипий, Афон был уже признан независимым монашеским государством, формально, по административным меркам подчинявшимся византийскому императору. А фактически там была власть Прота — всеми уважаемого старца, которого избирали для руководства на год от всех тамошних монастырей. На Афоне уже стояли тогда такие монастыри, как Великая Лавра, Протатон, Мони-Ивирон. Но Антипия туда сразу не приняли.

Тогда Антипий, по совету старого монаха, поселился в одной из пещер, расположенной в уединённом месте в юго-западной части острова. Надо отметить, что все два года, что он прожил в пещере, несмотря на скудность пищи, были для него одними из лучших лет на Афоне. Он был счастлив, что наконец-то достиг Афона, как велел ему старец в видении. Он был счастлив, что имел возможность усердно молиться Богу данной ему в видении молитвой, жить ради этого и быть наедине с Ним посреди этой великолепной природы. Днём он посещал монашеские храмы, осваивал новый язык и правила жития монахов. А по вечерам усердно молился, зачастую провожая в молитве закат и встречая ранний рассвет. И лишь по прошествии двух лет Антипий был принят игуменом одного из монастырей и пострижен в монахи, получив новое имя Антоний, в честь преподобного Антония

Великого Египетского, ведшего подвижнический образ жизни и жившего долгое время в пещерах в одиночестве.

Антоний воспринял игумена данного монастыря за того самого «Светоча», о ком говорил старец в видении. Игумен же, в свою очередь, как и подобает ему по духовному сану, начал учить Антония иноческому житию. Через несколько лет Антоний достиг такого духовного роста, так «подвизался в добродетели», что уже многие «духовно пользовались от него». Даже монахи изумлялись настолько скорому укреплению его духа и воли. И было игумену видение, что Антоний будет причастен к подъёму христианской веры на Руси, что Антонию суждено подготовить Обитель для самого Духа Святого. Игумен расценил это как знак и поспешил отправить его на Русь, в Киев.

Антонию было тогда около тридцати лет. Добравшись до Киева, он посетил монастыри, строящиеся тогда иноками из греков, которые пришли для Крещения Руси вместе с митрополитом Михаилом. Но не захотел останавливаться ни в одном из этих монастырей. И стал ходить по гористым местным окрестностям. В конце концов, нашёл небольшую пещеру, которую когда-то ископали варяги, и поселился в ней. Но прожил там недолго. Как только со смертью князя Владимира власть перешла к Святополку, вновь начались кровопролития и гонения. Антоний ушёл обратно на Афон, где и прожил до старости в усердном молении.

Хоть Антоний и жил по распорядкам монастыря, но всё же у него был особый праздник в духовном радении. Он заметил, что каждый год в день памятного видения необычного старца, с самого раннего утра Антоний начинал ощущать необычный прилив сил. К нему вновь возвращалось то самое состояние духовного подъёма, которое он испытал после видения. Это продолжалось ровно неделю, а потом вновь исчезало. И Антоний стал относиться к этим дням как к особому празднику для своей души. В эту неделю он старался уединиться, не принимать пищу и ещё с большим усердием молиться Богу. И эффект оказался потрясающим. Это необыкновенное чувство внутреннего подъёма многократно усиливалось и с каждым годом становилось всё сильнее и сильнее.

Постигая впоследствии церковную литературу, Антоний всё чаще приходил к выводу, что в том памятном видении к нему являлся сам Архангел Гавриил — возвеститель радости и спасения, первовестник и служитель Божественного всемогущества чудес и тайн Божьих, хотя и в несколько необычном для церковных представлений видении.

Но самые главные события в духовной жизни Антония начались, когда ему уже перевалило за шестьдесят лет. Однажды среди братии прошёл слух, что их монастырь вскоре должна посетить некая таинственная персона. И судя по распоряжению старцев, действительно готовились к приходу очевидно важного для них духовного гостя.

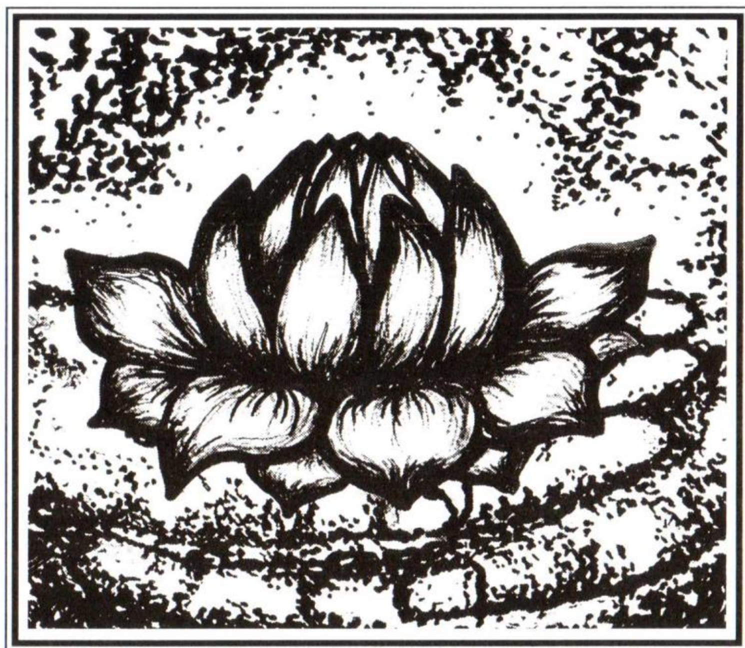
Как впоследствии рассказывал Антоний самому Агапиту, он тогда подумал, что ожидается приход какого-то очень авторитетного духовного старца. Но каково же было его удивление, когда вместо старца он увидел молодого человека с приятной внешностью, светло-русыми волосами. Необычными в нём были разве что его проницательные глаза, не по годам светящиеся какой-то глубокой мудростью и одухотворённым блеском. Но больше всего Антония поразило то, с каким трепетом и глубоким уважением относились некоторые старцы Афона к этому молодому человеку. Он не мог понять, почему его пребывание здесь было покрыто какой-то завесой непроницаемой тайны. Кем же тот являлся, что их старцы оказывали ему столько почестей и внимания? Вроде не монах, а говорил такие духовные речи, которыми даже их мудрые наставники заслушивались. Мало того, этот парень оказался весьма просвещённым человеком. В совершенстве владел несколькими языками. И что особенно приятно удивило Антония, так это то, что почтенный гость был выходцем из земли Русской и, как потом выяснилось, прекрасно знал Киев и его окрестные места. А звали того молодого человека Агапитом.

Даже когда Антония познакомили с ним лично, он первое время никак не мог привыкнуть к простоте общения этого парня с ним, несмотря на важность его персоны для Афона и того, с каким трепетом к нему относились их старцы. Но, пожалуй, самым поразительным были та простота и ясность, с помощью которых Агапит объяснял

духовные мудрования святых отцов. А уж о толковании Учения Иисуса Антоний мог слушать его часами, ибо Агапит говорил так просто и понятно, с такими примерами и подробностями, словно сам присутствовал при тех событиях тысячелетней давности. И эти рассказы заставляли Антония вновь и вновь перечитывать имеющуюся церковную литературу.

За тот период времени, что Агапит пребывал на Афоне, Антоний очень сдружился с ним. Несмотря на свою молодость, Агапит обладал солидным багажом знаний, в том числе и в области медицины. И некоторым из этих знаний он обучил Антония. Агапит также хорошо разбирался, говоря нашим языком, в физике, химии, знании природных явлений, а также в областях человеческой жизни — в философии, политике, религии. С ним было приятно побеседовать на разные темы. И эти беседы оставляли какое-то необъяснимое, приятное ощущение в душе.

Антоний подружился с Агапитом, несмотря на такую существенную разницу в возрасте. И в этой дружбе он раскрыл для себя совершенно новую потрясающую Личность Агапита, когда тот стал посвящать его в тайны великой науки «Беляо Дзы» (Искусства Белого Лотоса). Именно из уст Агапита Антоний впервые услышал о предыдущей человеческой цивилизации Альт-Ланды, о подземном Храме Лотоса, построенном в те времена на территории Киевской земли, о ноше, которую передал Иисус Андрею Первозванному для тех мест. Многое ему поведал и многому научил его Агапит.

Фрагмент рисунка Анастасии Новых «Агапит»

Спустя время они расстались. Агапиту необходимо было идти в столицу Византии, а оттуда на Восток. Но он пообещал, что обязательно встретится с Антонием, и «предрёк» их встречу на земле Киевской, в месте, отмеченном ещё во времена Альт-Ланды.

— А что, там действительно есть отмеченное место? — полюбопытствовал Костик, явно желая услышать продолжение.

— Конечно, — ответил Сэнсэй. — Об этом месте сказано даже в Евангелии от Андрея Первозванного...

— Андрея Первозванного?! — оживлённо встрепенулся Андрей, как будто только сейчас услышал это имя.

— А кто это? — с ленцой спросил Руслан, почёсывая бок.

Сэнсэй усмехнулся, глядя на него, и произнёс:

— Андрей — это один из ближайших учеников Иисуса. Он был в числе первых, кого Иисус, проповедуя в Палестине, взял к себе в ученики.

— А что.., разве есть такое Евангелие от Андрея Первозванного? — удивился Николай Андреевич. — Библию читал. Об Андрее слышал. А про Евангелие от него... я не припоминаю. Может, эта книга просто не вошла в Библию? Там ведь сколько Евангелий — четыре, пять?

— Четыре, — ответил Сэнсэй и, помолчав, добавил: — От Матфея, от Марка, от Луки и Иоанна. Хотя и те были писаны.., — но, не договорив, продолжил: — В Библии Евангелия от Андрея Первозванного действительно нет. В Библию

вошли не все евангелия, а лишь те, которые были отобраны императором Константином и его помощниками для выполнения поставленных перед ними задач. Остальные евангелия просто отвергли, так как в них трактовалось далеко не то, что им было нужно и выгодно. И даже те, которые отобрали, были изрядно подредактированы согласно обстановке нового времени и утверждения христианства как государственной религии.

С 364 года, когда «Новый завет» был утверждён как таковой и до момента первого издания Библии, текст тоже неоднократно редактировался. Плюс неточности перевода сыграли свою роль. Ведь Библия писалась на древнееврейском, в незначительной части на арамейском языках, а «Новый завет» на греческом. Так что первая печатная книга, изданная в 1455 году, — это уже была существенная разница даже между той, которая редактировалась в 364 году. Плюс корректировки, которые были внесены в последующем. В результате имеем то, что имеем. И, тем не менее, дошло очень много ценного и нужного людям, — подчеркнул Сэнсэй. — И опять же, если говорить о евангелиях, то кроме канонизированных церковью, существует десятки апокрифических евангелий.

Руслан нахмурил брови и деловито спросил:

— А что такое апо... апо... ну, эта... критика?

— Апóкрифы — это произведения, которые не признаны церковью или жречеством священными книгами. А вообще, слово «апóкриф» происходит от греческого «apokryhos», что означает «тайный»,

«секретный». И первоначально его относили к произведениям одной из групп христиан, которые именовали себя гностиками, пытавшихся сохранить своё учение в тайне.

— Да, да, — кивнул Николай Андреевич. — Кстати, я читал, что в 1946 году на юге Египта была обнаружена целая библиотека произведений христиан-гностиков.

— Совершенно верно, — подтвердил Сэнсэй. — Там как раз среди прочей литературы и обнаружили так называемые Евангелия от Фомы, от Филиппа, Истины, апокриф Иоанна. А ранее на папирусах в Египте были найдены отрывки из неизвестных евангелий, причём написанных в разных версиях...

— Ну надо же, оказия какая для попов! — хихикнул Женька. — Эти книженции не признають, а их всё находють да находють. Прямо бяда с этой древней «макулатурой».

Сэнсэй и ребята усмехнулись.

— Тут же ещё проблема в том, что даже апокрифы разделяют на «дозволенные» и так называемые «отречённые». «Отречённые», конечно же, старались уничтожить. Кстати говоря, первый официальный список «отречённых» книг был составлен в Восточно-Римской империи в V веке нашей эры. Естественно, что после такого «вандализма» потомкам достались только названия и цитаты, приведённые в своих произведениях христианскими писателями II–IV веков, которые спорили с этими книгами... Впрочем, всё как всегда, — пожал плечами Сэнсэй.

— Да, печально, — проговорил Николай Андреевич. — Это же история рода человеческого. И зачем было её уничтожать? Ну лежала бы книжка себе и лежала до своего времени. Пусть бы потомки выносили её на объективный суд.

— Понимаешь, в чём дело, — стал объяснять Сэнсэй, — некоторые из этих книжек действительно представляли ценность, поскольку отражали истинное Учение Иисуса в таком виде, в каком он давал. Поэтому они не оставляли равнодушными ни одну человеческую душу, ибо истинное Учение Иисуса делало людей по-настоящему свободными от всех страхов этого мира. Они начинали понимать, что тело — бренно, душа — бессмертна. Люди переставали быть заложниками и рабами иллюзии материального мира бытия. Они понимали, что над ними только Бог. Они осознавали, насколько коротка жизнь и временны те условия, в которые загнано их нынешнее тело. Они знали, что эта жизнь, как бы она ни казалась длинной, — всего лишь одно мгновение, в коем пребывает их душа. Они понимали, что любая земная власть, будь то политиков либо религиозных структур, ограничивается всего лишь властью над телами. Правители же преклоняются перед своим «богом», которому дана власть на Земле над её материей, но не над душой. Ибо душа принадлежит только истинному Богу Единому. И первые последователи Иисуса, которые исповедовали Его Учение (а не религию, коей оно стало позже), они теряли страх перед этой жизнью. Они начинали чувствовать и понимать, что Бог с ними совсем рядом,

ближе и роднее всех и Он — вечен... Такая истинная свобода людей страшно пугала власть имущих. Поэтому последние и занялись сбором и тщательной переработкой имеющихся уже к тому времени письменных источников об Учении Иисуса. Очень много было уничтожено после отбора необходимой им информации для создания новой религии, насаждаемой уже власть имущими как говорится сверху вниз.

Поэтому многие письменные источники, где указывались истинные слова Иисуса, просто не вписывались в сборники «новой идеологии для масс». Но, несмотря на все сознательные упущения, ухищрения и эгоистичные амбиции людей, пребывавших в разные времена у власти в религиозных верхах, эти письменные источники были и есть!

Так вот, в Евангелии от самого Андрея Первозванного сказано, что после того как люди Понтия Пилата спасли Иисуса после распятия, Иисус разговаривал с Понтием Пилатом и именно по его просьбе принял решение уйти на Восток. Перед уходом он распределил между апостолами регионы, кому куда идти проповедовать Учение.

— Так вроде апостолы там жребий какой-то тянули, кому куда идти, — заметил Николай Андреевич.

— Нет, жребия как такового никакого не было. То уже домыслы людей. Апостолы... Кстати, слово «apostols» с греческого переводится как «посланец». Так вот, ученики-посланцы Иисуса были людьми совершенно разными и, естественно,

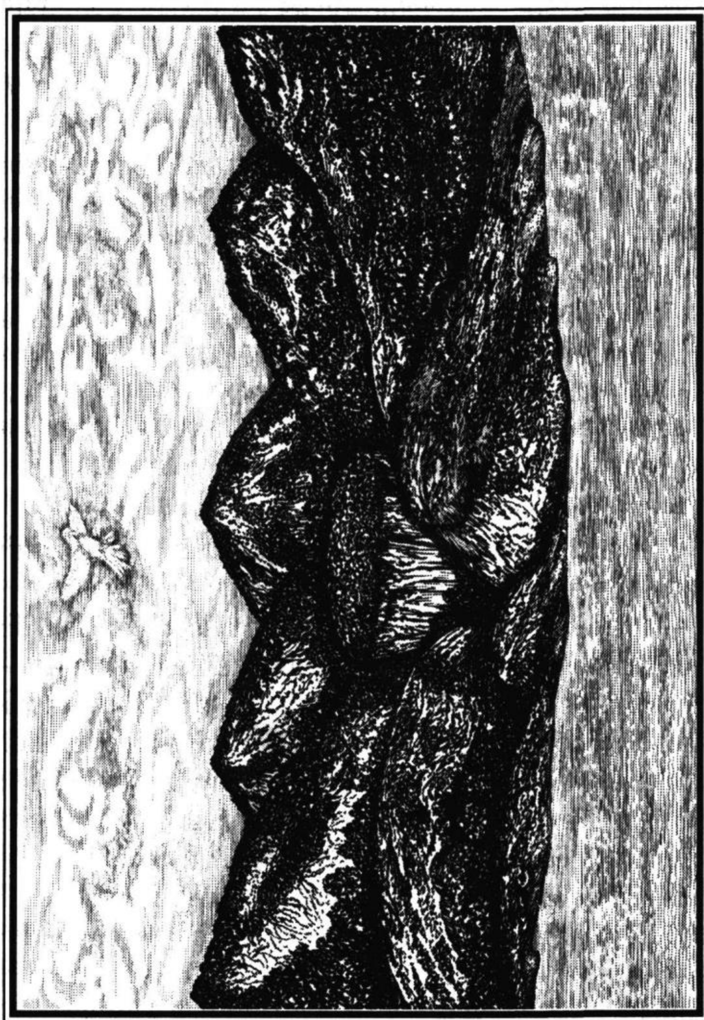

Рисунок Анастасии Новых
«Место, указанное Иисусом Андрею Первозванному»

отличались друг от друга степенью своего духовного развития. Иисус распределил между ними различные регионы с соответствующими народами и племенами, исходя из духовной зрелости самих посланников. Кто был посильнее, тому доставались более трудные места или особо важные регионы для будущего духовного возрождения человечества, а кто послабее — менее трудные «участки». В общем, каждому была определена ноша по силе его... — Сэнсэй помолчал, а потом проговорил: — Слишком важным это было для многих душ человеческих и в том времени, и в грядущем, чтобы распространение данного Учения доверять простому жребию ума человеческого...

Андрею же, как одному из сильных учеников, он наказал обойти с проповедью Фракию, Скифию, Сарматию. Но главное дойти до Борисфенских гор и заложить там благословение земель тех, на которые через тысячу лет снизойдёт сам Дух Святой, устроив там свою Обитель. Иисус дал Андрею семена лотоса и велел возложить эту ношу в земле той в качестве дара Духу Святому. Его слова стали ребусом, заданным Иисусом, как для самого Андрея, так и для тех, кто впоследствии сталкивался с этим описанием. Мало кто понимал, почему Иисус дал ему именно семена лотоса, даже если эти семена были всего лишь символикой.

— А, правда, зачем? — удивился Андрей.

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся и, уклонившись от прямого ответа, промолвил:

— Любое семя — это, в первую очередь.., ну, чтобы вам было более понятно, скажем образно, — это «микрочип», обладающий огромной памятью. Оно способно нести матрицу не только будущего растения, но и огромное количество другой информации. Как-нибудь позже я вам расскажу об этом поподробнее. Вдобавок ко всему, эти семена побывали в руках самого Иисуса — Сына Божьего. Да ещё семена лотоса, всхожесть которых сохраняется на протяжении тысячелетий... Вот и делайте выводы.

Сэнсэй замолчал. А мы сидели, глядя на него и тупо пытаясь догнать своими мыслишками «выводы», что, собственно говоря, тогда такого особенного произошло. Андрей же, очевидно пытаясь на своём мысленном уровне свести концы с концами в беспорядочном клубке вопросов, спросил:

— А как Андрей Первозванный нашёл то место, которое указал Иисус?

— Элементарно, — просто проговорил Сэнсэй. — В «Благой вести», то есть, говоря по-гречески euangélion, Андрей описал не только подлинную жизнь Иисуса, но и свой поход во время выполнения миссии. И как раз там он упоминает, что когда добрался до тех мест у реки Борисфен (а Борисфеном раньше называли Днепр), то Андрей сразу узнал это место, ибо Иисус, оказывается, описал его с детальной точностью. Создавалось такое впечатление, что Иисус хорошо знал эти горы, хотя никогда не упоминал, что здесь бывал.

— А что, Он там бывал? — поинтересовался Юра.

— Он ведь сын Божий, — с улыбкой ответил Сэнсэй. — А Бог везде. — И сделав паузу, продолжил повествование: — В общем-то, Евангелие от Андрея Первозванного потому и было отвергнуто, что никак не подходило к «кройке и шитью белыми нитками» новой религии. В основном по двум причинам. Во-первых, оно было чересчур свободолюбивым и правдивым, ибо там были написаны истинные слова Иисуса, как говорится, из первых уст. Да и сам стиль изложения Учения Иисуса был слишком прост, мудр и доходчив. Андрей также описал подробности из реальной жизни своего Учителя, о том, что Иисус в молодости был на Востоке, что опять-таки никак не вписывалось в церковные догмы. Да и, кроме того, упоминание о семени лотоса поставило их «величество цензоров» в полный тупик. Ведь это уже попахивало такими религиями, как буддизм, индуизм. Никому не хотелось примешивать в свою собственную религию такую яркую чужую символику. Так что это стало ещё одним камнем преткновения, споров и распрей между теми, кто решал, в каких «красках» должна быть выдержана идеология данной религии. Поэтому и убрали Евангелие от Андрея Первозванного, как говорится, подальше, «с глаз долой».

Были, конечно, ещё версии Евангелия от Андрея Первозванного, ходившие среди различных ранних христианских групп, но это уже были в основном записи последователей Андрея Первозванного о самом Учении Иисуса.

— А что случилось с этим Евангелием от Андрея? Его что, уничтожили? — полюбопытствовал Андрей.

— Пытались, конечно, — усмехнулся Сэнсэй, видимо вспомнив в этот момент какой-то смешной случай. — Но, как говорится, такие вещи в воде не тонут и в огне не горят, даже если этого ну очень хочет глупость человеческая... Но это всё так, мелочи жизни... После того как Андрей Первозванный выполнил наказ Учителя, через много лет исполнились слова Иисуса. В тех местах возник град Киев — «мать городов русских», столица колыбели объединения славян — Киевской Руси. А в месте, где были Андреем «возложены» семена лотоса, через тысячу лет снизошёл сам Дух Святой в человеческом теле и основал там свою Обитель.

— А как это, снизошёл Дух Святой в человеческом теле? — переспросил Костик.

— Ну, проще говоря, пришёл руководитель Шамбалы в теле Агапита.

— Сам Владыка Шамбалы? — изумился Андрей.

Сэнсэй усмехнулся.

— Да. Ему приходится посещать людской мир так сказать по долгу службы, хотя бы раз в двенадцать тысяч лет. А при важных событиях для человечества и того чаще, чуть ли не каждую тысячу лет, особенно на начальных и завершающих стадиях очередной цивилизации.

Костик только открыл рот, чтобы что-то спросить, как Сэнсэй, глядя на него, опередил с ответом:

— Имеется в виду «цивилизации» в понятиях Шамбалы... Но, пожалуй, мы немного отклонились от темы. Вернёмся к тем событиям, которые произошли через тысячу лет после Иисуса... Когда Агапит ушёл с Афона, через несколько лет игумену вновь было извещение от Бога. Ему явился в видении сам Архангел Гавриил и повелел отправить Антония в Русь. Было это в год 1051.

В этот раз Антоний, прибыв в Киев, уже не ходил по христианским монастырям, хотя в любом из них не отказали бы в приюте почтенному старцу с Афонской горы. Антоний целенаправленно пришёл в то место, где случайно остановился в первый раз, посещая Киев, и куда велел ему вернуться Агапит перед своим уходом. Он поселился на холме возле Днепра, в той же самой пещере. И стал жить, дожидаясь Агапита и пребывая в постоянных молитвах к Богу, особенно той, которая вела его с юных лет. Несмотря на то что он часто испытывал нужду в пропитании, ежедневно физически работал, углубляя пещеру, всё же он был снова по-настоящему счастлив. Ибо пребывал наедине с Богом как тогда, в далёкой молодости, когда он жил в пещерах Афона.

Вскоре о нём начали узнавать местные жители. И Антоний стал прославляться среди них тем, чему учил его на Афоне Агапит — чудесами, даром прозорливости, исцелением молитвами. И люди потянулись к нему: одни за лечением, другие за благословением, третьи с желанием остаться вместе с ним, стяжаясь в духовном подвиге. Так что к приходу Агапита с Антонием уже

проживали в пещере несколько человек, постриженных старцем по их просьбе в иноческий чин. К этому времени они расширили и углубили пещеру в совместных усилиях, устроив там себе кельи для жилья.

Антоний с превеликой радостью встретил своего давнишнего друга. Видя такое уважительное отношение старца к Агапиту, и остальная братия отнеслась к нему с таким же почтением. Агапит не переставал удивлять Антония своей загадочной, во многом таинственной личностью. По приходу Агапита в Киев Антоний стал свидетелем того, как тот имел тайную встречу с самим Ярославом Мудрым. Агапит передал для его «книгоположницы» четыре ценные рукописные книги и три манускрипта. Причём три книги были украшены дорогими камнями. А четвёртая, хоть и выглядела скромно, но, очевидно, являлась очень древней. Антоний был поражён. Ведь каждая книга была настоящим шедевром и стоила целого состояния. А манускрипты... Даже один манускрипт по тем временам оценивался баснословно дорого. И позволить себе такой роскошный, поистине царский подарок мог лишь человек, ну, как минимум, «голубых королевских кровей». Но тогда не только это изумило Антония. Главное как Агапит и Ярослав свободно общались друг с другом! Ярослав разговаривал с ним так, как будто давно и хорошо знал Агапита, словно они были добрыми, старыми друзьями и это несмотря на значительную разницу в возрасте и высокое великокняжеское положение Ярослава.

После той памятной встречи Антоний, потрясённый увиденным, поспешил предложить Агапиту возглавить братию, в которой был старшим. Однако Агапит пожелал оставить всё как есть, и быть у него простым монахом. Он попросил Антония никому не разглашать о его встрече с Ярославом. И восхотел быть постриженным в «иноческий чин», дабы ничем не выделяться среди остальной братии.

— Во даёт! — вырвалось у Костика. — Он же был Бодхисатвой! И пожелал стать простым монахом?!

Сэнсэй пристально на него посмотрел и чётко проговорил:

— Для Бодхисатвы любая власть — это пустой звук. Бодхисатва служит только Богу. В отличие от людей, он знает, что такое есть пребывание «здесь» и что такое есть пребывание «там».

Костик немного смутился и сконфуженно произнёс:

— Нет, ну я не в том плане... Я в смысле... — и тут он, видимо, нашёл подходящий довод, — я в смысле, отдыхать же надо когда-то Человеку. А то всё работа да работа. Ведь, насколько мне известно, простые монахи в те времена пахали как папы Карлы.

На что Сэнсэй ответил:

— Для Бодхисатвы отдыха как такового в людском понимании не существует. Он знает, что такое время и умеет его ценить. Агапит, конечно, был влиятельной, сильной личностью.

Но он сознательно ушёл от власти, управления братией и посвятил всё своё свободное время реальной помощи людям. Кстати, позже, когда число братии увеличилось, Антоний передал правление Варлааму, а сам стал по примеру Агапита простым монахом.

— А какую помощь оказывал людям Агапит? Лечил? — поинтересовался Володя.

— Да. Агапит, помимо прочих своих достоинств, был ещё и хорошим врачом. Его сердечное, заботливое отношение к больным породило о нём небывалую славу и уважение в народе, причём далеко за пределами Киева, хотя сам Агапит практически никогда не выходил за территорию монастыря. Он стал одним из самых знаменитых лекарей XI века. Люди называли его «Лечец от Бога». Он вылечивал настолько тяжёлые болезни, за которые уже никто не брался из тогдашних знаменитых врачей. Взять хотя бы такой исторически известный факт, когда Агапит исцелил находившегося при смерти черниговского князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Врач по прозвищу Армянин, считавшийся лучшим на то время эскулапом у знатных людей, ничего не мог сделать, чтобы помочь князю. А Агапиту достаточно было передать с посыльным князя «чудодейственного зелья», приготовленного с молитвой, чтобы за считанные дни поставить Владимира Мономаха на ноги. Позже князь приходил в Печерский монастырь, чтобы отблагодарить Агапита, и приносил с собою много дорогих подарков и золото. Но Агапит отверг всё это как от самого кня-

зя, так и от боярина, которого тот прислал позже от своего имени. Ибо лечил Агапит как простых людей, так и знатных с одинаковым усердием безвозмездно, за что называли его Агапитом Врачом Безмездным. Естественно, это вызывало обычную человеческую зависть, граничащую со злостью, у таких врачей, как Армянин. Но если брать самого Армянина, то, в конечном счёте, он осознал, *Кем* в действительности являлся Агапит. И именно благодаря этому Армянин впоследствии стал монахом в Печерском монастыре.

— Так он ещё и денег не брал за лечение?! — вновь удивился Костик. — А как же Агапит жил?

— Скромно. В духовном подвиге. — И улыбнувшись, Сэнсэй добавил: — Его келья вызывала жалость даже у воров. Ибо единственное, что было в ней ценным — это сам Агапит, его опыт и знания.

— А чем же он питался, святым духом, что ли?

Сэнсэй посмеялся.

— Нет. Самоедством он точно не занимался.

— Так же недолго и того... ноги протянуть.

— Ну рано или поздно каждый из нас ноги протянет, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Сэнсэй. — Но смысл же не в этом.

— Нет, ну понятно... Но он же не крал эти деньги, а честным трудом зарабатывал. Тем более люди сами ему несли. Почему же он не брал?

— Понимаешь в чём дело, Агапит учил монахов истинному служению Богу. Он говорил, что «золото» и «монах» вещи несовместимые. Человек

не может служить двум господам: либо он служит Богу, либо богатству земному, то есть дьяволу. Третьего не дано. Монах же за все свои деяния истинно ожидает награды только от Бога в том мире, а не здесь от людей. **Злато же есть сор для души и искушение для помыслов. Это есть скверна, которую жаждут многие, но которая на самом деле есть обман призрачный. Истинная ценность для монаха в молитве искренней о душе своей. Не о сытости пуза своего и здравии тела нужно заботиться. Ибо сколько бы ты ни ел, рано или поздно всё равно проголодаешься. И каково бы ни было твоё здоровье, рано или поздно плоть твоя всё равно умрёт. Душа же вечна. И только она достойна заботы истинной.** Как говорил Агапит, монах молится по сердечному желанию за всех людей, но весь смысл монашества — это служить Богу и вымолить у Него спасение для своей души.

Сэнсэй умолк. Возникла тишина. Но вскоре её нарушил задумчивый голос Виктора:

— На такое способен далеко не каждый...

Но тут в рассуждения парня влез Костик со своими «умозаключениями»:

— Значит, Агапит был, выражаясь современным языком, народным целителем?

На что Сэнсэй с усмешкой ответил:

— Ну, если выражаться современным языком, то Агапит скорее был академиком. Как я уже говорил, он не только в совершенстве владел медицинскими знаниями, но и другими дисциплинами.

Знал несколько языков. Свободно читал трактаты-подлинники античных, древнеримских авторов. Занимался переводом книг на славянский язык. Перевёл для «книгоположницы» Ярослава Мудрого не только книги с Востока, но даже привезённые с собой древнеегипетские манускрипты.

Позже Агапит также помогал... или, вернее сказать, консультировал Святослава, составлявшего «Изборник 1073 года», где, помимо статей энциклопедического характера, были подробно описаны медицинские сведения. В частности, способы распознавания болезней, различные советы по изготовлению и применению лекарственных растений, сведения о физиологии и анатомии человека. Эту книгу потом долгое время использовали в качестве учебного пособия.

Агапит прививал культуру и жажду к познанию, естественно, и среди монахов. Некоторых он обучал медицинским знаниям. Другим помогал в свободное время просто осваивать книги. Кстати говоря, впоследствии было узаконено монастырским уставом и стало обязательным чтение книг монахами в свободное время. Именно по его инициативе была создана книгоположница Киево-Печерского монастыря.

— Книгоположница? — переспросил Руслан слово, так резавшее слух своей стариной.

— Да. Библиотека по-нашему.

— А-а-а...

— Так вот, Агапит помогал некоторым способным монахам осваивать мастерство врачевания, — продолжил повествование Сэнсэй. —

В основе обучения лежали специальные молитвы, произносившиеся в особом состоянии сознания, как правило над пищей или жидкостью. Благодаря чему, к примеру, та же жидкость наполнялась силой, после чего её использовали как лекарство, давая больному для употребления внутрь или же для наружного применения. Проще говоря, ученики Агапита учились изменять не только физические параметры жидкости, но и структуру молекул, накладывая необходимую информацию. Естественно, они до таких тонкостей не знали всего процесса, который происходил в микромире молекулы жидкостной структуры и как именно он влиял на макрообъект. Но им это было и не надо. Монахи просто пользовались общими постулатами этих знаний, которым обучал их Агапит, как мы, к примеру, сегодня пользуемся электричеством. Энергией электрического тока люди пользуются ежедневно, хотя до сих пор никто толком так и не знает, что это такое.

Так вот, к примеру, у монаха Дамиана, который обучался у Агапита, хорошо получалось лечить людей, особенно детей, с помощью помазания елеем.

— Чем, чем? — переспросил Славик, видимо не расслышав.

— Елеем.

— А что это такое?

— Еле́й — это оливковое, деревянное масло. У христиан, к примеру, есть целый обряд, так называемое елеосвяще́ние — таинство, которое совершается семью священниками, а если нет

такой возможности, то одним священником над больным. Иначе его ещё называют соборование маслом. Суть его опять-таки заключается в том, что над больным произносят определённые молитвы и помазывают его освящённым елеем. И так проделывают семь раз.

— А почему именно семь священников, семь раз? — спросил Андрей.

— Это интерпретируется с духовной силой, с силой семи Архангелов, которые являются посредниками между Богом и людьми. А проще говоря, семью Бодхисатвами... А насчёт использования елея таким способом, так это очень древний способ лечения больных, поскольку в основе процесса излечения лежат как раз те знания, о которых я вам рассказывал — о возможностях человека влиять на окружающий мир через жидкость. Поэтому подобное можно встретить в разных религиях и ритуальных обрядах народов мира.

— Да, — вздохнул Николай Андреевич. — Люди потихоньку утрачивают суть, оставляя лишь внешнюю её форму.

— К сожалению, — произнёс Сэнсэй. — Когда-то люди знали, что они делали. А сейчас всего лишь имитируют внешнюю форму этих знаний. Вот взять одно из семи таинств христианства — Крещение, которое знаменует приобщение человека к данной религии. Сегодня это торжественный многосложный обряд, основное действие которого — троекратное погружение человека в освящённую воду, чтение молитв, помазывание

елеем, маслом миро. Но порой даже те, кто совершает этот обряд, не ведают, какая за всем этим внешним действием стоит огромная сила. Даже сами верующие по-настоящему недооценивают и не осознают до конца истинное действие данной намоленной воды. — И помолчав немного, добавил: — Да и сам обряд водного омовения новорождённых возник в христианстве не сразу, а гораздо позже, по мере становления и совершенствования христианской обрядности.

Истоки же Крещения уходят вглубь дохристианских культов. Такие водные обряды совершались и во многих религиях древнего мира, которые, в свою очередь, основывались на поверье их предков об «очистительной» силе воды. Но смысл практики Крещения, которая изначально давалась людям, лежит ещё глубже, за гранью той водной стихии, которую во внешнем видят люди.

— Интересно, интересно, и в чём же её смысл? — торопливо спросил Николай Андреевич, заинтригованный, как и мы, темой разговора.

— Смысл подлинной практики Крещения заключается в погружении человека в глубины своего сознания, вплоть до души. Само слово «крещение» по-гречески звучит как «ваптисис», что означает «погружение». Помните, я утром упоминал о практике погружения у йогов, называемой ими «Пранаяма». На современный взгляд, это кажется две совершенно различные практики, между которыми люди своими амбициями прочертили пропасть. На самом же деле и Крещение,

и Пранаяма и ещё ряд других практик и обрядов, связанных с водой, — это всего лишь отдалённые отголоски настоящих знаний и древних практик, адаптированных уже самими людьми для широких масс. В основе изначальных знаний лежали практики, которые изменяли состояние сознания человека и выводили его на определённую частоту, благодаря которой человек рос духовно и приходил как зрелое создание к Богу. То есть, по сути, благодаря этим практикам он познавал настоящую реальность. Он знал, что он делает и куда идёт.

Когда-то давно практика «Погружения» давалась людям и предназначалась для тех, кто уже находился на определённом этапе духовного развития. С её помощью человек входил в изменённое состояние сознания и обретал возможность погружения в самые потаённые свои глубины, где он мог соединиться с Богом. Естественно, там не было места никакому Животному началу, ибо это было связано с сущностью Души. И эта практика действительно давала тайну знания, того самого знания, которое невозможно выразить словами, ибо оно приобреталось от частицы Бога — всезнающей Души.

— Да, много ценного мы подрастеряли во времени, — грустно заметил Николай Андреевич. — Зачастую вообще не понимаем, что мы делаем, зачем мы это делаем? Списываем всё на традиции, успокаивая себя тем, что так положено, так велось издревле, мол, мы всего лишь отдаём дань обычаям наших предков.

Сэнсэй усмехнулся и произнёс:

— Нет, ну если разобраться, то уж лучше так, чем вообще никак и полное забвение. Поскольку рано или поздно, но отыщутся люди, которые всё же докопаются до сути.

— Я как-то раньше не обращал внимания на такие моменты, — вновь проговорил Николай Андреевич. — Но сейчас ты рассказывал о Крещении, а мне вспомнился один разговор с моим давнишним пациентом. Он верующий, можно сказать до фанатизма, воспринимающий каждое слово Церкви буквально. Так вот, в одной из бесед он поведал мне идеологию обряда Крещения у христиан. Я сам крещёный, правда в детстве. Но такое первый раз в жизни услышал. Судя по ней, только принявший крещение и никто другой очищается от первородного греха, связанного с самим фактом рождения человека. Что только после крещения человек становится членом Церкви, приобщаясь к её благам, которыми является жизнь Вечная. Якобы до Крещения человек несёт на себе дьявольскую печать, то есть не отделён от сатанинского. А после прохождения этого таинства из сердца его изгоняется сатана и навсегда остаётся во внешнем по отношению к человеку. И что благодаря Крещению человек может освободиться от всех грехов и в дальнейшем воздерживаться от того, чтобы в них не впасть. Разве такое возможно?

— Конечно, нет. Крещение, безусловно, имеет силу. Но для простого человека — это всего лишь толчок к духовному пробуждению. Однако это

не избавляет его от Животной сущности, коим в христианстве называют «сатану». Человек находится в теле Животного. Разум человека — это разум Животного. И это нельзя выкинуть во внешнее или полностью от этого избавиться. Полагать так, это равносильно рассуждать как человек, который едет в машине и пытается убедить себя, что он не едет в ней, а просто летит по воздуху.

Даже Бодхисатвы, рождаясь в теле человеческом, подвержены испытанию Животного и искушению всему человеческому. Взять, к примеру, Иисуса, Сына Божьего, рождённого в теле человеческом. Он также не избежал этой участи. Сорок дней он боролся с «сатаной», то есть, говоря проще, проходил личный Армагеддон. Он подчинил своей Духовной Сущности разум Животного, «посадив» своё Животное «на цепь». И то ж оно «погавкивало» да «поскуливало» всю жизнь, давая о себе знать. Потому что Иисус, хоть и был Великой Душой, но находился в материальном теле. И никуда от этого не денешься. Таков Закон. Такова природа человеческая.

И тут Костик с улыбкой изрёк:

— А я помню, как меня крестили в четвёртом классе. Поп там чего-то спрашивал у нас, а мы хором ему отвечали. А потом сказал повернуться нам на запад, дунуть и плюнуть со всех сил на сатану. Это я хорошо запомнил, потому что собрал все свои слюни и так постарался...

Мы засмеялись, а Сэнсэй проговорил:

— Это вы проходили один из обрядов Кре-

щения — запрещение на нечистых духов и отречение от сатаны.

— Не, ну всё понимаю, — усмехнулся Костик, подражая рассуждениям Николая Андреевича. — Но зачем плевать-то было?

— Считается, что этим плевком христианин показывает, что не боится сатаны и его козней, так как Бог даёт ему необходимую защиту, — пояснил Сэнсэй. — В общем выражает таким образом крайнее презрение к сатане.

— Ну и культура, сплошное средневековье, — усмехнулся Костик.

— Культура тут ни при чём. Ведь люди не меняются. Какими они были, такими и остались.

— А зачем мы поворачивались на запад?

— Просто запад в православии всегда был связан с силами, противостоящими Богу. И когда человек поворачивается на запад в этом обряде, то церковники считают, что так крещаемый непосредственно отрекается от сатаны и заявляет об этом как бы ему в «лицо». А после этого поворачивается к алтарю на восток. Считается, что эта сторона света связывает человека с Господом.

— Ну, если учесть, что где-то там находится Шамбала, то они в чём-то правы, — заметил Володя, а потом, сделав паузу, пробасил: — И по поводу Запада, пожалуй, тоже.

— Помню, ещё молитвы поп читал на церковнославянском языке, — ударился Костик в воспоминания. — Правда половина слов была непонятна. Потом водой нас окроплял, мазал чем-то. А! Ещё пряди волос с нас состригал, а мы их

в восковую лепёшку заворачивали и опускали в воду. И зачем такие сложности?

— Подрастёшь — поймёшь, — вставил Виктор.

Сэнсэй с грустью улыбнулся и промолвил:

— Вот видите, даже эти обряды для одних — это шоу, а для других — переосмысление жизни.

Костик после этих слов притих, а Николай Андреевич, воспользовавшись моментом, вновь обратился к Сэнсэю, припоминая беседу со своим пациентом.

— Так вот, в разговоре с тем человеком ещё прозвучало и такое, что только крещёный человек попадёт в рай, а некрещёный человек туда ни за что не попадёт. Что на некрещёного человека не действует благодать других таинств. За него якобы нельзя молиться, нельзя поминать ни при жизни, ни после смерти. Его даже нельзя отпевать. А после крещения уже якобы всё это можно творить. Получается, что некрещёный человек для Церкви вообще как бы не существует?

Сэнсэй внимательно выслушал Николая Андреевича, а потом мягко сказал:

— Ну как... для Церкви данной религии он, может, и не существует. Но для Бога все люди — дети Его! Человек с восьмого дня от рождения, как только душа поселяется в тело, становится Его «ребёнком», человечком с маленькой буквы. А сможет ли он стать Человеком с большой буквы и прийти к Богу как зрелое создание — это уже зависит от него самого, от его воли и выбора.

— Душа человека поселяется в теле на восьмой день рождения? — переспросил Руслан.

— Да.

— А до этого, кто тогда этот ребёнок?

— Просто живой организм, как любая другая зверушка, — ответил Сэнсэй. — И опять-таки и в этом вопросе сталкиваемся с тем, что знания об этом утеряны, остались лишь просто традиции с незапамятных времён. Вот, кстати говоря, на Руси до сих пор сохранились отголоски знаний о том, что душа приходит на восьмой день от рождения. Там зачастую имя ребёнку выбирали в зависимости от того, какой святой почитался на восьмой день жизни дитя. И раньше, к слову сказать, праздновались отнюдь не дни рождения, а именины — дни памяти святого, в честь которого назывался тот человек, дабы человек не возвеличивал свою гордыню, но помнил, для чего люди приходят на этот свет и чьё имя он носит... А вообще, традиция давать имя ребёнку на восьмой день рождения уходит ещё в ветхозаветные времена...

— Получается, что сегодня мы празднуем день рождения своего Животного начала?! — сделал для себя открытие Женька. — А я-то думаю, чаво люди в день своего рождения всё время так наедаются и упиваются, прямо как поросята, до отвала! Да ещё и подарков побольше да подороже хотять. Так вот где вскрывается вся наша поросячья суть!

Все рассмеялись.

— Не, надо прекращать это баловство, — продолжал рассуждать парень. — Всё, Стас, на следующий день рождения я прихожу к тебе

на неделю позже, без всяких подарков, с одной лишь свечкой. Ибо душе твоей мои подарки только вредять, а Животное твоё кормють и кормють, пробуждая с каждым годом аппетит большой свиньи...

Стас не замедлил ему ответить ещё более рациональным предложением по поводу его дня рождения. На что друг тут же отшутился анекдотом. И вся компания покатилась со смеху с их клоунады. Позже, когда все успокоились, Николай Андреевич продолжил свои размышления вслух.

— Да, куда ни глянь, сплошные формальности, а не знания. Докатились, называется, до «прогресса»... Нет, я всё понимаю, психологически обряд Крещения, если он совершается над взрослым человеком, он помогает ему обрести уверенность в своих силах, как-то самоутвердиться, оградить себя хотя бы таким способом от собственных страхов, настраивает на добро, обязывает жить в соответствии с нравственными общечеловеческими критериями. Это всё понятно. Но зачем же столь категорично ставить вопрос между крещёными и некрещёными людьми? А если человек, к примеру, родился в семье, где родители принадлежат к разной вере? Они же этими своими ограничениями и категоричными рамками вталкивают человека во внутренний конфликт.

— Ну что ты хочешь? Религиозные деятели тоже люди... Как в народе говорят, нельзя попасть в рай одной религии, не попав в ад остальных.

— М-да-а, — протянул Николай Андреевич. — Это называется — кушать всем хочется.

— Точно, — пробасил Володя. — Каждый мечтает загнать чужих баранов в своё стадо.

Коллектив засмеялся. Сэнсэй же промолвил:

— Ну, а если без шуток, то, несмотря на всю религиозную мишуру, для простого человека все эти обряды освящения водой довольно важны, так как порождают в нём толчок к тому, чтобы он сделал первый шаг к Богу. Ведь все эти обряды своей внешностью, запутанностью, непонятностью вводят человека в своеобразное состояние транса. Причём в него входит как тот человек, который проводит обряд, так и те, кто в нём участвуют. И если мысли всех присутствующих действительно сосредоточены на молитвах к Богу, а не на обдумывании в это время каких-то своих материальных проблем, — то это порождает духовную силу, которую и получает каждый из участников в виде внутреннего всплеска своего агатодемона. Для простых людей это великолепно! Хоть так обратить их внимание на то, что в мире существует не только материальное бытиё, и что по большому счёту они являются на этот свет не ради того, чтобы стать пожизненным рабом Эго.

То есть, человек через обряд обретает надежду, которая служит толчком к вере. А уж основное таинство происходит через его веру. Понимаете в чём разница? Если духовному человеку достаточно силы веры и воли, чтобы изменить в себе состояние сознания и работать над духовными практиками, то простому человеку не хватает даже элементарной веры в свои силы, ему нужна зрелищность, массовость, чтобы на пять минут

оторвать его от материального бытия и убедить, что есть более высшие ценности.

— А почему на пять минут? — спросил Руслан.

— Потому что после всех этих впечатлений и положительных всплесков придёт он домой, а там сплошные проблемы материального бытия. Вот его сознание и возвращается в привычное русло. Ведь тямы то не хватает силой воли изменить себя в лучшую, духовную сторону, вот и спихивает все свои внутренние проблемы на внешние.

— Получается, чистое знание людей не впечатляет?! — сделал своё неожиданное заключение Николай Андреевич.

— Совершенно верно, как это парадоксально ни звучит, — согласился с ним Сэнсэй. — Чистое знание людей не впечатляет. Из-за его простоты им сложно его понять. Тут же нет визуальных шоу, ярких впечатлений, эмоционально-стрессовых переживаний. А чего в первую очередь люди хотят? Хлеба и зрелищ, ибо это соответствует оценке большинством понимания сути жизни.

Люди сами себе усложняют жизнь. И это касается не только простых людей, живущих своими мирскими заботами. Есть некоторые индивиды, которые, пытаясь следовать духовному, делают первые шажки, обретая на своём пути первичные знания. Но вместо того чтобы заняться серьёзной работой над собой, практиковать эти знания, усваивая суть, и идти дальше, они тратят годы, рассматривая их внешнюю форму и придавая значимость лишь тому, что они ими обладают.

— Как это? — не понял Юра.

— Ну, это равносильно тому, как, например, человек, имея шоколадку, вместо того чтобы её просто съесть, сначала едет в Америку, пять лет учится там разворачивать внешнюю обёртку. Потом едет в Японию и учится ещё пять лет разворачивать фольгу. Затем едет на Север к чукчам и учится правильно откусывать шоколадку. Потом ещё по пять лет обучается во Франции и Англии, чтобы оценить вкус шоколада во рту. И, наконец, приезжает домой, берёт свою шоколадку и за пару минут съедает и понимает, что это не совсем то, чего он ожидал и к чему так долго и с такой помпезностью готовился. Как это так — съел её за пару минут и всё? Неужели он потратил годы жизни, чтобы в результате прийти к такому простому? Такая реакция естественна, ведь он, по сути, топтался на месте. А чтобы усвоить знания, далеко ездить не надо. Нужно всего лишь заглянуть внутрь себя и понять, кто ты и чего на самом деле хочешь в этой жизни.

Сэнсэй замолчал, подгребая палочкой к костру вывалившийся уголёк. Вновь возникла недолгая пауза.

— Да, вот ещё что хотел у тебя спросить, — спохватился Николай Андреевич. — По поводу Святого Духа. Как я понял по рассказам моего пациента, в обряде Крещения в основном всё строится на сошествии на душу человека Святого Духа. Там, к примеру, при освящении воды священник просит, чтобы вода в купели освятилась силой, действием и наитием Святого Духа.

При помазывании елеем, крещении Он также упоминается. А при миропомазании частей тела священник, совершая эти действия, всё время произносит: «Печать дара Духа Святого». Причём каждая часть тела что-то символизирует. К примеру, лицо, чтобы освятить мысли, ноги — для того, чтобы человек шёл по пути Христа, руки — чтобы человек совершал богоугодные дела. Это что, тоже традиция или же в этом есть какой-то смысл?

— Частично ты сам ответил на данный вопрос. Символизм здесь, конечно, присутствует, но и таинство самого Духа Святого тоже в этом есть. Ибо кто с верой обращается, тому и воздаётся. А вообще, прийти к познанию Бога человек может только через Святого Духа. Ибо он есть первый помощник и посредник между Богом и человеком. Он множественен в своём проявлении, но Сущность Его одна. Человеку очень тяжело осознать, что есть на самом деле Святой Дух. Но ни в одной религии, ни одно таинство, которое пробуждает в человеке Любовь и Веру к Богу, не обходится без наития Святого Духа. Ибо Он есть для людей сила Божья, Слух Его и Голос Его. — Сделав паузу, Сэнсэй вновь возвратился к разговору об Агапите. — Мы, кстати, немного отклонились от рассказа об учениках Агапита. Так вот, Дамиан лечил людей молитвой, помазывая больных елеем. А, к примеру, другой ученик Агапита — Алипий вместо елея использовал краски. Он был иконописец. Ещё будучи юношей, Алипий помогал грекам расписывать Успенский

собор в Печерском монастыре. А потом и сам стал писать иконы. Агапит же научил его, как с помощью молитвы и красок можно лечить кожные заболевания у людей, к примеру те же язвы, гнойные раны.

— А как их можно лечить с помощью красок? — изумился Костик.

— Ну как? Краска же имеет жидкую основу. Это те же масла́, которые смешивают с красителями. Плюс ещё сами красители обладают дополнительными лечебными свойствами, что, естественно, усиливает общий оздоровительный эффект. Ведь раньше использовались натуральные красители, не то что нынешняя химия. Некоторые красители имеют хорошие антибактериальные свойства, к примеру тот же краситель синего цвета индика́н, получаемый из растения индигоноски. Кроме того, в те времена зачастую использовались красные и жёлтые краски, которые, благодаря своим компонентам растительного и животного происхождения, обладали антисептическим, противовоспалительным, ранозаживляющим действием.

— Получается, что Алипий сочетал профессию художника с профессией врача? — подытожил Николай Андреевич.

— Совершенно верно, дабы приносить людям максимальную пользу, — подтвердил Сэнсэй. — Кстати, Агапит поведал Алипию и немало секретов по поводу его первой «профессии». Он рассказывал ему о сочетании цветовых гамм красок, их влиянии на психику человека, поведал и о си-

стеме изображения пространственных и временных соотношений...

— Не понял, — изумился Николай Андреевич. — Это что, в одиннадцатом веке Агапит поведал Алипию тонкости психологии цветовосприятия и системы изображения пространственных и временных соотношений?

— Я думаю, Алипий тоже бы удивился, если бы узнал, что эти простые истины станут наукой только через тысячу лет, — усмехнулся Сэнсэй. — Но всё это цветовосприятие по большому счёту не суть важно. Главное, чему Агапит уделял особое внимание, так это как сотворить невидимый эффект от изображения. Ибо Агапит утверждал, что икона не должна идеализировать образ, дабы не создавать из данного образа идола для слепого людского поклонения. Но она должна была быть одухотворённой. Главное не как и на чём писался образ, на куске дерева или росписи на стене, но в каком духовном состоянии пребывал человек, написавший её. Ибо, пребывая в особом состоянии сознания, когда человек предельно абстрагируется от своего Животного начала и максимально проявляет своё Духовное, в икону закладывается особая сила. Она способна ввести созерцателя данной иконы в особое состояние сознания, возбудить ощущения реальности присутствия божественного и породить в человеке духовный всплеск или, как говорят сегодня, осуществить «подзарядку». И чем чище помыслы и стремления художника к Богу, тем мощнее будет ощущаться данный эффект, который, благодаря

своему положительному заряду, способен духовно преображать человека, я уже не говорю о том, что нормализовать его физическое здоровье. Ибо физическое здоровье в первую очередь зависит от духовного. Причём такой всплеск силы, порождённый Верой художника, будет стабильно сохраняться на протяжении тысячелетий.

— Тысячелетий? А почему так происходит? — поинтересовалась Татьяна.

— Потому что для настоящей духовной силы в действительности не существует ни времени, ни пространства.

— А это распространяется только на иконы? — полюбопытствовал Костик.

— Это распространяется на любое художественное произведение. Ведь дело не в деревянной доске, покрытой красками, как говорил Агапит, не в холсте, не в скульптуре и не в книге, а в той внутренней силе, которая закладывалась в данное произведение.

— Да, удивительный эффект, — проговорил Николай Андреевич. — Когда-то я имел счастье побывать в Эрмитаже в Ленинграде. Там, конечно, представлена богатейшая коллекция памятников древневосточной, древнеегипетской, азиатской, античной культуры и много другого интересного. А также русской культуры с VIII по XIX века. Какие там картины!

Сэнсэй кивнул соглашаясь.

— Если ты там заметил, возле одних картин люди могут стоять часами и любоваться, хотя по факту сама картина может из себя ничего

не представлять. А возле других картин, которые может быть в деталях прорисованы намного лучше, люди практически не задерживаются. Потому что картина так же обладает памятью, и художник, создавая её, как бы закладывает в свою работу свои чувства, эмоции, мысли. Человек же, смотрящий на картину, интуитивно это чувствует.

— А фото человека обладает таким эффектом? — поинтересовался Стас.

— Безусловно. Даже более того, фотография сохраняет постоянную связь с объектом, то есть человеком. И по ней легко можно узнать, жив ли объект, где находится в данный момент, а также его эмоциональное состояние. Через фотокарточки имеется возможность непосредственного влияния на его психоэмоциональную сферу, физическое здоровье и так далее. Даже при множественном тиражировании фотографии эта связь с живым объектом практически не утрачивается. В отношении же картины всё по-другому. Даже при перефотографировании заложенная в ней информация сохраняется в изначальном варианте. Изменить и повлиять на неё практически невозможно, поскольку данная информация в ней постоянна.

— Я так понял, люди как бы заряжают картины именно своей верой, — отметил Николай Андреевич.

— Совершенно верно. Внутренняя вера очень много значит. Вот, к примеру, возвращаясь к нашей беседе, взять самого Агапита. Он действительно творил чудеса в лечении. И это во многом

было связано с внутренней верой людей, которые к нему приходили, их положительным стремлением. Тех, кто веровал, он быстро ставил на ноги, как бы ни было тяжело их заболевание. А тех, кто приходил к нему озлобленным, без веры в душе, а таких, к счастью, было очень мало, он просто не брался лечить, несмотря на то, что их недуг был легко излечим. Ведь вера — это не пустое слово. Даже сам Иисус, пришедши в отечество Своё «...не совершил там многих чудес по неверию их...»

— Внушение? — вопросительно проговорил Николай Андреевич, размышляя вслух. И, пожав плечами, добавил: — Но одним внушением серьёзных заболеваний не излечить, это же факт.

— Внушение тут ни при чём, — возразил Сэнсэй. — Агапит, Иисус не брались лечить таких людей не потому, что не могли справиться с их болезнью. Всё дело в феномене веры. Если человек открыт для света, он воспринимает свет. А если человек закрыт, то есть в нём нет веры, — это равносильно, что он залез в погреб, закрыл плотно крышку и в полной темноте ожидает, что его кто-то в том погребе вылечит с помощью дневного света. Такие ожидания естественно будут тщетны. Ведь человеческий мозг работает как компьютер. А вера — это определённая программа. Если она установлена в компьютере, то с ней можно активно работать и получать соответствующий этой работе результат. Если же в человеке нет веры — это равнозначно отсутствию в компьютере соответствующей программы. Естествен-

но, что вы не сможете уже полноценно работать, пока не установите на свой компьютер нужную программу.

В чём феномен успешного врачевания Агапита? Ведь он излечивал не только травами или с помощью своих рук, как сейчас это называют хиропрактикой, или с помощью слова. Зачастую он просто давал больному что-нибудь съестное от своей трапезы или выпить воды. Но вся эта пища непременно была заговорена его молитвами. Человеку после этого становилось гораздо легче и он действительно потом выздоравливал. Почему? Потому что Агапит лечил с истинной верой. А это — великая, реальная сила! Истинная вера — это отнюдь не фанатизм, доходящий до абсурда, это не «биение себя в грудь» в спорах и демагогиях. Истинная вера — это степень чистоты твоей личной духовной силы. А личная духовная сила у Агапита была огромная. И своим благословением пищи или воды для больного, которое выглядело как заговор молитвой, Агапит на самом деле вкладывал в жидкость определённую программу с помощью своей личной духовной силы. Затем эта жидкость поступала в организм больного, где взаимодействовала с его жидкостью, то есть, по сути, происходила установка новой программы, которая запускалась при помощи веры самого человека.

Кстати говоря, Агапит всегда творил молитву и перед своей едой, благословляя пищу. И других этому учил. Питался в основном растительной пищей. Даже заговоренная им горькая травинка

превращалась в его руках в сладкое лекарство для больного.

— В общем-то, если это рассматривать в переносном смысле, — с лёгким оттенком скептицизма промолвил Костик, — то да, в качестве лекарства будешь глотать всё, даже горькое и противное, лишь бы выздороветь.

— Почему в переносном смысле? — с искренним недоумением проговорил Сэнсэй. — В прямом.

Костик недоверчиво покосился на Сэнсэя. Потом принял глубокомысленную позу, пытаясь уразуметь сказанное Сэнсэем. Во время такого «великоцезарского» размышления, как он любил про себя говорить, взгляд парня упал на сухие ветки, которые мы насобирали ещё днём для костра. Они лежали как раз возле него. И среди прочих прицепившихся к ним травинок там находилась и веточка полыни. Увидев её, парень несколько оживился, очевидно, от пришедшего на ум «доказательства от противного».

— Как понять в прямом смысле? — с сомнением высказался он. — А если это, к примеру, полынь? — И он кивнул на веточку. — Она же горькая, как не знаю что! Это же по жизни сорняк дурно пахнущий! Как она может быть сладким угощением?

Сэнсэй глянул на Костика, весело щурясь, и сказал:

— Дай её сюда.

Костик брезгливо взял веточку двумя пальцами и передал Сэнсэю, с тщательностью отряхнув

после этого руки. На что Женька, заметив его осторожные жесты, не преминул схохмить, пожёвывая сушку.

— Э-э-э, брат, это ещё вопрос, кто тут по жизни сорняк дурно пахнущий!

Все засмеялись. А Сэнсэй, бережно взяв растение, слегка отряхнул его. Затем положил на ладонь и ласково погладил как живое существо.

— Какой же это сорняк? Это лекарственное растение. В нём же и эфирные масла, и алкалоиды. Это же ценный набор веществ для медицины. А насчёт её вкуса...

Сэнсэй загадочно улыбнулся. Потом вновь стал водить руками по веточке полыни и что-то очень тихо шептать. Среди нашей компании вмиг водрузилась полная тишина. Даже Женька «притормозил» своими челюстями, которые до этого сладко похрустывали сушкой. Я же хоть и сидела недалеко от Сэнсэя, но как ни пыталась вслушаться, всё равно толком ничего не разобрала из его шептания. Затем Сэнсэй умолк и, глянув на Костика, протянул ему веточку полыни.

— На, попробуй.

Костик сначала инстинктивно протянул руку, но потом, видимо подумав, что это розыгрыш, резко её отдёрнул, со смехом объявив:

— Да что я, больной что ли, полынь пробовать!

Николай Андреевич с заинтересованностью встал со своего места и, обходя сидящих ребят, направился к Сэнсэю. Проходя мимо Костика, он похлопал парня по плечу и мимолётом заметил под общий хохот ребят:

— Все больные, Константин. Здоровых людей не бывает. Есть недообследованные... — Доктор потянулся к веточке. — Можно?

— Да на здоровьице, — с улыбкой промолвил Сэнсэй.

Николай Андреевич, взяв полынь из рук Сэнсэя, сначала понюхал её, а потом, отщипнув кончик верхушки, осторожно попробовал на вкус. Мы же с нескрываемым любопытством смотрели на его реакцию. Но лицо нашего психотерапевта оставалось как всегда непроницаемым.

— Не понял, — только лишь проговорил он и снова попробовал, отщипнув от растения уже больше.

Его загадочное «не понял» ещё более заинтриговало нас, и самые нетерпеливые, в том числе и я, даже соскочили со своих мест, столпившись около Николая Андреевича.

— Ну-ка, ну-ка, — деловито потянул Женя руку к растению, спешно дожёвывая очередную сушку. — Попробуем... Хм, надо же, сладкая, как па́тока.

После его «рекламы» мы стали спешно отрывать от полыни маленькие веточки и пробовать их. Мне тоже досталась небольшая часть этого растения. Вкус действительно был какой-то необыкновенный, скорее терпко-сладкий. Костик же всё ещё не решался отведать «угощение» Сэнсэя, хотя, судя по глазам, ему явно этого хотелось, но, как говорится, гордость не позволяла. Глядя на наш ажиотаж, он со свойственным ему сарказмом заявил:

— Ну вы, блин, полынные маньяки какие-то. Может вам ещё бледных поганок пойти насобирать?

— Поганки здесь не растут, — комично произнёс Андрей, подавая ему последнюю «порцию». — На, попробуй. Серьёзно сладкая.

Костик сначала демонстративно отворотил нос. Но когда Андрей заявил «ну как хочешь», намереваясь съесть последнюю часть стебелька, Костик быстро переменил своё решение.

— Э-э-э, дай сюда, обжора!

Он со смехом отобрал у Андрея остатки растения. Потом, сгорбившись, стал их дотошно рассматривать, принюхиваться и, наконец, решился всё же попробовать.

— Ну как? — весело спросил Сэнсэй, глядя на его растерянный вид.

Костик глуповато улыбнулся и развёл руками:

— Что я могу сказать? Как говорил Гёте в моём исполнении: «Чего не понимаю, тем не владею».

— Сэнсэй, правда, а как это так у тебя получилось? — заинтересованно спросил Виктор.

— Элементарно. Имей веру — и у тебя получится. Ничего сложного нет. Вера и чистота мысли — вот основная причина. А воздействие на жидкую структуру растения — это уже, можно сказать, дело техники.

— А почему именно на жидкую? — ухватился за слово Николай Андреевич. — Я уже за сегодняшний вечер это не в первый раз от тебя слышу.

— Потому что любая водная среда имеет в своей молекулярной структуре своеобразные

ячейки, нечто вроде мини-компьютеров. Их микроразмеры вмещают глобальную память. И в них заложена практически вся информация о материи. Если на водную структуру воздействовать, начиная от простого механического, химического, электромагнитного воздействия и заканчивая... — Сэнсэй замолчал, подбирая слова, а потом произнёс: — ну, скажем понятнее, заканчивая энергией мысли, то можно перестроить молекулу воды в необходимое сочетание. Ибо вода сохраняет память обо всех веществах, которые когда-либо пребывали в ней либо она пребывала в них или соприкасалась своими энергетическими состояниями.., к примеру, даже такими простыми, как электромагнитные колебания. А если учесть, что вода — это самое распространённое вещество в природе, что она контактирует со всем в этом материальном мире в той или иной форме, сохраняя приобретённую информацию в каждой своей молекуле, если учесть её взаимодействие между собой, то можете представить, каким багажом памяти она обладает.

— То есть получается, что даже эту полынь можно сотворить не только сладкой, но и превратить во что-нибудь эдакое-такое? — высказался Руслан.

— Можно, если знать молекулярную структуру и энергетическое наполнение «эдакого-такого», — с улыбкой ответил Сэнсэй.

— Что, даже в букашку?! — удивился Руслан.

— А почему бы и нет? Без воды ничего живое на Земле не шевелится. На нашей планете вода

входит в состав всех живых организмов в содержании от 45% до 98%, в том числе и организма человека, где её до 80% от общей массы. Вода — это распространённый компонент природы. Даже в огне присутствуют элементы воды в виде водорода и кислорода, за счёт которого происходит горение. Даже в камне есть жидкость.

— В камне? — удивился Славик.

— В камне. Все камни под большим давлением выделяют жидкость, хоть и в малых количествах. И как бы это парадоксально ни звучало для вас сегодня, но даже в центре Земли, внутри раскалённого ядра находится ядро огромной плотности и массы и в нём есть тоже жидкость.

Земля — это в действительности живое существо, которое тоже состоит в основном из жидкости, имеется в виду не только поверхностный слой, где 70% — это океаны, а 30% — это всё различная модификация материи с включением воды, но и внутренняя жидкость. И мы, люди, тоже похожи на неё.

— А у Земли тоже есть разум? — всё никак не мог выяснить для себя этот вопрос Костик.

— Безусловно, и человек с ним связан, так как этот разум находится в памяти жидкой структуры и в нём накапливается информация обо всём, в том числе о каждом из нас. Так как, я уже говорил, большая часть нашего тела состоит из жидкости, то все данные о нас, начиная от мыслей, эмоций, заканчивая здоровьем и матрицей ДНК, закладываются в эту память.

— А долго она хранится?

— Долго.

— Так это получается, что можно узнать о ком угодно, когда-либо жившего на этой планете, там Наполеоне, Чингисхане... — размечтался Костик.

— Хм, нашёл о ком узнавать, — подколол его Андрей. — Есть же более интересные личности.

— Да это я так, к слову, — поспешил оправдаться Костик и посмотрел на Сэнсэя.

— Это гораздо серьёзнее, чем тебе кажется, — ответил тот. — И обладают такими возможностями единицы из всего человечества.

— А есть более высший разум, чем разум Земли? — не унимался Костик.

— Конечно. Существуют более высшие информационные структуры, вплоть до глобальной. Но все они подконтрольны только Одному, Тому, кого мы называем Богом.

— А кто те единицы, которые могут считывать информацию с воды? — с хитрецой в голосе спросил Женя.

— Ну, к примеру, истинно святые люди. Как они творили «чудеса»? Чистотой своей веры. Для людей это кажется невероятным. А для них это было вполне доступным. Чистота мысли и вера — вот что было главным. Ибо в самих чудесах на самом деле никакого чуда нет. Это всего лишь элементарные знания, в том числе науки о воде, о которой, к счастью, эта человеческая цивилизация ещё не ведает и сотой доли.

— А почему к счастью? — в претензионном тоне изрёк Костик.

— Потому что люди, обладая данными знаниями, даже арбуз бы превратили в ядерную бомбу. Ты себе просто не представляешь, какая сила заключена в воде. Человек, обладающий знаниями о ней, способен всего лишь с помощью одной капли разрушить весь мир.

— Как это разрушить? — не понял Женька. — Это что, каплей воды законтачить провода от ядерной кнопки?

— Да ядерная энергия по сравнению с действительной силой мысли человека — это сущая ерунда.

Женька взял свою кружку с остатками чая, глянул на Сэнсэя и амбициозно заявил, сияя своей голливудской улыбкой:

— Нет, ну всё понимаю, но чтобы каплей воды?!

Парень выжидающе посмотрел на Сэнсэя, явно провоцируя его на демонстрацию. На что Сэнсэй ответил:

— Ладно, Хохмас Неверующий. Пойди, принеси мне кружку моря.

Женька сначала насторожился, а потом с комичным выражением лица проговорил:

— Кружку моря? Это в смысле воды морской?

— Её самой, — усмехнулся Сэнсэй.

Женька лениво глянул в сторону моря.

— Не, мне не жалко снега среди зимы... Ентого добра в округе, конечно, хоть отбавляй... Но енто подвиг какома надо совершить, чтобы встать, пройтись да ещё в мокроту ту лезть, ноги без надобности мочить. — И заглянув в свою кружку, предложил: — Может чаем обойдёмся?

— Давай, давай, — с усмешкой подгонял его Сэнсэй. — Такие прогулки для твоих мозгов полезны.

Женька нехотя поднялся, кряхтя как старый дед, и направился к морю. Николай Андреевич, глядя парню вслед, изрёк:

— Не робей, Женя. Такая погодка, грех не прогуляться.

Вечер действительно был великолепный. На море стоял штиль. Небо было усыпано звёздами. Светила яркая луна. Тишина и спокойствие, просто благодать.

Женька, зачерпнув воды, неспешно пошёл вразвалочку назад, стараясь не расплескать полную кружку морской воды. Но, видимо ощутив на себе наши пристальные взгляды, он взбодрился и, уже подходя к Сэнсэю, протянул ему воду с поклоном как заправский официант.

— Пожалуйте ваш заказ. Это вам подарок от фирмы «Нептун». У нас каждая сотая кружка с бактериями, палочками, микробами и экскрементами из ближайшего города — абсолютно бесплатно! То есть даром!!!

— Благодарствую, — в таком же шуточном тоне ответил Сэнсэй.

Пока ребята смеялись, развивая эту потешную тему, Сэнсэй поставил перед собой кружку, накрыл её руками и сосредоточился. Но на эти его действия мало кто обратил внимание, поскольку Женя уже полностью переключился на образ комичного официанта и стал рассказывать компании какой-то смешной анекдот, после

которого все дружно взорвались хохотом. Я засмеялась вместе со всеми, но внезапно почувствовала себя неважно. Сначала стало как-то непривычно дискомфортно в организме. И это состояние начало волнообразно нарастать. Я даже не могла понять, что это было. Затошнило, голова закружилась. В теле почувствовалась слабость, кости стало ломить. Первое, что пришло в голову, — мысль, что я отравилась каким-то продуктом. Мало ли, солнце, жара. Но смущала необычность этих симптомов. Точно я не только отравилась, а ещё в этом состоянии до тошноты накаталась на головокружительных качелях. И самое главное, из глубины сознания начал подниматься какой-то неестественный страх. Вмиг охватила паника, от которой хотелось бежать куда глаза глядят, хотя видимые причины для такой боязни явно отсутствовали, по крайней мере визуально.

Не прошло и минуты, как Сэнсэй протянул кружку Женьке, который продолжал веселить народ своими анекдотами.

— На, пойди, выплесни обратно в море.

Женька посмотрел на воду и спросил, явно рассчитывая увидеть там нечто больше:

— Всё, что ли?! Ну вот так всегда! Самое интересное прошло мимо моей прямой извилины.

Руслан, сидевший невдалеке, с любопытством вытянул шею, пытаясь заглянуть в его кружку. Женька тут же отреагировал:

— Чего ты очи пялишь, чадо? В ней водоросли не растут и бактерии кверху пузом не плавают. —

И, натянув ему кепку на глаза, под смех ребят добавил: — Так что можешь тушить свет, фильмы не будет.

Бурный смех сопровождал весь Женькин поход к морю и благополучное его возвращение с пустой кружкой. А мне, честно говоря, уже было не до шуток. Страх нарастал. Все внутренности выворачивало наизнанку. Я уже держалась из последних сил, боясь лишний раз пошевелиться. Казалось, ещё мгновение и я вообще отключусь. Но тут подул свежий ветер с моря, который совсем на немножко, но всё же облегчил моё состояние. Я уж обрадовалась, подставив лицо ветру, по наивности полагая, что раз мне немного полегчало, то вскоре с организмом всё обойдётся и наладится. Но не тут-то было.

Ветер стал усиливаться. Море зашумело. В свете лунной дорожки я с ужасом увидела, что нарождающиеся волны не просто гнало ветром, а с каждым разом они увеличивались и становились больше. Ребята притихли и начали озираться по сторонам.

Резкий порыв ветра сильно затрепыхал наши палатки. Лёгкие пакеты вмиг взлетели вверх и стали кружиться по побережью в дикой пляске. С каждой секундой ветер становился всё сильнее и сильнее. Палатки уже не просто трепыхало, а казалось, точно кто-то пытался в своём неистовстве вырвать их единым махом со всеми железными кольями. Новый натиск внезапно налетевшего урагана разметал костёр во все стороны. Моментально вспыхнули салфетки. Горя-

щие комочки швырнуло к машинам. Большой же огонь, как разъярённый зверь, кинулся на сухой камыш, с жадностью поглощая его стебли.

Мы в ужасе повскакивали со своих мест. Старшие ребята с Николаем Андреевичем ринулись тушить разлетевшиеся горящие салфетки. Володя со Стасом и Андреем принялись гасить «двойной костёр». Мы же с Татьяной с перепугу похватали чьи-то вещи, подстилки, полотенца, в общем всё, что под руку попадалось возле костра, и стали носиться с этим барахлом взад-вперёд, не зная, что с ним делать. Из-за страха и паники всё моё недомогание провалилось куда-то на задний план. И я впервые в жизни почувствовала, что такое настоящий животный страх перед разбушевавшейся стихией.

Ветер стал настолько сильным, что вокруг только и слышалось его наводящее ужас завывание да нарастающий шум прибрежных волн. Творилось что-то невообразимое. Вода то стремительно откатывалась далеко от берега, то с неимоверным грохотом снова обрушивалась на него, всё больше и больше подминая под себя новые участки суши. В холодном лунном свете казалось, что море точно вскипало. Своей бушующей пастью оно готово было проглотить любого, кто окажется на его пути. Гигантские водные «языки» с жутким шипеньем неумолимо приближались к месту наших недавних «посиделок».

Николай Андреевич, оправдывая своё прозвище «Здравый смысл», побежал к машине и попытался завести мотор, крича нам на ходу:

— Бросайте всё! Сейчас затопит! Потом не выберемся!

Все в панике начали метаться. На меня же вообще напал «столбняк». Ноги в страхе подкосились, став как ватные. И тут, в этой беспорядочной суете, я увидела Сэнсэя. Моя особа полагала, что он тушит пожар или находится где-то возле машины. А он, оказывается, всё это время преспокойненько сидел на своём прежнем месте, даже не переменив позы, и наблюдал за нашей вознёй так, словно смотрел остросюжетный фильм в кинотеатре. Сказать, что я была этим шокирована, значит ничего не сказать.

Тут к Сэнсэю подбежал Женька. Пытаясь перекричать шум ураганного ветра и не на шутку разыгравшегося прибоя, он заорал:

— Сэнсэй! Палатки сейчас унесёт! Что делать? Надо сматываться отсюда! Вода прибывает...

На что Сэнсэй, к моему немалому удивлению и, судя по Женькиному лицу, не только моему, крикнул в ответ:

— Принеси кружку моря!

— Чего?! — не понял парень, думая, что ему послышалось.

— Я говорю, принеси кружку моря! — вновь крикнул ему Сэнсэй.

Женька, опешив, глянул на него, не веря своим ушам.

— Кружку моря??? Да меня сейчас вообще унесёт, вместе с этой кружкой... Да и тебя самого сейчас смоет! Ты посмотри, какие позади волны...

Волны действительно были уже достаточно большими и с каждым разом всё ближе и ближе подкатывались к тому месту, где сидел Сэнсэй. Ударяясь о берег, они с шумом швыряли свои брызги. Подхватываемые порывами ветра, эти крупные холодные капли, словно град, жёстко хлестали нас по лицу и одежде. Сэнсэй, однако же, будучи весь мокрый, даже не пошевелился, чтобы обернуться и глянуть на действительно внушающие ужас чёрные волны. В ответ на Женькину тираду он лишь улыбнулся, точно мастер, довольный своей работой. Парень же, поняв, что своей жалостью его не возьмёшь и всякие угрозы и доводы здесь бессильны, лишь в сердцах произнёс:

— Ну, мама мия!

И, видимо отчаянно сопротивляясь своей кричащей логике, стал в спешке искать кружку среди творящегося хаоса. Все остальные продолжали метаться в панике. Кто пытался спасать палатки, кто бегал с какими-то вещами, кто возился возле машин, закидывая что-то в багажник. Женька начал спрашивать у суетящихся, не видели ли они кружку. Но те, казалось, не могли понять, что он от них хочет. Когда же парень осведомился у Стаса о кружке, тот вообще вместо ответа хорошенько встряхнул его, крича чуть ли не в самое ухо:

— Жека! У тебя что, крыша поехала?! Какая кружка?! Нас сейчас смоет! — И не выпуская Женьку из рук, обернулся в сторону Николая Андреевича. — Доктор, может его вырубить и в багажник? Ему, кажется, крышу сносит!

— Да кончайте ерундой заниматься! — прогромыхал в ответ «Здравый смысл». — Косу затопляет! Быстро все в машину, пока ещё проехать можно...

Женька же, вырвавшись из цепких рук друга, в свою очередь завопил на Стаса:

— Сам ты...! У меня крыша на месте. Это у Сэнсэя её сорвало!

Слово «Сэнсэй» подействовало на Стаса как холодный душ. И вместо того чтобы бежать к машине, как призывал Николай Андреевич, Стас встал как вкопанный, в несказанном удивлении уставившись на Сэнсэя. И тут я случайно заметила, что эту несчастную кружку я держала в руках среди прочих вещей. Меня точно током прошибло.

— У меня кружка, у меня! — заорала я во всё горло и, бросив остальной «хлам», побежала с ней к Женьке.

Парень, приняв кружку как эстафетную палочку, бросился к морю, которое уже находилось недалеко от Сэнсэя. Но море явно не хотело отдавать ему свою воду. Окатив потоком холодных брызг одной волны, другой оно сбило непрошеного гостя с ног. Однако после своего падения Женька, шустро поднявшись, всё же изловчился зачерпнуть воды в убегающей волне, правда вместе с песком и остальной штормовой мутью. Но как только Женька зачерпнул воду и побежал наутёк от нового вала, я с ужасом увидела, как вдали на лунной дорожке показалась огромная волна, которая неумолимо приближалась в нашу

сторону. Я хотела крикнуть всем об этой опасности. Но в горле вмиг пересохло. И вместо крика у меня получились какие-то хриплые, нечленораздельные звуки и беспомощные жесты рукой в сторону моря. Женька к этому времени, уже подбежав к Сэнсэю, протянул ему кружку, весь дрожа как осиновый лист то ли от холодного душа, то ли от страха. Пребывая в сильном смятении, я вновь глянула на большую волну. Она упорно надвигалась своей страшной разрушительной силой, как изголодавшийся хищник, желая разом поглотить всю свою береговую добычу. Очевидно её пугающую черноту заметили и ребята, потому что они стали что-то неистово кричать Сэнсэю. Этот душераздирающий крик перемешался в моих ушах с диким рёвом прибоя. Страшно было подумать, что сейчас могло случиться.

Сэнсэй же спокойно взял кружку у Жени и, не обращая ни на кого внимания, возложил на неё свои руки, сосредоточившись буквально несколько секунд. Эти секунды растянулись для меня в вечность. Волна стремительно приближалась, а Сэнсэй не шевелился. Остальные продолжали что-то кричать у машин. В этот момент я почувствовала, что моё недомогание стало подозрительно быстро исчезать. Тем временем Николай Андреевич, Виктор и Володя, видимо поняв, что их не слышат, побежали к Сэнсэю. Но тут Сэнсэй открыл глаза и так же спокойно отдал кружку Женьке, сказав:

— Вылей в море.

Когда Женя взял кружку, ему не пришлось бежать к морю, ибо оно уже само подступило

к его ногам. Он просто безразлично выплеснул содержимое кружки в убегающую волну, завороженно глядя на надвигающийся большой вал.

— Сэнсэй, надо бежать, — подскочил и Стас, также не сводивший взгляд с тёмной массы многотонной воды.

Вместо Сэнсэя прозвучал обречённый голос Жени:

— Теперь поздно, всё равно догонит.

Подбежавшие, услышав от парня эти слова, тоже остановились, понимая всю бессмысленность своих действий. И только сейчас Сэнсэй повернул голову в сторону моря. Но в отличие от других, он, казалось, не просто смотрел, а любовался грозной стихией.

И тут я почувствовала, что всё во мне как-то стало на свои места. Прошла тошнота, головокружение. Организм вновь пришёл в норму. Исчез даже страх. В сознании возникла необыкновенная ясность. И я ощутила себя настолько хорошо, настолько воодушевлённо, словно это были самые лучшие мгновения в моей жизни, хотя реальная картина скорее говорила о другом. Даже эта огромная волна, вместо ужаса и паники, стала вызывать во мне чувство подлинного восхищения такой неподражаемой картиной могущества природы.

Внезапно ветер начал быстро утихать. Волны становились всё меньше и меньше, словно какой-то гигантский утюг прошёлся по чёрной простыне моря на лунной дорожке, разглаживая складки. Большая волна, не докатившись до берега бук-

вально несколько сот метров, нарушая все законы физики, начала стремительно уменьшаться в размерах. И лишь эхом лёгкого всплеска дошли её воды до края берега. Вода нехотя покидала отвоёванную сушу, возвращаясь к своим обычным границам. Ветер утих, и на море вновь возобновился ставший уже непривычным слуху полный штиль.

Я перевела взгляд на Сэнсэя. И меня осенило. Я поняла, что же послужило истинной причиной этого внезапного шторма. Это была отнюдь не природная аномалия, как полагал мой разум, пребывая в панике. Это, несомненно, свершила мысль человеческая! И хоть мой разум где-то на втором плане продолжал сопротивляться такой догадке, но что-то глубинное, внутреннее, знавшее о мире гораздо больше, чем может выразить мой материальный мозг, именно оно давало возможность понять истинную причину происходящего. Я была просто поражена, насколько же могущественна в действительности воля Человека, обладающего знаниями, перед которым становятся покорными даже силы стихий! Насколько огромные возможности и способности заложил Бог в каждого из нас. Но разве мы можем во всей своей полноте оценить Его дар, избрав для себя жизнь червя в темноте собственного эгоцентризма? Разве мы способны понять Его истинную Любовь к нам, если, кроме себя, мы больше никого вокруг не замечаем? Одна показуха, один обман и в этом жизнь проходит. Червь он и есть червь. Был и нет его, даже стихии не нужны, жизнь и так раздавит под своим каблуком.

Природа успокоилась. Однако никто из нас не шевельнулся с места, видимо сильно потрясённые пережитым явлением. Луна освещала своим жутким, холодным светом тот творящийся на побережье хаос, что оставила после себя стихия. И в этой казавшейся нам совершенно нереальной тишине неожиданно раздался голос Сэнсэя.

— Неплохо бы костёрчик развести, согреться...

Такие простые житейские слова выбили нас из состояния ступора. Все с удивлением обернулись на Сэнсэя. А он, сняв свою промокшую до нитки рубашку, стал выкручивать её, выжимая струйки морской воды.

— Я говорю, неплохо бы костёрчик развести да трошки просохнуть, — повторил Сэнсэй, заметив наши изумлённые лица.

Эта фраза, что называется, окончательно привела нас в чувства. Старшие ребята молча зашевелились, отыскали в уцелевших палатках фонарики и разбрелись по берегу в поисках сухих дров, поскольку всё, что мы запасли, либо сгорело, либо было мокрым. Оставшаяся компания столпилась около Сэнсэя, словно это являлось самым безопасным местом на всём побережье.

— Может не надо костёрчик? — осторожно высказал своё мнение Николай Андреевич. — Может безопаснее переехать в город? Явно на море где-то грозовой фронт и это были первые порывы. Не исключено, что они повторятся.

На что Сэнсэй добродушно ответил:

— Расслабься, доктор. Сейчас чайку вскипятим, просохнем маленько. А там видно будет.

— Ну, как знаешь, — с нотками сомнения в голосе проговорил Николай Андреевич.

Вскоре наши мокрые вещи уже были развешаны на верёвках наспех укреплённых палаток. А мы, переодевшись в сухую одежду, сидели на новом месте, подальше от моря, греясь у костра и ожидая, когда закипит чайник. Как ни странно, но вопреки обстоятельствам, настроение у меня было просто отличным. Словно открылось второе дыхание, снизошло какое-то вдохновение, благодаря которому душа просто пела, так было хорошо и спокойно.

Как только вода закипела в чайнике, мы с Татьяной заварили ароматный чай из душицы и мелиссы. Вытащили по настоянию доктора из наших съестных уцелевших припасов липовый мёд для профилактики простуды. И соорудили небольшой ужин с этим угощением, вернее будет сказать «ночник-пикник».

Когда первые капли благодатного чая стали растекаться по организму, распространяя своё тепло, Николай Андреевич, уже расслабившись, проговорил:

— Вот это ураган был! Вот это стихия! Надо же, насколько интересна психология человека в экстремальных ситуациях. Всё-таки одно дело теория, а другое — практика, да ещё собственная.

— Да уж, — усмехнулся Сэнсэй. — Рассуждать — не действовать.

— И главное, как быстро меняются ценности человека, — возбуждённо продолжал психотерапевт. — Когда усматриваешь малейший шанс спа-

сти себя и других, единственной ценностью становится жизнь. Но в последние минуты, как только опасность стала неотвратимой... странно, теряется ценность жизни, ценность этого тела! А внутри... поразительно... ясность и полный покой, какое-то необыкновенное, удивительное чувство расширения сознания...

Сэнсэй довольно улыбнулся и прервал рассказ Николая Андреевича на самом интересном для меня месте. Оказывается, не только я испытывала подобные несовместимые с экстремальной обстановкой ощущения.

— Доктор, оставь в покое самоанализ. Пусть душа насытится этим мгновением «здесь и сейчас».

Николай Андреевич внимательно посмотрел на него и с улыбкой кивнул, точно поняв то, что вслух не было произнесено.

Некоторое время мы сидели молча, растягивая удовольствие от кружки горячего чая. Я по-прежнему испытывала какое-то необъяснимое внутреннее наслаждение этой тишиной. Поистине, это потрясающее ощущение «райского» покоя начинаешь по-настоящему ценить после того как побываешь в самом «пекле». По мере того как народ возвращался в привычное русло своего сознания, начала возобновляться и прерванная дискуссия.

— Нет, ну надо же, такая буря, такой кошмар! — вместе со всеми не мог успокоиться Виктор.

И тут Сэнсэй как бы между прочим проговорил, мирно попивая чай:

— Это была всего лишь капля воды.

Данные слова дошли до народа не сразу. Первыми «прозрели», ошеломлённо посмотрев на Сэнсэя, Николай Андреевич и Володя. Чуть позже дошло и до остальных.

— То есть как... капля? — недоумённо переспросил Виктор. — Я правильно понял, та самая капля в кружке воды, про которую спорил Женька?

Сэнсэй довольно кивнул. А Женька в это время чуть не поперхнулся чаем, вытаращив глаза на Сэнсэя, пытаясь на ходу сообразить, шутит он или нет.

— Это провокация, я протестую! — на всякий случай в шутку завозмущался Хохмас Неверующий, когда добрая часть нашей компании посмотрела на него отнюдь не двусмысленным взглядом. — Это просто было совпадение, ураган совершенно случайно налетел...

— Случайно? — усмехнулся Сэнсэй, приподняв в удивлении брови. — Я могу повторить.

— Не надо, не надо! — опередил слова Женьки Стас. — Сиди, Сэнсэй, я сам его убью.

И с этими словами он навалился на Женьку, в шутку схватив его за горло, и стал трясти. Женька комично забарахтался и, зацепив рукой лежавшую рядом белую салфетку, стал размахивать ею как флагом примирения.

— Всё, всё! Сдаюсь! Верю, верю...

— Смотри, — «пригрозил» Стас, отпуская его.

Ребята засмеялись, а Женя, потерев своё горло, робко спросил у Сэнсэя:

— Нет, правда, это действительно произошло из-за кружки воды?

— Ну всё, — решительно встал Стас, но не успел он накинуться на друга, как того точно ветром сдуло с места. Отскочив в сторону, Женька стал поспешно объясняться, размахивая руками в успокаивающих жестах.

— Нет, нет, я не в том смысле. Я хотел сказать, ни фига себе сила!

— Так бы сразу... — проговорил Стас, возвращаясь на своё место под смех ребят.

И когда волна шуток прошла, Сэнсэй пояснил:

— Человеческая мысль может ещё и не такое сотворить. Ей подвластно как разрушение, так и созидание. Просто люди не владеют реальными знаниями об этой силе. А знания не дадутся до тех пор, пока человек не изменится в лучшую сторону. В противном случае он будет, как любое другое животное, зависеть от капризов стихий. Земля ведь тоже живое существо. И перенасыщение человечеством, в котором доминирует Животное, она не потерпит. Для неё проявление массового человеческого негатива — это как зияющая рана на теле, к которой подтягиваются дополнительные силы, как в крови лейкоциты, способные поглощать бактерии и другие инородные тела. А потом просто происходит процесс очищения, вот и всё... Человечество в целом, так же как и каждый человек в отдельности, своими мыслями неосознанно вносит изменения в память воды. А потом, извините, получаем то, что заслужили.

— Значит, воду можно определённым образом программировать, — сделал обобщающий вывод

Николай Андреевич. — И этой программой можно не только разрушать, но и созидать?

— Совершенно верно. То, что вы видели, — это так, мелочь. А теперь представьте, какой мощью обладал, к примеру, Агапит, в коем пребывал сам Дух Святой, называйте эту Сущность как хотите, — Гавриил, Ригден, Джабраил — у неё много имён. Насколько была сильна его созидательная мысль, если даже после смерти возле его мощей продолжают исцеляться многие люди как физически, так и духовно, и особенно в дни так называемой повышенной активности «фона», — Сэнсэй с улыбкой посмотрел на меня, пользуясь моим не совсем умелым лексиконом.

Агапита ещё при жизни посещало много разных людей, причём независимо от их принадлежности к религии. Помимо христиан у него были и мусульмане, и буддисты, и люди других вероисповеданий. Они приходили к нему не только за лечением, но и как к Мудрецу, Человеку, знающему истинный путь к Богу. За такое паломничество к Агапиту его недолюбливали многие из религиозных верхушек. Ведь он не заставлял людей менять свою веру, как призывали они, дабы расширить свою власть. Он говорил истинными словами Иисуса, что Бог один и путей к Нему множество. И я даже не удивлён, почему упоминания о паломничестве к русскому Мудрецу тщательно изъяты из летописей. Ведь Агапит рассказывал о подлинном Учении Иисуса, которое к тому времени уже трансформировали в религию. Он рассказывал о свободе выбора, о душе вечной.

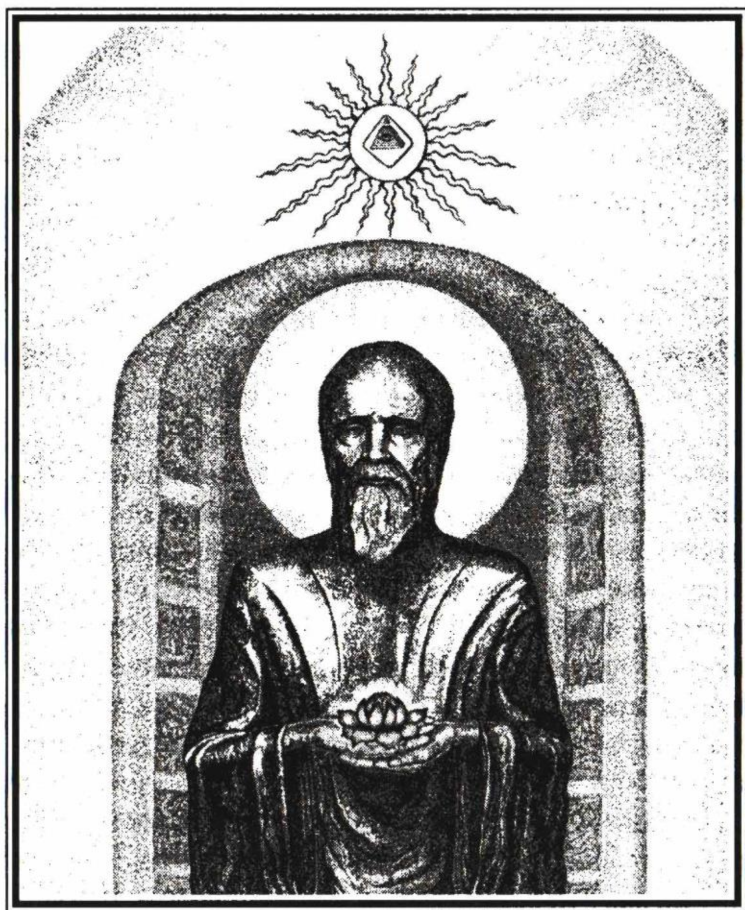

Рисунок Анастасии Новых «Агапит»
Выполнено техникой пуантилизма

Несмотря на то что Агапит лечил людей, избавляя их от разных недугов, и душевных и телесных, он также наставлял их: **«Негоже волновать Господа о чём бы то ни было, кроме как о спасении души своей. Не о теле просите, не о здравии, не о животе своём заботьтесь, — всё сие есть тлен пустой, в желаниях ненасытный. Ибо нет прошения более достойного, чем прошение о спасении души своей».** Многие люди, благодаря Агапиту, действительно уверовали в Бога, так как он всегда являлся примером истинного служения Богу в чистоте духовной. И настолько он был силён во внутреннем духе, что для него не было ничего невозможного. Агапит не раз это доказывал и словом, и делом.

Духовные люди тянулись к нему, златолюбцы — боялись его. Агапит учил людей сохранять чистоту своих мыслей. Ибо любая плохая мысль порождает сомнение. А в сомнениях чистой веры не бывает. Сомнение способно разрушить всё. Агапит всегда повторял: **«Веруйте, и воздастся вам по вере вашей. Это просто, но постичь сложно. Вся сложность в простоте».**

В пример духовной силы Агапита приведу один случай из его жизни. К нему в келью принесли тяжелораненого, с переломами обеих ног воина князя Изяслава — Ратимира. И все уже считали, что парень не жилец на этом свете. Но не прошло и часа, как воин своим ходом вышел из кельи в сопровождении Агапита. Этот случай поразил тогда многих.

— Так ты же говорил, что у него были переломы ног?! — изумился Виктор. — Как же Агапит смог их так быстро срастить, коль воин вышел сам?

— Да очень просто. Агапит дал ему выпить своего отварчика.

— Отварчика?! — ещё более чем Виктор удивился Николай Андреевич. — Нет, ну я понимаю, если в качестве анестезии... Но срастить переломы? — с сомнением сказал доктор. — Сэнсэй, ты меня, конечно, извини, но какие бы ни были травы, кость она и есть кость. И так быстро она не срастётся.

— А при чём тут травы? Травы — это травы. А кость — она и есть кость. Кстати, доктор, она тоже состоит из воды, — подчеркнул с улыбкой Сэнсэй.

— И что, её можно так быстро срастить? — недоверчиво проговорил Николай Андреевич.

Сэнсэй чему-то усмехнулся и сказал:

— С такой целебной силой, как у Агапита, с его знаниями об истинных свойствах воды любую кость можно срастить гораздо быстрее, чем ты думаешь.

— Да? А как? — полюбопытствовал в свою очередь Виктор.

В это время Славик, решивший, видимо, поудобнее усесться, хрустнул, сломав ногой лежавший под ногами наполовину обгорелый камыш. Но он даже не обратил на это внимания. Сэнсэй же, заметив, попросил его:

— Ну-ка, дай мне этот сломанный камыш.

Славик сначала не понял, чего от него хотят. Потом стал вертеть головой, оглядываясь вокруг. И, наконец, отыскав глазами поломанный камыш, поспешно поднял его и отдал Сэнсэю.

— Вот, к примеру, возьмём обыкновенный камыш. С помощью той же воды и силы веры его можно не только срастить, но и сделать гораздо прочнее любой стали...

У Сэнсэя сегодня было явно хорошее настроение, располагающее к беседе и демонстрации необычных экспериментов. Пожалуй столько потрясающих минут рядом с ним, которые мы пережили сегодня, мы ещё никогда не испытывали.

Сэнсэй протянул Женьке кружку и с улыбкой сказал:

— Ну-ка, плесни-ка в кружечку моря.

Все не на шутку переполошились, испуганно переглядываясь. А Женька, тот вообще отпрянул от неё, как от огня.

— Не, Сэнсэй, с меня хватит. У меня рука несчастливая, — сказал он, пряча свои руки за спину, и тут же поспешно добавил с нервной улыбкой: — Причём обе! И вообще я «инвалид» с детства на все части тела.

— Да расслабься ты, я пошутил, — посмеиваясь, успокоил его Сэнсэй. — Можно обойтись и минералкой.

Мы с облегчением выдохнули. Женька же сделал вид, что тоже расслабился, хотя не спускал глаз с рук Сэнсэя. Сэнсэй налил в кружку минеральной воды и накрыл воду руками. От этих жестов все вновь невольно напряглись, боясь уже

пошевелиться, не то что слово поперёк сказать. После такого «очистительного» урагана, в первую очередь в наших мыслях, все сомнения относительно реальных способностей Сэнсэя на этот счёт словно ветром сдуло. Поэтому народ следил за происходящим, затаив дыхание.

Сэнсэй же, как обычно, сосредоточился на несколько секунд. Потом окончательно сломал трость камыша на две половинки. Окунул в кружку с водой один конец в месте перелома. То же самое проделал со второй половинкой. И соединил их в единую трость. К нашему изумлению камыш стал абсолютно целым. После чего Сэнсэй набрал пригоршню минеральной воды из той же кружки и обтёр ею всю камышовую трубку. Оставшись довольным результатом, он предложил нам проверить её на прочность.

Удивительно, при всей своей камышовой лёгкости трость оказалась прочной как сталь. Ребята поначалу пытались её осторожно поломать. Но у них даже согнуть её не получалось. От этого их азарт только распалился. Каждый уже выкладывался на полную, пытаясь разломить камыш. Но все усилия были впустую. Чего они только ни делали с тростью. И руками брали на излом, и ногами прыгали на неё. И по валявшемуся рядом стволу дерева били со всего маху. Кстати говоря, получался такой звук, непонятно чего, то ли суперпрочного пластика, то ли какого-то особого металла. В конце концов, Стас и Володя стали удерживать концы камыша, словно турник. Женька же всем своим богатырским телом повис

на этой трости и стал дёргаться что было сил, пытаясь её разломить всей своей массой. Но безрезультатно. Порядочно провозившись с этой тростью, почти все потерявшие надежду её сломать угомонились и расселись по своим местам, в очередной раз удивляясь такому обрушившемуся на их несчастную логику факту. Один Женька, как Фома Неверующий, упорно продолжал свои эксперименты под шуточки ребят. Он подсел к костру, упражняясь с этой камышовой трубкой.

— Вот чёрт! — в сердцах проговорил парень, глядя на неподатливую палку.

И как только он это произнёс, трость тут же распалась на две половинки, даже без приложения к ней каких-либо усилий. Все замерли. Женька и сам растерялся, глядя то на две палки камыша, то на Сэнсэя. Но Сэнсэй лишь улыбнулся. Тогда парень, осмелев, взял одну из этих палок и с лёгкостью переломил её ещё на две части.

— Упс, — виновато произнёс он, пригнув шею.

— Вот, пожалуйста, — заявил Сэнсэй тоном, не лишённым ноток иронии, — реальный пример тому, как одна ложка дёгтя способна испортить бочку с мёдом... Поэтому Агапит и учил чистоте помыслов. Ибо одна нехорошая мысль может испортить всё.

Проговорив это с нескрываемой улыбкой, Сэнсэй продолжил рассказ о русском бодхи.

— Вообще Агапит творил много чудес. И, кстати говоря, обладал отменным чувством юмора. Нередко он подшучивал над теми, в ком явно

доминировали человеческие пороки. Как-то привели к нему одного знатного купца из Киева, которого замучил недуг. Ну и купец стал сулить Агапиту всё самое лучшее, что было у него из ценностей, лишь бы тот его избавил от болезни. И при этом всё время потрясал двумя мешочками с золотниками, мол ничего не жалко. Золотники же в то время были предметом большой роскоши. Они представляли собой золотую монету, на которой с одной стороны был изображён князь Владимир Святославович, а с другой — родовой знак Рюриковичей в виде трезубца с надписью, гласящей «Владимир, а се его золото». Эти золотые монеты были предметом гордости знатного купца, показателем его тесных связей с теми, кто стоял у рычагов управления Древнерусским государством. Не каждый тогда мог похвастаться такими ценностями. Но когда одолевает болезнь, всё теряет смысл. Купец был готов отдать и это, лишь бы вновь вернуть себе былое здоровье.

Агапит вылечил купца. Но купца обуяла жадность. А с другой стороны, сам при всех и пообещал, что отблагодарит Агапита. И решил купец обмануть Святого, положив в мешочки вместо золотых монет дешёвые серебряные резаны. Ведь никто не видел, что в них тогда лежало. Так и сделал, засунув туда для очистки совести одну золотую монету. Обрадовался, что и вылечиться ему удалось и, благодаря своей хитрости, столько ценностей сохранить. Пришёл он опять к Агапиту со своей свитой отдавать купеческий долг по слову своему. Агапит только усмехнулся, глядя на его

мешочки в гордо протянутой руке, и сказал: «Я ни с кого платы не брал и с тебя не возьму. Но слово своё ты сдержишь. Выйди и раздай всё это золото нищим». Купец ещё более обрадовался и пошёл со своей свитой исполнять наказ Святого. Но когда он открыл мешочек и стал доставать эти деньги, то все монеты оказались золотыми, кроме одной.

Ну, купец расстроился, подумал, что, очевидно, мешочки дома перепутал. Но наказ Святого, данный перед своей свитой, исполнил. По приходе же домой его охватил настоящий ужас, ибо все его драгоценности и деньги превратились в дешёвые резаны. И среди груды этой мелочи он нашёл лишь один золотой.

— Хм, оказывается такие барыги ещё и в те времена были, — пробасил Володя.

— Да их во все времена хватает, — с печальной усмешкой проговорил Сэнсэй. — Жадность — это излюбленный порок зверья человеческого. И не только среди мирян, но, к сожалению, и среди монахов. Даже во времена Агапита многие из братии монастыря, где он жил, имели любовь ко злату гораздо большую, чем к Богу, и использовали свой монашеский чин для того, чтобы из простаков выманивать деньги...

При жизни Агапита многие из них побаивались его. Хотя сам Агапит никого никогда не осуждал. После же его смерти тайные златолюбцы вздохнули с облегчением, ибо не стало рядом с ними Того, Кто не давал покоя их Совести. Впоследствии, описывая жизнь монастыря, они утаи-

ли многие истинные деяния Агапита. Пытаясь возвысить собственную значимость, приписывали его чудеса себе. Также ими было сокрыто и Учение, которое излагал Агапит, говоря истинными словами Иисуса, ибо оно перечило их желаниям власти и денег. А народную славу о монастыре, которую он приобрёл благодаря Агапиту и его ученикам, использовали для своего обогащения, изобретая всё новые и новые способы заработка денег и достижения своих политических целей.

А по большому счёту, святости у этих чудаков, которые присвоили чужой труд, не больше, чем у скупого торгаша на рынке. — И вздохнув, Сэнсэй произнёс: — Люди остаются людьми, какую бы одежду они ни надели... Хотя Агапит среди всех, кому людской ум присваивал святость, действительно был истинно Свят, ибо в нём пребывал сам Дух Святой.

Водрузилось недолгое молчание.

— А когда умер Агапит? — поинтересовалась Татьяна.

— В октябре 1095 года.

— А Антоний? — спросил Виктор.

— В 1073 году... Кстати, перед смертью Антония произошёл довольно необычный разговор между находящимся при смерти Антонием и Агапитом, свидетелем которому стал молодой послушник, ухаживавший за Антонием. Именно он, в последующем уйдя на Афон, оставил там запись об этом событии в своих воспоминаниях. Так вот, когда зашёл Агапит, Антоний лежал в полубреду, продолжая шептать одну и ту же молитву, кото-

рая до слуха послушника долетала лишь отдельными словами. Агапит посмотрел на Антония, улыбнулся и добавил к его словам: «...И молю Тебя о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая...» При сих словах Антоний вздрогнул и открыл глаза. Взгляд его, встретившись с Агапитом, просиял. Он начал хрипло повторять: «Гавриил! Гавриил!» И протянул к нему руки. По старческим щекам потекли слёзы. Агапит, подошедши, взял его за руки. Антоний же в упоении проговорил: «Бог мой, Агапит, это Ты! Как же я раньше не узнал Тебя? Как же я был слеп в сиянии лучей Твоих?!» Он начал поспешно бормотать, словно боялся не досказать всё, что чувствовал в этот момент в своей душе. Он говорил о своей юности, о старце, давшем ему молитву, о том, что всю жизнь ждал Его, а тот, оказывается, был рядом. И теперь, не успев встретиться, им предстоит расставание. На что Агапит ответил ему: «**Ты всю жизнь был подле меня здесь. Неужто ты думаешь, что там Я покину тебя? Ежели при жизни сей ты пребывал в непрестанной Любви к Богу, кто нынче отлучит тебя от плода сего райского, что сотворил ты верой и сердцем своим. Не оскудевала вера твоя в мгновениях земных, не поддавался ум на соблазны тлена, к добру совесть чисту имамши. И доселе ты не просил у Него нечесоже, окромя спасения души своей, словеса молитвы душою глаголя. Душу распахнул ты навстречу Богу, ныне и Бог распахнул перед тия Врата Свои. Так насладись благодатью**

Божьею. Истинно тебе говорю, что при жизни сей ты обрящил сокровище вечное — царствие Господне, куда Я тебя и провожу».

Агапит и Антоний прикрыли глаза. Пока Агапит своими устами беззвучно шептал молитву, Антоний с блаженной улыбкой на устах сделал последний вздох. И душа его в сопровождении Духа Святого отправилась в кущи райские. Ибо в сей момент сам Архангел Гавриил молил о нём.

Сэнсэй задумался, а потом сказал, пожав плечами:

— Хотя я не понимаю, почему они разделили на множество целое... А, ладно, — слегка махнул рукой Сэнсэй. — Им же с этим жить. — Затем, словно очнувшись от своих размышлений, он стал рассказывать дальше: — Ну так вот, когда умер Антоний, то по настоянию Агапита тело оставили в келье. Причём пока был жив Агапит, тело Антония лежало словно живое, даже необычное благоухание исходило от него...

А вот после смерти Агапита произошла ещё более необычная история. Как я уже говорил, ещё при жизни у Агапита было достаточно людей, которые завидовали его популярности среди народа. И когда Агапит предсказал день своей смерти...

— Предсказал день своей смерти? — удивлённо переспросил Руслан. — Разве такое возможно?

— Конечно, тем более для Агапита... Агапит был Бодхисатвой. Для него Смерть не была проблемой, в отличие от обычного человека, кувыркающегося в реинкарнациях. Он как бодхи мог в любой момент выйти из тела. Но по правилам

пребывания среди людей Бодхисатва обязан полностью прожить свою жизнь в теле, какой бы она ни была, короткой или длинной. Ну а рассчитать, когда в теле закончится Прана, для него было не так уж и сложно...

— А-а-а, — протянул Руслан.

— Так вот, когда Агапит предсказал день своей смерти, к этому дню стали готовиться не только ученики Агапита, внимая его последним духовным наставлениям, но и его недруги. Они решили после смерти Святого вывезти тело из монастыря и закопать где-нибудь подальше в глухом месте, дабы никто и никогда не смог его отыскать. Но сразу реализовать этот план у них не получилось, так как после смерти Агапита слава о нём не увяла, как они рассчитывали, а наоборот, многократно приумножилась. К его телу началось массовое паломничество. Прошло четыре месяца, а тело Агапита лежало нетленным, словно он умер только вчера. Поток людей не прекращался. И поэтому недруги, съедаемые своей ненавистью и непомерной завистью к Святому, решили выкрасть тело Агапита.

К этому событию они тщательно подготовились, продумав план и задействовав в нём преданных людей, двое из которых были монахами. В решающий день двадцать четвёртого февраля, если считать по новому стилю, несмотря на сильный мороз, их люди весь день жгли костры и выдалбливали могилу в выбранном глухом месте, недалеко от глубокого рва. И в ночь на двадцать пятое февраля им, наконец, удалось реализовать

задуманное. Но когда исполнители этого поистине варварского повеленья, выполнив свою «чёрную работу», возвратились к утру в монастырь, они застали большой переполох. Но этот переполох был отнюдь не из-за пропажи тела Агапита, как они предполагали. Оказывается, кто-то из братии обнаружил... тело Агапита, однако не лежащим, а сидящим в своей келье в необычной позе. Причём перед телом находился пергаментный лист, на котором свежими чернилами почерком Агапита была аккуратно сделана странная надпись.

Те же, кто лично закапывал буквально недавно тело Святого, ужаснулись вдвойне. Их было трое. Причём двое из них были те самые монахи, которые по приказу высших чинов непосредственно выкрали тело Агапита в эту ночь, сбросили его в могилу, закопали землёй и замаскировали то место. Так вот, именно с ними случилось в этот момент следующее. Один, увидев сидящего Агапита, сошёл с ума. Второй же навсегда потерял сон. Весь остаток своей жизни он так и не сомкнул глаз, усердно замаливая свой грех. Впоследствии этот монах стал самым яростным последователем Агапита и самым ревностным хранителем его тела. Третий же соучастник из мирян поспешил осведомить тех, кто нанял его для реализации этого коварного плана. Вместе со своими «заказчиками» он вновь поспешно вернулся на то место, где был спрятан труп Агапита. Вскрыв могилу, они убедились, что она была пуста. Никаких посторонних следов на снегу вокруг могилы не было. Тело просто исчезло из могилы и непо-

стижимым образом появилось в келье. После этого случая никто уже не посмел прикоснуться к телу Агапита.

— А что там было написано, на том листочке? — поинтересовался Костик.

Сэнсэй лишь загадочно улыбнулся и, не ответив на его вопрос, сказал:

— Кстати говоря, этот листочек обладал необыкновенной силой и до «изъятия» долгое время его использовали тайно. Когда пергамент закладывали за икону, она начинала мироточить, и от неё чудесным образом исцелялись люди. А когда...

— А почему использовали тайно? — перебил рассказ Сэнсэя своим вопросом Руслан.

— Потому что хотели сокрыть от людей надпись, оставленную Агапитом.

— А кто и почему «изъял» этот листочек? — в свою очередь осведомился Стас.

— Это отдельная история и данной темы не касается. Скажу лишь, что это временное «изъятие» пергамента Агапита из людской среды было связано с опасностью его окончательной утраты из-за зависти и глупости человеческой.

— Ну а всё-таки, что на нём такого было написано? — продолжал упорно расспрашивать Костик.

— Правда, — ответил Сэнсэй и продолжил свой рассказ о необычной духовной силе пергамента Агапита.

В это время мне в голову пришла, как говорит Костик, «гениальная идея». Вот бы было здорово, если нарисовать портрет самого Агапита (тем

более у моего дяди есть знакомый, который участвовал в восстановлении истинного облика Святого) и вложить этот листочек за портрет, если, конечно, его бы удалось отыскать. Тогда, наверное, портрет приобрёл бы необыкновенную силу. Потом отдать его в Лавру. И пусть он там будет доступен всем, всем, всем! Сколько людей смогло бы тогда излечиться, обрести надежду, укрепиться в вере! Ведь я сама совсем недавно прошла через этот ужас внутреннего смятения, когда твоя жизнь висит на волоске, а ты не в силах ни спасти себя, ни понять, зачем же ты жил на этом свете. Мне ли не понять того, кто страдает и ищет в жизни настоящие ценности для своего духовного спасения. Болезнь заставляет человека задумываться о смерти, а смерть — о Боге. А поиски Бога сталкивают с неожиданными людьми, обстоятельствами, которые круто меняют судьбу, открывая совершенно неизвестную сторону реальности.

Эти мысли меня настолько вдохновили, что я стала мечтать, как хорошо бы было воплотить эту идею в жизнь. И если с обликом Агапита проблем бы не было (дядя бы мне помог), то с пергаментом Агапита... Где же его искать на этом белом свете, если он был «изъят из людской среды»? И тут Сэнсэй, продолжавший свой рассказ во время моих бурных мыслей, неожиданно замолчал, пристально посмотрев на меня. А потом как-то по-доброму произнёс:

— ...Нет ничего невозможного для жаждущей души.

Я так и не поняла, что это было. То ли, судя по его взгляду, он отвечал на мои мысли, то ли это он так закончил свой рассказ, который я, к сожалению, из-за своего мудрования прослушала. Но, так или иначе, я не решилась переспросить его при всех по этому поводу. Тем более в этот момент Николай Андреевич поинтересовался:

— Говорят, там, в Печерских пещерах какой-то особый микроклимат, поэтому мощи нетленны. Это что, какое-то особое свойство местности?

— Особое, — подчеркнул с загадочной интонацией Сэнсэй. — Но фокус в том, что не все мощи лаврских пещер были нетленными. Там есть множество останков, которые разложились как тела обычных покойников.

— А что такое «мощи»? — внезапно выдал свой несколько запоздалый вопрос Руслан.

— О, проснулся! — хмыкнул Женька.

Все засмеялись, но Сэнсэй ответил вполне серьёзно.

— В древнерусском и славянском языках «мощи» означали кости. Но раньше было два понятия «мощи» и «тело». К примеру, об одних святых люди говорили, что он «лежит мощами», а о других, что он «лежит в теле». Раньше в Древней Руси «нетленными мощами» называли просто нераспавшиеся кости. Были случаи и естественной мумификации тел. Это уже в наше время церковь одинаково стала именовать «мощами» как кости, так и мумифицированные тела святых, как говорится, не делая особого акцента.

— А почему? — прорвало Руслана на расспросы.

— Ну как почему? Объявят, к примеру, какое-нибудь высокодуховное лицо, занимавшее при жизни высокий пост в религиозной структуре, святым после смерти. А он взял и сгнил, несмотря на то что был, к примеру, похоронен в Лаврских пещерах, как ты говоришь, с особым микроклиматом, — обратил он внимание Николая Андреевича. — Но не брать же свои слова обратно, народу уже объявлено о святости. Вот и выкручивались как могли, сглаживая некоторые моменты в истории, чтобы не вызывать среди паствы смуту. Вон, к примеру, как это произошло с Феодосием.

— А кто такой Феодосий? — совсем осмелел Руслан.

— А что произошло? — подключились уже и мы.

— Феодосий? Это самый большой анекдот в истории прославления русских святых. Феодосия Печерского называют отцом русского монашества, — с усмешкой проговорил Сэнсэй. — Его преподносят как идеал иноческого жития, а всех русских иноков причисляют к детям его. Но в этом ложном прославлении нет вины нынешних духовных пастырей, ибо они опираются на дошедшие до их времени «исторические документы», которые во многом не являются достоверными. Я не имею в виду факт самих документов, а содержащуюся в них информацию. Корни этой подмены таятся гораздо глубже и уходят как раз в эпоху Агапита.

В те времена молва о деяниях, чудесах, излечениях Агапита распространялась очень быстро.

Народная молва постоянно твердила: как учил Агапит, как говорил Агапит, как делал Агапит. Ну кому из тогдашних духовных пастырей «стада» могло понравиться, что какого-то простого монаха народ чтит больше, чем его высокодуховную персону? Так что некоторые высокопоставленные лица ещё при жизни Агапита питали к нему чёрную зависть. Однако предпринять что-либо против него, как я уже говорил, боялись. Поскольку даже их попытки с отравлением истинного Святого не удались. Агапиту это нисколько не повредило. Так что его сильная личность, народная слава, необычная сила, которой он обладал, и свободомыслие наводили ужас на власть имущих. Не в силах уничтожить Агапита ни физически, ни морально они стали действовать по-другому. Они решили в противовес Агапиту выставить своего кандидата для народного почитания и, по возможности, провести его официальную канонизацию. Выбор пал на уже умершего к тому времени игумена Феодосия, который, кстати говоря, был не первым игуменом монастыря и далеко не идеальной личностью в кандидаты святого. Однако его образ ближе всего был по духу тем златолюбцам, кому мешал Агапит зарабатывать деньги на имени Божьем.

Для реализации этого замысла срочно стали составляться «летописные своды», «Житие». Так уже в 1078–1088 годах появились тексты «Жития преподобного Феодосия Печерского», где о реальной жизни Феодосия было помещено, по сути, мало информации, но зато приписок хоть отбав-

ляй. Так появились в 1077–1088 годах и записи Никона «Великого», коим в монашестве был прозван Илларион, которого в своё время сместили с митрополичьей кафедры в Софийском соборе за златолюбие. Он тоже был непримиримым к славе Агапита. Позже, в 1093 году, эти записи были дополнены игуменом Иоанном. И уже на основании этого стал писаться Патерик, а также «Повесть временных лет» в 1113 году, то есть через восемнадцать лет после смерти Агапита. Но даже «Повесть» позже неоднократно редактировалась, и в неё вносились поправки.

Так в 1116 году игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр что называется основательно переработал тексты «летописи». Кстати, именно он интерпретировал упоминание и об Андрее Первозванном. Там, где было написано, что Андрей Первозванный пришёл возложить в той земле семя — ношу Христову, Сильвестр, перерабатывая этот материал, уже написал его со своей точки зрения, описывая «ношу» как крест, а «семя» как веру. А поскольку именно его записи дошли до потомков, то по ним получается, что Андрей Первозванный, пребывая в Киевских землях, водрузил на горе крест, благословляя ту землю, и предрёк, что на ней воссияет благодать божья.

— А до тех потомков дошло прямо как в той детской игре про «испорченный телефон», — усмехнулся Женька. — Вместо «семя» — «племя», вместо «ноши» — «наши рожи».

— О то ж, — вздохнул Сэнсэй. — Так вот, в 1091 году решили в дополнение ко всему отко-

пать мощи Феодосия и выставить на поклонение в Успенский собор. Но когда вскрыли келью Феодосия в Дальних пещерах, где он был похоронен, оказалось, что мощи его сгнили. А уже был объявлен день торжественного перенесения мощей Феодосия в собор. И чтобы утаить этот казус, стали поспешно вскрывать другие могилы в пещере. И опять же, кто участвовал в этой авантюре? Марк, за что его потом и прозвали Гробокопатель, один помощник-монах, да Нестор, позже названный Летописцем, которого, собственно говоря, и поставили возглавлять эту «весёлую компанию». Наконец, к их радости, они нашли хорошо сохранившееся мумифицированное тело затворника, одного из первых учеников Агапита. И уже на следующий день его останки торжественно выдали за останки Феодосия. Они даже не знали, чьи это были останки. А останки эти были не простые. Человек, которому они когда-то принадлежали, истинно ушёл в Нирвану, или, говоря христианским языком, — он попал в рай, ибо ещё при жизни своей он смог победить смерть и выйти из круга реинкарнаций. Звали же этого монаха Доброслав, или как его по-дружески называл Агапит и его ученики — Добрыня.

— А сохранились эти останки сегодня в соборе?

Сэнсэй усмехнулся.

— Нет, конечно. Справедливость всё-таки восторжествовала. В 1240 году Добрыня был избавлен от глумления. Во время нападения хана Батыя его останки были изъяты Межáнами и перенесены в более достойное для него место.

— Межанами? Это кто такие? — полюбопытствовал Костик.

— Межа́не — это люди, имеющие доступ в Шамбалу и общающиеся непосредственно с Бодхисатвами Шамбалы.

— А затворник, это как понять? — в свою очередь поинтересовался Андрей.

— Затворник — это монах, который добровольно поселялся в небольшую пещерную келью, обустраивая её так, что она соединялась с подземным коридором лишь узеньким окошком, служившим впоследствии для передачи скромной пищи. Зачастую затворник ограничивался водой и хлебом и то не каждый день. И там он жил и молился до своей смерти.

— Ничего себе! — вырвалось у Костика. — В полной темноте и одиночестве?

— Естественно. В отречении от всего земного.

— А зачем? — искренне удивился парень.

— Это один из путей достижения Нирваны.

— Не-е-е, я бы так не выдержал, — отрицая, покрутил головой наш «Философ».

— А я бы попробовал, — высказался Андрей.

— Ты думаешь это так просто? — проговорил Сэнсэй. — Для того чтобы браться за технику затвора, надо научиться хотя бы элементарному — контролировать свои мысли... Ведь человек не просто затворял себя в пещере в полной темноте, молясь Богу. Вначале он обучался специальной технике дыхания, потом умению контролировать мысли, переводить их в стабильное состояние агатодемона, то есть положительной мысли. И только

потом затворялся, последовательно выполняя ряд определённых медитаций, которые выводили его на соответствующий уровень от простого к сложному. И, в конечном счёте, человек осознанно уходил в Нирвану, к Богу, то есть вырывался из цепи реинкарнаций. Всё это не просто так. Хотя, — Сэнсэй пожал плечами и задумчиво произнёс: — в духовном плане это слишком лёгкий и простой путь, так, для лентяев. Проще всего уйти от людского мира, став монахом-затворником. Другое дело жить в мире и через созидание добра, находясь среди людей, уйти к Богу. Вот это я понимаю! Сложно, но зато действительно ценно. — И вновь возвратился к теме беседы. — А техника затвора — это очень древняя техника, которая практиковалась с незапамятных времён. Агапит поведал её своим ученикам как сокровенное знание. Но в последующем эта техника была утрачена, поскольку последний, кто истинно ею владел, просто не нашёл достойного среди людей, кому бы можно было доверить эти знания.

Многие, пытаясь подражать ученикам Агапита, пробовали самостоятельно затворяться, абсолютно не владея знаниями этой практики. В результате они просто или не выдерживали затвора, или сходили с ума. Это естественно. Ведь если человек не умеет справляться со своими страхами, негативными мыслями, если у него идёт постоянная доминация какодемона, то есть отрицательных мыслей, то в затворе это усугубляется многократно. Неподготовленному человеку перенести затвор практически невозможно.

Наступило недолгое молчание.

— Так что же получается, Нестор немного слукавил? — спросил Виктор.

— Он писал то, что ему поручили вышестоящие сановники. Нестору было дано задание подготовить книгу «Жития» Феодосия к канонизации. Проще говоря, создать образ для поклонения. Значит и писать о нём нужно было соответственно, на должном уровне. Ну, Нестор и написал. Чуть-чуть взял из реальной жизни Феодосия, а остальную его «святость» дословно списал. Автор же не был очевидцем реальных событий. Когда Феодосий пришёл в пещеру к Антонию в 1056 году, Нестор в это время ещё, как говорится, в пелёнках песни распевал. Поэтому именно Нестору и дали задание написать этот труд, приставив к нему некоторых последователей Феодосия из старых иноков, захвативших времена его игуменства, так сказать в помощь, чтобы как можно «правдивее» была история.

— Вот так и верь «истории»! — усмехнулся Женька.

— А что ты хотел? Всё не так просто. Тогда Церкви понадобился образ первого на Руси преподобнического жития. Вот они и взяли игумена Феодосия за «особые заслуги». Не Агапита же было им брать?! — с улыбкой сказал Сэнсэй. — Нужен кто? Игумен. Вот Нестор и постарался. Взял чуть-чуть из реальной жизни Феодосия, касательно частично его детства, юности и жизни в монастыре, а остальное по наущению «отцов» дословно скатал из разных «Житий» греческих

и палестинских святых. На Руси тогда уже имелись переводы и древних патериков, и аскетико-учительных трактатов, и аскетических житий. Особо были любимы и читаемы жития греческих святых, таких как святого Антония, Феодора Студита, Феодора Эдесского, Иоанна Златоуста. Менее известны, но в полном своде были «Жития» палестинских святых VI века, о которых писал Кирилл Скифопольский. Это жития Евфимия Великого, Саввы Освященного, Иоанна Молчальника, Феодосия Киновиарха. Короче говоря, было из чего выбирать в создании нового образа.

Нестору, к примеру, особо приглянулись жития святых Евфимия и Саввы. Поэтому образ нового Феодосия вышел во многом как и Саввы, причём иногда с использованием в тексте дословных выдержек. Духовные подвиги выписал из восточной аскезы, добавил некоторые элементы из жития святых, и вот вам образ великого Феодосия, отца русского монашества.

Хотя сам Феодосий был далеко не таков, как его преподнесли. У него действительно было трудное детство в богатой семье. В 13 лет умер отец. Мать постоянно била. Психика у парня — совершенно неустойчивая. Короче говоря, был слабаком, который старался угождать более сильным. И когда он пришёл к Антонию в Киев, в очередной раз сбежав от своей мамаши, Антоний принял его по простоте своей душевной, надеясь перевоспитать. В то время в пещере вместе с Антонием уже проживала небольшая община, в том числе и Агапит, который и предупредил

Антония насчёт этого «тихонького» парня: «Змею согреваешь на теле своём». Но Антоний из жалости оставил парня. Кстати говоря, Нестор этот момент прихода Феодосия к Антонию и якобы отказ Антония принять его изобразил по-своему, один в один списав с жития святого Саввы, что на самом деле ничего общего не имело с действительностью.

Феодосий же, хоть и при братии был тихоня, но внутри его бурлил «котёл кипящий» и далеко не из добрых мыслей. Феодосий, чувствуя, что Агапит видел его насквозь и ведал о тайных помыслах, старался не попадаться лишний раз ему на глаза. И после он всю жизнь испытывал внутренний страх перед Агапитом, ибо творил дела, несоотносимые с духовной жизнью.

Что предрёк Агапит об этом парне Антонию, то и случилось. Впоследствии, когда к монахам присоединился Варлаам — сын Иоанна, первого боярина князя Изяслава, по этому поводу разгорелся скандал с власть имущими. Вот тогда из всей братии именно Феодосий по слабости духа своего и стал осведомителем у Изяслава. И впоследствии подставлял Антония не один раз. В конце концов, когда Варлаам, будучи первым игуменом, пришёл к Изяславу просить земли, что над пещерами, Изяслав согласился их отдать, только с условием, что во главе их братии будет стоять угодное ему духовное лицо. Варлааму ничего не оставалось, как согласиться. В этот же год Изяслав перевёл Варлаама (которого Антоний в своё время поставил над братией, когда сам

стал простым монахом) в Димитриевский монастырь, а на его место определил «своего человека» — Феодосия. А Нестор это всё преподнёс, будто бы сама братия избрала Феодосия своим игуменом за «монашеские подвиги».

— Точно что «подвиги», — ухмыльнулся Володя. — У нас бы за такие «подвиги» шею намылили.

— С этого момента и пошло негласное разделение в Печерском монастыре, — продолжил Сэнсэй. — Последователи Агапита стремились к духовной жизни. Феодосий же и его последователи, среди которых больше всех выделялся Никон, постригший его в монахи, к которому у него возгорелась непростая любовь, — улыбнулся Сэнсэй, — стремились использовать своё положение для собственного обогащения. Феодосий, достигший желаемого, потом так возвеличил и укрепил свою власть, что даже Изяславу не сладко пришлось.

— Да, — задумчиво произнёс Николай Андреевич. — Если дать такому человеку, как Феодосий, власть — хорошего не жди. Устойчивая депрессивная подавленность в подростковом возрасте зачастую приводит к серьёзным нарушениям в психике, к различным психопатологиям. Такой подросток слабо адаптируется среди сверстников, нередко утрачивая чувство реальности в окружающем мире. А это, в свою очередь, порождает чувство неполноценности, собственной несостоятельности и пониженной самооценки, целый комплекс страхов. Как правило, такие люди

замкнуты в себе, робки и несмелы. Но как только у них появляется шанс реальной власти над людьми, вот тут-то и проявляется весь букет их психических заболеваний...

Женька послушал, послушал рассуждения психотерапевта, а потом проговорил:

— Прямо образ Чикатилы... Тот тоже был тихонький да скромненький на людях.

— А ты думаешь, откуда маньяки берутся? — серьёзно сказал психотерапевт. — Раздутая мания величия ещё не такое с людьми делает.

— Совершенно верно, — согласился с ним Сэнсэй. — Феодосий служил, в первую очередь, удовлетворению своей мании величия. В духовном же он был страшно ленив. Молитвы читал лишь для показухи. Глядя на духовную работу Агапита и его учеников, он, поучая других монахов бдеть по ночам в молитвах, сам же в это время спал, да так сладко, что его утром вечно приходилось будить. А позже представили это как потаённость его аскезы. О таких, как он, сказано Иисусом: «Связывают бремена тяжёлые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть».

Расписали Феодосия в хвалебных речах как «книголюба и просвещённого человека». Это вообще анекдот, учитывая его элементарные знания в грамматике. Зато поучать других он любил на каждом шагу, возвеличивать свою особу, чтобы ему в ноги кланялись, руки целовали, «святым отцом» величали. Это было его неотъемлемым внутренним свойством — представлять себя перед

людьми чуть ли не в образе Господа Бога. А ведь Иисус говорил: «И отцем себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах».

Причём любил поучать не только своё «стадо», но и обычных мирян, выставляя себя в свете жестокого и непримиримого сторонника христианства, вдалбливая им, что «тот, кто хвалит чужую веру, ходит близ ереси». И при этом часто повторял слова Агапита: «Бог един и едина вера в него!» Но если Агапит рассказывал ученикам о единой внутренней вере в Бога, свойственной для любого существа человеческого, стремящегося к Нему, чему, собственно говоря, и учил Иисус, то Феодосий перекручивал эти слова с позиции религии, эгоизма своего Животного начала, мол только моя вера истинна, остальные все недостойные. Особенно он любил поучать богатых, зачастую бывая у них на пирах и в гостях. Он вообще вменил себе, что его долг — это поучать князей, а их — слушать его поучения, то есть обладать властью над власть имущими. О таких людях-«фарисеях» сказано даже в Евангелии, каноны которого пытался провозглашать Феодосий: «Все же дела свои делают с тем, чтобы видели их люди; расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих»; «Также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах»; «И приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: «учитель! учитель!» Но там же и сказано: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы —

братья». «И не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос»...

И тут Татьяна, которую, видимо, больше всего задели слова о единой вере, промолвила:

— Что-то я не пойму разницу между словами Агапита и Феодосия о вере единой. По-моему, Феодосий был прав. Как говорила моя бабушка, надо верить только в христианство, ибо это единая вера, приводящая к Богу.

— Ну вот видишь, твоя бабушка считает это так, потому что она родилась и выросла в христианской среде. А чья-то бабушка, проживающая на Ближнем Востоке, будет рассказывать своей внучке, что единственно правильная вера — это мусульманство. Бабушка-китаянка будет уверять, что это буддизм, и так далее. Но всё это лишь внешние условности, которые, в конечном счёте, при полном переходе человека на позитивную волну, то есть на доминацию агатодемона (а не на поддержку агрессивного фанатизма какодемона), приводят человека к одному и тому же внутреннему результату. И зачастую человек даже не ведает о тех процессах, которые происходят в нём. Он лишь начинает понимать, что такое истинная вера в Бога, чувствовать необыкновенный духовный прилив сил. То есть, все, кто истинно верит в Бога, как бы они Его ни величали, в конечном счёте приходят к одной и той же двери и переступают один и тот же порог. Сказано, что множество дорог ведут к Богу, да Врата узки.

— Нет, я, например, вроде так всё понимаю, — стал рассуждать Костик. — Но если честно при-

знаться, то, по большому счёту, трудно во всё это поверить... Но вот хотя бы о том же Агапите, что в нём пребывал сам Дух Святой. Как он вообще выглядит тот Дух Святой? И неужели это было так важно для Руси? И почему до сегодняшнего дня я нигде об этом не слышал и не читал? Почему до нас дошли именно те истории, которые, как вы говорите, во многом перекручены? Кому же тогда вообще верить? И если есть Бог, то почему он допускает, что над святыми издевались, Христа распяли, про Агапита правду скрывали...

Сэнсэй устало вздохнул и спокойно ответил:

— Не пытайся понять дела божьи, кои во многом скрыты от людей. Это равносильно попытке муравья проглотить слона. Человеческий мозг очень ограничен. Человек не воспринимает элементарного: как он слышит, как он видит, как он думает, как живёт и кто он вообще есть на самом деле. Он даже не знает, по большому счёту, что такое смерть. Я уже не говорю о том, что он не может понять своим ограниченным мозгом, что такое бесконечность Вселенной. Единственно, что может человек — это верить или не верить.

— Нет, ну как это верить или не верить? — возразил Костик, втянувшись во вкус спора. — Для любой веры нужны доказательства, в том числе и веры в Бога!

— Доказательства, говоришь?! — голос Сэнсэя словно изменился. — Подойди к зеркалу и внимательно посмотри на себя. И если ты веришь, что ты случайное соединение аминокис-

лот, приведшее, в конечном счёте, к мутации обезьяны, из-за которой она стала разумной, тогда зачем тебе искать Бога? Пойди на рынок, купи банан и наслаждайся жизнью! А если с этим не согласен и веришь, что ты чудесное творение Бога, то как ты можешь требовать от Бога доказательств Его существования?! Кто ты и кто Бог?

Сэнсэй говорил с такой силой во взгляде и голосе, что Костик даже невольно опешил, весь как-то съёжившись и быстро потупив свой взор. Казалось, в этот момент он готов был провалиться сквозь землю. Возникла короткая пауза.

— Да уж, — проговорил Николай Андреевич, нарушая тишину. — Получается, Феодосий служил Кесарю, а Агапит — Богу.

— Совершенно верно, — ответил Сэнсэй вновь ровным привычным голосом. — Вот с тех времён и пошло разделение в Лавре. Одни монахи совершали истинные духовные подвиги, в том числе подвергая себя затвору, а другие в этот же период наслаждались своеволием, распущенностью, эгоизмом и златолюбием, обирая мирян и зарабатывая деньги за показ места свершения духовных подвигов истинных монахов, шедших к Богу... В общем, всё как всегда у людей: перепоганили такое святое место своей алчностью, перекрутили всё, намутили. А ведь могло быть всё иначе. Ведь сам Дух Святой сотворил здесь свою Обитель. Эх, люди, люди...

Сэнсэй немного помолчал, а потом задумчиво произнёс:

— Так что Агапит очень сильно повлиял на Русь и не только... И, несмотря на то что это влияние носило косвенный характер, оно изменило будущий мир. Хотя это в общем-то не входило в тогдашнюю задачу Агапита как Бодхисатвы, а было больше инициативой самого Агапита. Ну, одним словом, бодхи он и есть бодхи.

Агапит заложил духовную обитель, где на протяжении всего её существования никто и никогда не подсчитывал, сколько людей исцелились от смертельных заболеваний и, слава Богу, до сих пор продолжают исцеляться. Но это не суть важное. Главное то, что многие приобрели там духовное здоровье, что гораздо важнее физического. По большому счёту, благодаря Агапиту, его мощам, в коих сохранилась целительная сила Духа Святого, Киево-Печерский монастырь прославился в веках.

Даже взять сегодняшний день. Многие люди, из разных стран мира, принадлежащие различным религиям, и даже те, кто считает себя «атеистом», посещая Печерские пещеры, где лежат мощи святых, больше всего задерживаются возле мощей Агапита. Почему? Потому что человек интуитивно чувствует настоящую Святость, ведь душу не обманешь. Но если бы люди знали, что имеют возможность не только просить об излечении тел, но, что гораздо важнее, просить о спасении души своей, особенно в дни пребывания Духа Святого в мощах Агапита, кои каждый год начинаются с двадцать пятого февраля и длятся целую неделю, для их душ было бы несравненно больше пользы.

Ибо нет в те дни на Земле более святого места, где может любой человек, независимо от своего вероисповедания, так близко быть с прошением своим перед Слухом Господним. И такой шанс есть у каждого человека, коим он может воспользоваться в течение семи дней в году. Ведь следующий год для него может и не наступить. Ибо кратки дни человеческие на перекрестье времён. Ибо скорбны их дела перед ликом Господним. Уж каждое мгновение людское на чаше весов. И нет для душ более важной заботы, чем жажда обрящить спасение. Не в вере внешней, но в вере внутренней ключ к Вратам. Только слепец, ослеплённый прахом, его не увидит.

Человек может дать Богу лишь свою веру и искреннюю молитву. Большего он ничего дать Богу не может. Ибо всё, что окружает человека, есть творение божье. И негоже давать Хозяину в дар его же собственность. Ведь Богу, кроме Любви и Веры, ничего от человека не нужно! Что может дать малый ребёнок Родителю своему, чтобы возрадовать сердце Его? Только Любовь свою и Уважение.

Сэнсэй замолчал, устремив взгляд в костёр. А затем задумчиво промолвил. Казалось, что он одновременно говорил всем и каждому в отдельности.

— Пока ты жив, человек, у тебя есть шанс вымолить вечность в любви божьей для души своей. И пока у тебя есть этот ШАНС, иди к Агапиту

в святую неделю и моли перед Духом Святым только о душе своей. Ибо тело твоё бренно, оно есть прах. И все заботы земные — пусты. Но помни, человек, что обещаешь перед Богом в прошении своём, — исполняй! Ибо Он, как всякий родитель, не терпит лжи, прощает, но не доверяет потом...

Оторвав свой взгляд от тлеющего костра, Сэнсэй внимательно посмотрел на нас. Глаза его светились какой-то необыкновенной силой и чистотой. И тут он произнёс:

— Дерзай, человече, истинно говорю, как не дано тебе избежать смерти, так и не дано тебе избежать Суда Божьего.

Возникла тишина, которую никто не смел нарушить. Начинался рассвет. Где-то мелодично запела птичка. Сэнсэй, посмотрев в сторону моря тяжко вздохнул и устало проговорил:

— Ладно, ребята, утомил я вас своими рассказами. Вам уже и отдыхать-то давно пора...

Все разошлись спать. На берегу моря остался лишь один Сэнсэй, сидя у догорающего костра. Его задумчивый взор был устремлён на Восток, где первые лучи света пробивали дорогу Солнцу, стремительно разрывая темноту ночного неба.

Изречения Сэнсэя

1. Если будешь снисходителен к злу, не заметишь, как станешь равнодушным к добру. Однако, наказывая зло, надо уметь вовремя остановиться. Только так ты сможешь избежать опасности, которая таится внутри тебя. Побеждающий не гордится, не насилует, не ликует. Он побеждает... и в первую очередь самого себя. Так что наказывая зло, нужно помнить о добре.

2. Люди хотят достойно выглядеть не перед Богом, не перед своей Совестью, а перед другими людьми. А вся причина этого зла кроется в желании человеческом. Ведь человек ценит только то, что хочет видеть для себя ценным. А то, чего он не хочет видеть для себя ценным, то и значения для него не имеет. Зависть, ненависть, озлобленность произрастают не от внешнего стимула, а от внутреннего корня самолюбия.

3. Весь мир работает на то, чтобы вызвать у человека как можно больше желаний приобрести что-либо, чего якобы ему не хватает для полного счастья. Весь мир торгует иллюзиями. Он соткан из лжи, и нити его крепятся на зависти. Люди сами порождают иллюзию, подпитывают её своей нечистоплотностью мыслей и сами же живут в этой иллюзии, воспринимая её за настоящую реальность.

4. Какую бы власть человек ни имел на Земле, он никогда не получит от неё удовлетворения, так как всё равно остаётся рабом своих желаний. А истинная власть есть власть над самим собой.

5. Глупо давать рыбу голодному, ибо он её съест и опять проголодается. Гораздо мудрее дать ему снасти и научить ими пользоваться.

6. Пока в душе живёт любовь, — разлука невозможна. Ведь главное ты знаешь, что ты любишь этого человека. Как ты можешь его утратить, если он действительно дорог твоей душе, если Память и Любовь к нему продолжают жить в тебе самом...

7. Человек — временен. Смерть кладёт конец старости и мучениям, освобождая от бремени бытия. Для любящих душ — это награда.

Ведь по большому счёту мы не становимся другими только потому, что умираем...

8. Каждый человек, по сути, не живёт своей настоящей жизнью. Он выбирает понравившийся ему образ и играет роль, причём, как правило, не одну. И настолько в неё вживается, что думает, что это и есть на самом деле его настоящая жизнь. Как любой артист, человек остаётся не удовлетворённым своей ролью и мечтает о другой роли, где он видит себя более важным. Чего бы человек ни достиг, ему кажется, что главную роль в своей жизни он ещё не сыграл. И всё время пребывает в мечтах, тешит себя этими сказками.

9. Но не проще ли прекратить мечтать и выбрать себе в жизни роль, достойную звания Человека? И быть тем, кем ты должен быть. Чтобы, засыпая, ты был спокоен, что твоя совесть чиста. Чтобы, умирая, было не стыдно за свои мысли и поступки. И чтоб стоя даже перед Богом, как говорят христиане, на Суде Божьем, тебе было что сказать. Чтобы твоя корзина с добрыми делами была полна, а с худыми делами была пуста. Вот что значит быть Человеком. Ибо жизнь слишком коротка. И даётся она для того, чтобы человек доказал Богу, что он достоин звания Человека...

10. Стань собой, своей Сущностью. Жизнь и смерть как единый поток. В потоке движет-

ся Сущность. В движенье обретает непреходящее. Никто не может по-настоящему оценить бушующий поток, не зайдя в его во́ды, ибо это есть будущее. Никто не сможет войти в одну и ту же воду дважды, ибо это есть прошлое. Есть только движение потока, ибо это и есть настоящее. Всякая вода рано или поздно достигает своего источника и становится им, возвращаясь к первозданной чистоте.

11. Одежда — это всего лишь частица единого процесса созидания и разрушения. Нет ничего глупее, чем угождать прихотям своей одежды. Ведь то, что есть суть её, запирает тебя в пределах своего узкого пространства, отдаляя от мира и погружая тебя в сомнения и страхи, порождённые этим отчуждением. Она заставляет тебя существовать ради её форм и внешних иллюзий, кои вид её создаёт для других, втягивая тебя всё в большие заботы о ней. Ведь каждая форма имеет свои правила. А правила — всего лишь совокупность контрастов.

Твоя одежда имеет предел. Она изнашивается. Ты же свободен её не носить. Но, износив одну, ты надеваешь другую одежду. Однако, не разрушая предел, гнаться за беспредельным гибельно.

12. Бессмысленно бегать за мёртвой сухой колючкой, ибо она не имеет жизни. Это мёртвое, которому нечем себя обнаружить, кроме шипов своих. Мёртвое защищает мёртвое. Мёр-

твое не превратится в живое оттого, что есть жизнь, а живое не станет мёртвым оттого, что есть смерть. И смерть, и жизнь от чего-то зависят, есть что-то, что их объединяет.

13. Глупо восхвалять того, кто в тебе видит всего лишь будущую пищу. Тебя привлекла высота полёта птицы. И ты последовал за ней, думая о своей выгоде. Но стремления птицы в полёте были другими. Хоть и высоко она парит над пустыней, но питается она её жертвами. Птица же, питающаяся падалью, не страдает от перемены своих «блюд». Ибо суть её гниль. Ты обманул сам себя. Ты увидел реальность и у тебя исчезли иллюзии. Но твоя реальность есть тоже иллюзия. Большая птица была всего лишь тенью перед сутью вещей. Вещи же имеют свойство рождаться в Бесформенном и возвращаться в Низменное.

14. Тот, кто полагается на внешнее, может лишь предполагать. Тот, кто полагается на внутреннее, имеет достоверное знание. Тело есть тлен. Суть его прах. Ты же мог обрести Мудрость вечности. Тебе достаточно было сделать шаг. Но страх гибели тлена оказался сильней. Тлен убежал. Ты остался в тоске, ибо Дух всегда стремится к вечности. Мудрость вечности нельзя постичь через тлена власть, ибо она превратит её в глупость. Убежать от страха — не значит спастись. Убить в себе страх — обрести

безупречность. Безупречность же позволяет сделать шаг на грань. Ибо только на грани осознаёшь исток Мудрости.

15. Призрак, похожий на Мудрость, только кажется Мудростью. Пустая суета начало смуты. Тот, кто хочет казаться Мудрецом, чтобы похвалиться перед другими, печально мечется в одиночестве, мечтая о славе. Но суть его есть пустота в оболочке Эго. Когда знание приходит от незнания, тогда вопросам не может быть конца.

16. Небо и солнце вершат перемены. Они способны преображать, дабы всё живое следовало своей природе. Небо и солнце преумножают полное и уничтожают пустое. Пустыня вершит движение в покое. Она мертва, но способна рождать миражи, дабы живое обманывать своими иллюзиями. Пустыня уничтожает полное и наполняет пустое. Песчинки же в массе своей следуют за движением песка, поэтому стихии определяют их направление.

17. Ты пришёл туда, куда дано тебе от рождения. Вырос в том, что было угодно твоей природе. Достиг зрелости в том, что стало твоей судьбой. И уйдёшь туда, куда будет дано тебе от смерти. Смерть всего лишь начало жизни. Жизнь всего лишь преемница Смерти. Приход жизни нельзя отвергнуть. Уход её нельзя остановить.

18. Чужой след не похож на собственный. Следы появляются там, где их оставляют. Но сами они не являются тем, кто их оставляет. Идя по чужому следу, ты гнался за внешними образами, не ведая их внутреннюю суть. Но каждый прокладывает себе тот путь, который соответствует его истинным стремлениям. Пустыня со временем заносит все следы своими песками, дабы новый Путник не совершал ошибок прошлого. Вот почему важен свой опыт. Чтобы стать Человеком, нужно проложить свой собственный путь.

19. Стопа Человека занимает малое место в бескрайней Пустыне. Но, несмотря на это, она может ступать там, где ещё никто не проходил. Ступая же там, где ещё никто не проходил, Человек способен уйти далеко и обрести большее. Познания его разума невелики, но Человек, вверяясь Неведомому, способен дойти до Того, Кто его сотворил.

20. Его можно воспринять, но нельзя передать. Можно дойти к Нему, но нельзя постичь. Его можно Любить, но нельзя объять. Его можно понять в Начале, но нельзя познать до Конца. Ибо Он есть Тот, Кто создал всё. Ибо Он есть Созидающий своей Волей.

21. Злато есть сор для души и искушение для помыслов. Это есть скверна, которую жаждут многие, но которая на самом деле есть обман призрачный. Истинная ценность сокрыта в мо-

литве искренней о душе своей. Не о сытости пуза своего и здравии тела нужно заботиться. Ибо сколько бы ты ни ел, рано или поздно всё равно проголодаешься. И каково бы ни было твоё здоровье, рано или поздно плоть твоя всё равно умрёт. Душа же вечна. И только она достойна заботы истинной.

22. Негоже волновать Господа о чём бы то ни было, кроме как о спасении души своей. Не о теле просите, не о здравии, не о животе заботьтесь своём, — всё сие есть тлен пустой, в желаниях ненасытный. Ибо нет прошения более достойного, чем прошение о спасении души своей.

23. Нет ничего невозможного для жаждущей души.

24. Кратки дни человеческие на перекрестье времён. Скорбны их дела перед ликом Господним. Уж каждое мгновение людское на чаше весов. И нет для душ более важной заботы, чем жажда обрящить спасение. Не в вере внешней, но в вере внутренней ключ к Вратам. Только слепец, ослеплённый прахом, его не увидит.

25. Дерзай, человече, истинно говорю, как не дано тебе избежать смерти, так и не дано тебе избежать Суда Божьего.

АНАСТАСИЯ НОВЫХ

Четвертое издание

ПТИЦЫ И КАМЕНЬ

Исконний шамбалы

ИД "ЛОТОС"
Киев
2009

Отрывки из произведения Анастасии Новых «ПТИЦЫ И КАМЕНЬ. ИСКОННЫЙ ШАМБАЛЫ»

* * *

Дни пробегали, мгновения улетучивались, а Макс всё колебался, как маятник из стороны в сторону, от материального к духовному. Его мятежная сущность никак не могла обрести точку опоры. Он метался в поисках ответов на свои вопросы. Натыкался на разные варианты. Подвергал одно за другим сомнению и вновь оставался один на один с теми же вопросами. Это становилось его естественным состоянием. Однако, пребывая рядом с Сэнсэем, он ощущал себя другим. Он не мог ничего объяснить, но чувствовал необычное спокойствие... Иногда Макс слушал Сэнсэя, но совершенно не слышал его. Скорее, ему нравилось просто звучание их обоюдного диалога. Но бывали и такие моменты, когда Эго отпускало свои узды, и Макс не только слышал, что говорил Сэнсэй, но и чувствовал, как трепещет его собственная душа, наполняя тело необыкновенной радостью. Такие моменты и всплывали сейчас из глубинной памяти. Моменты встреч, где важны были даже не сами слова, а то, что происходило в душе, какой-то внутренний всплеск, во время которого разум заполняла любовь ко всему сущему, а животное начало временно уступало свои позиции.

Макс снова чётко услышал слова Сэнсэя, уводящие его в те незабываемые мгновения прожитой жизни. В тот день после тренировки он со своим другом остался на дополнительные занятия исключительно ради интереса поболтать с Сэнсэем.

А начались эти нерегулярные посещения дополнительных занятий с того, что однажды, случайно задержавшись после обычной тренировки, Макс услышал, как личные ученики Сэнсэя обсуждали между собой довольно-таки интересную для Макса духовную практику «Цветок лотоса». Его поразило, что это была не просто медитация. Это была практика, которая привела к духовному пробуждению самого Сиддхартхи Гаутамы, сотворив из него богоподобное существо — Будду. Именно ею владели избранные фараоны Древнего Египта. Отголоски совершенства данной практики восхвалялись в индуистских книгах, написанных ещё на санскрите, в трактатах китайских мудрецов, в эпосе Древней Греции. Такую информацию Макс просто не мог пропустить. Его привлекало здесь всё одновременно: и древность, и таинственность, и божественная святость, которой достигали те, кто занимался этой практикой. Он расценил её как возможность преобразовать себя и главное — стать значимым в этом мире.

Макс пристал к Сэнсэю с расспросами о данной духовной практике. И, добившись своего, побежал домой, радуясь, как воришка украденному сокровищу. Первые три дня он старательно всё выполнял и у него, как ни странно, эта практика получалась гораздо лучше, чем другие медитации по внутреннему созерцанию, которые Сэнсэй давал на занятиях по восточным единоборствам. Потом Макс отвлёкся на текущие проблемы материального бытия и его желание заниматься духовной практикой потухло. Вскоре и быт заел до основания. Для Макса наступил дежурный период уныния, во время которого он снова стал предпринимать безрезультатные попытки взрастить в себе «цветок». И поскольку ничего не получалось, он побежал к Сэнсэю «плакаться в жилетку» и вновь искать ответы на свои безутешные вопросы.

— Сэнсэй, где же я ошибся? Вроде делал всё правильно... В состоянии покоя представил, что сажаю внутрь себя в области солнечного сплетения зерно. Затем стал «подпитывать» его силой Любви, держал позитив мыслей в голове... Вначале я даже почувствовал какую-то лёгкую вибрацию в районе солнечного сплетения, представил, вроде как оно у меня проросло... А потом прошло несколько дней — и ничего... Даже этой самой первичной теплоты не могу почувствовать...

— Ну правильно. Когда ты делал всё именно с чувством Любви, у тебя получалось. А когда отвлёкся и попытался делать только умом, у тебя ничего не вышло. Это естественно. «Цветок лотоса» — это постоянный контроль и постоянное вожделение Любви. Для того чтобы взрастить «цветок», нужно всегда настраивать себя на любовь к Богу, ко всему сущему. Поддерживать это внутреннее состояние, несмотря ни на какие перипетии судьбы. И я ещё раз подчёркиваю — нужно растить «цветок» не мыслями, а искренним чувством. Суть этой духовной практики заключается в пробуждении чувства Любви с последующим его усилением и постоянным, повторяю, постоянным сохранением, вплоть до проявления физического ощущения в области солнечного сплетения.

— А почему именно там? Это вообще как-то объясняется с точки зрения физиологии человека? — понесло Макса в расспросах.

Сэнсэй еле заметно усмехнулся. В это время к ним на лавку подсел Володя. А так как время дополнительных занятий подходило к концу, за ним потянулись и другие ребята.

— Можно объяснить и с точки зрения физиологии человека, так сказать на самом грубом, примитивном уровне, — ответил Сэнсэй.

— А почему физиология — примитивный уровень? — со своей любимой издёвкой спросил Макс, чувствуя, что его персона находится в центре всеобщего внимания.

— О, ещё какой примитив! — улыбнулся Сэнсэй. — Человек на самом деле — чистейшая физика, сплошные

формулы движения энергий. И вся его химия проистекает именно оттуда. А то, что я пытаюсь тебе объяснить, — это всего лишь самый примитивный расклад на пальцах в виде твоих физиологических ассоциаций.

— Я бы тоже с большим удовольствием лишний разок послушал об этом «примитивном раскладе», — пробасил Володя. — Хотя в твоём исполнении «лишний разок» никогда не бывает лишним. Всё время слышу какое-то новенькое дополнение.

— И я того же мнения, — промолвил Стас, высокий парень атлетического телосложения.

Его друг Женька, не уступающий ему по росту и габаритам, привстал с лавочки и в шутку торжественно потряс руки Стасу и Володе.

— Абсолютно с вами согласен.

— Ну, раз пошла такая петрушка, то поехали, — махнул рукой Сэнсэй. — Повторим урок из прошлого. Итак, все вы представляете, что такое солнечное сплетение. — Он остановил взгляд на Максе, который растерянно кивнул, не сказав ни да ни нет. — Так, понял. Данное сплетение, которое ещё называют чревным сплетением, представляет собой совокупность различной величины и формы нервных узлов, связанных между собой большим количеством соединительных ветвей разнообразной длины и толщины. Оно очень варьируется как по количеству подходящих к нему нервных стволов и входящих в его состав узлов, так и по форме этого мощного конгломерата. В своём центре солнечное сплетение больше напоминает соединённые вершины треугольника. А по общей внешней форме — чаще всего неровный круг, так как нервы от солнечного сплетения радиально расходятся во все стороны к органам брюшной полости, как свет от солнца. Ну и, естественно, там имеется множество нервных окончаний. Солнечное сплетение относится к самым крупным вегетативным сплетениям. Его даже называют «брюшным мозгом».

Так вот, что происходит, когда человек выполняет духовную практику «Цветок лотоса»? Если процесс циркуляции внутренних энергий образно спроецировать на физио-

логию человека, то получится следующая картина. При целенаправленной концентрации внимания на солнечном сплетении с чувством, подчёркиваю, положительным чувством, происходит раздражение нервных окончаний, в том числе и nerva Vagusa, одного из двенадцати пар черепных нервов, или так называемого блуждающего нерва. Кстати, хочу обратить ваше внимание, что в образовании солнечного сплетения в качестве парасимпатической его части принимают участие как правый, так и левый блуждающий нерв. Более того, в состав сплетения входит большей своей частью общий задний ствол обоих блуждающих нервов. Теперь возвращаемся к нашему сосредоточению. После раздражения блуждающего нерва сигналы передаются по нему в головной мозг. И проходя через распределительные узлы, попадают в гипоталамус.

— Гипоталамус? — встрепенулся Макс и уже явно заинтересованно спросил: — Это не тот, что называют «древним мозгом» или «змеиным мозгом»?

— Да, — подтвердил Сэнсэй. — И «первичным мозгом», и «мозгом динозавра», и «мозгом рептилий», как его только не называют. Гипоталамус действительно одно из древнейших образований. Прообраз гипоталамической области существует даже у хордовых, то есть самых примитивных из всех позвоночных. В человеке же гипоталамус можно сказать доведён до совершенства.

— А почему его называют именно мозгом рептилий, динозавров, а не, к примеру, мозгом хордовых или амфибий?

— Понимаешь в чём дело, именно во времена древнейших рептилий, поскольку это были первые по-настоящему наземные позвоночные, гипоталамус пришлось значительно усовершенствовать и дифференцировать с учётом адаптации для наземного существования. А человеческий вариант гипоталамуса — это всего лишь надстройка над базовой разработкой гипоталамической области древнейших рептилий. И разница между ними... ну, скажем, как между моделью первого ЭВМ и моделью современного компьютера. В принципе одно и то же, но совершенно другие возможности...

— Нормально, — только и ответил Макс, поражённый услышанным.

— Так вот, вернёмся к нашему человеческому гипоталамусу. Чтобы понять, что именно там происходит после передачи возбуждения, давайте вспомним сначала, что представляет собой гипоталамус, хотя бы то, что известно о нём на сегодняшний день. Гипоталамус — высший центр, в котором собираются все данные о внутреннем состоянии организма. Он словно посредник между нервной системой, внутренними органами, тканевыми жидкостями и, я бы ещё добавил, преобразователь энергии. Получая нервные импульсы из мозговой коры, гипоталамус перешифровывает их на язык, понятный жидкостным средам организма.

— А это как?

— Ну, меняет там соотношение, концентрацию в них гормонов, ферментов, солей и так далее. Между прочим, ни одна часть головного мозга не находится в таком привилегированном положении по снабжению кровью, как гипоталамическая область. Химические вещества, поступающие из крови, постоянно сигнализируют, в каком состоянии находятся внутренние органы и системы в каждый отдельный момент. Проще говоря, гипоталамус — это хороший управляющий, который отлично ладит как с хозяином предприятия, так и с рабочими, и умело распоряжается вверенными ему ресурсами. Оттого и предприятие работает как единый механизм. В общем, этот управляющий обеспечивает предприятию полный гомеостаз.

— Гоме... чего, чего? — тихо переспросил Макс у сидящего рядом Женьки.

Тот еле заметно улыбнулся и так же тихо, на полном серьёзе ему ответил:

— Таз, конечно. Что, не слышал такое выражение? Это когда на предприятии давно не было налогового инспектора.

— А-а-а, — многозначительно протянул Макс и растерянно добавил: — Да, теперь припоминаю.

Сэнсэй, услышав это, улыбнулся:

— Гомеостаз — это постоянство внутренней среды организма.

Он посмотрел с лёгким укором на Женьку. Но тот состроил невозмутимое лицо и стал оправдываться:

— А я чё? Я так и сказал. Когда на предприятии постоянство внутренней среды? Когда там давно не было налогового инспектора.

Ребята засмеялись, а Сэнсэй безнадёжно махнул рукой в его сторону.

— А кто же хозяин организма? — поинтересовался Макс у Сэнсэя, с опаской косясь в сторону Женьки.

— Эпифиз, — просто ответил Сэнсэй, словно само собой разумеющееся. — Итак выяснили, что гипоталамус — главный подкорковый центр вегетативного обеспечения и контроля. Он принимает самое активное участие в регулировании деятельности сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, температуры тела, биохимии организма, также регулирует биоритмы, чувство голода, аппетита, жажды, влияет на половое поведение и так далее. Ну и, конечно, гипоталамус координирует самые разнообразные формы нервной деятельности, начиная от состояния бодрствования, сна и заканчивая формированием положительных и отрицательных эмоций, поведением организма во время реакции адаптации... Но, как говорится, это всё к сведению, чтобы вы лучше понимали последующее. Теперь о главном. Именно в гипоталамусе находятся два древнейших центра. Если на черепную коробку смотреть сверху, то эти центры в совокупности с шишковидной железой составляют своеобразный внутренний треугольник, вершина которого — эпифиз. В разные времена они назывались по-разному, но суть их от этого не менялась. Одно из их названий, упоминающихся в древних рукописях, — «агатодемон» и «какодемон». Агатодемон стимулирует рождение положительных мыслей, а какодемон — рождение отрицательных мыслей.

— Как, как? «Демон»? — переспросил Макс. — Это что в переводе типа «дьявол»?

— В переводе с греческого «демон» (daimon) означает «божество», «дух». А уже позже христианство позаимствовало это слово у греков и наделило его таким определением, как ты сказал.

— А «како»? — вновь спросил Макс.

— «Како» оно и есть «како», — пошутил Сэнсэй. — Приставка «како» происходит от греческого «kakos», что означает «плохой».

— Вот! И я всегда говорил о многофункциональности этого интернационального слова, — весело подметил Женька.

Ребята опять рассмеялись.

— Значит, если «како» — «плохой», то «агато», следовательно, — «хороший»? — уточнил Макс.

— Совершенно верно, — «благой». Между прочим, это определение центра положительных мыслей было известно ещё древним египтянам. И отнюдь не случайно в Древнем Египте появился медальон, ставший позже талисманом, названный в греко-египетской традиции «агатодемоном». На нём было изображение змеи с головой льва и семью сияющими звёздами (которые позже переделали в короны).

— Так получается, греки эти знания переняли у египтян? — спросил Володя.

— Да. И если у египтян хоть что-то присутствовало из разряда первоначальных знаний, то греки, позаимствовав, превратили знания в мифологию. Так в греческой традиции появился агатодемон — добрый дух, следующий за человеком в течение жизни. Он считался посредником между людьми и богами.

— И сделав из внутреннего внешнее, люди его утратили, — с улыбкой прокомментировал Володя, используя выражение Сэнсэя.

— Совершенно верно.

— Так мысли рождаются именно в гипоталамусе? — Макс поспешил вернуться к разговору на столь интересующую его тему.

— Ну не в самом куске материи, как ты думаешь, — ответил Сэнсэй. — Я же сказал, это образное сопоставление, проектирование энергий на материю. Мысли рождаются не именно в веществе мозга под названием гипоталамус. Они рождаются в этих центрах, о которых я говорил. А данные центры — своеобразные чакраны тонкой материи, из природы которой и состоят наши мысли. И если тебе

удалят данный участок мозга, то у тебя будут наблюдаться нарушения определённых психических функций мышления, восприятия, памяти и так далее, но мыслить ты от этого не перестанешь.

— Ясно.

— Данные центры — своеобразные полупроводники между тонкой материей и нервной системой. Они принимают сигналы нервной системы, переводя их в тонкую материю, и в то же время сами могут кодировать информацию в сигнал и, что называется, посылать по нервным путям «приказ мысли»... Добавлю к этому уже известные вам сведения, что при возбуждении как положительных эмоций, так и отрицательных преобладает активность парасимпатического отдела нервной системы, один из важнейших нервов которого — блуждающий нерв.

Вернёмся теперь к началу. Что происходит при выполнении духовной практики «Цветок лотоса»? Когда в гипоталамус поступает раздражение от блуждающего нерва, вызванное именно таким сосредоточением положительных чувств, то эти нервные сигналы, в свою очередь, проходят через оба центра. Причём наряду с большей стимуляцией агатодемона происходит также и менее выраженная стимуляция какодемона. При стимуляции центра агатодемона данной разновидностью энергий, скажем проще, энергией «Любви», человек ощущает состояние блаженства, всеобъемлющей радости.

Теперь рассмотрим случай с Максом. Через нечто подобное, в принципе, проходят почти все начинающие. Стоит человеку ослабить своё внимание или полностью отвлечься на своё животное чувство, как происходит всплеск, накопленный одновременной стимуляцией центра какодемона. Это выражается сначала в виде появления отрицательных мыслей, возбуждением отрицательных эмоций. Отсюда рождаются сомнения. А когда ты, прошу особо отметить, придаёшь этим мыслям свою силу, внимание, то, как следствие данного синтеза, происходит возбуждение ряда других центров нервной системы, из-за чего человек впадает в депрессию, появляется угнетающее, подавленное

настроение или агрессия. Затем этот процесс захвата твоего внимания отрицательными мыслями ещё больше усугубляется, тем самым сильнее стимулируя центр какодемона. Получается замкнутый круг. И человек, как говорится, вновь попадает в сети своего животного начала.

— А как же разорвать этот замкнутый круг? — поинтересовался Макс.

— В том-то и весь фокус! Мозг человека с рождения настроен на частоту животного начала, хотя это самая примитивная программа из всех его возможностей. Центр какодемона практически постоянно стимулируется человеком, который живёт обычной жизнью, не принимая участия в развитии своего духовного начала. Поэтому в данном индивиде устойчиво присутствуют такие элементы, как зависть, злоба, ненависть, жадность, корысть, ревность, страх, эгоизм и так далее. У кого-то они более выражены, у кого-то — менее. Но изо дня в день эти люди сами себя кусают за собственный хвост и от этого укуса ещё больше страдают. Стимуляция агатодемона у них происходит крайне редко. В основном лишь в виде незначительных раздражений данного центра и то на очень короткий промежуток времени. Причём с последующим подавлением этого всплеска более простимулированным центром какодемона.

А вот люди, идущие по духовному пути, целенаправленно занимаются стимуляцией центра агатодемона. К чему это приводит? Возьмём, в частности, «Цветок лотоса», поскольку именно его схема работы в организме человека является итогом любого духовного пути, скажем так — приводящего к одним и тем же внутренним Вратам. Итак, если правильно выполнять «Цветок лотоса», контролировать свои эмоции, мысли, силу своего внимания и постараться большую часть времени, а ещё лучше постоянно пребывать в состоянии Любви, локализуя это чувство в области солнечного сплетения, то можно добиться следующего. Постоянное раздражение и стимуляция центра агатодемона усиливает его работу, включая определённые механизмы, которые заглушают малую побочную стимуляцию центра какодемона... Тут уже идёт чистая физика, поэтому я не

буду вдаваться в непонятные для вас подробности. Короче, если опять-таки образно выразиться на языке физиологии, происходит нечто похожее на полное или частичное торможение участка какодемона. В результате освобождается энергия, которая резко усиливает работу агатодемона, что в свою очередь приводит к всплеску, активно стимулирующему работу шишковидной железы. Её ещё называют эпифизом или пинеальной железой. И именно в результате работы эпифиза в обновлённых условиях, проще говоря, изменения волновой частоты, у человека и открывается духовное видение, или, как называют на Востоке, «Третий Глаз». Ну, а это в свою очередь уже способствует пробуждению колоссальных сил души. Человек не просто меняется внутренне, ему открывается кладезь настоящих знаний, реалии высших миров...

Сэнсэй умолк.

— И всё-таки я не понимаю, — проговорил Макс, пожимая плечами, — как какая-то шишковидная железа может так глобально преобразовывать человека? Я ещё допускаю центральная нервная система. Но эпифиз?!

— ЦНС действительно занимает одно из привилегированных мест в системе управления организмом. Но хозяин всего внутреннего — именно эпифиз. Это своеобразный орган высшего контроля, который оказывает своё значительное влияние только тогда, когда в человеке происходят по-настоящему глобальные изменения. А если этого нет, он просто «наблюдает», время от времени контролируя общий настрой структур мозга, корректируя его работу: либо активизируя, либо подавляя те или иные процессы. Но самое главное, именно в эпифизе содержатся информационные матрицы, своеобразные голограммы, в которых хранится информация обо всем, что касается данного индивида, в том числе и о его предыдущих жизнях. Это самый секретный «сейф» памяти, имеющий «двойное несгораемое дно», поскольку является ещё и чакраном. Всё, что ты видишь за жизнь, ощущаешь, переживаешь, в общем всё твоё внутреннее и внешнее фиксируется именно в шишковидной железе. Это своего рода внутренний Страж Врат,

который всегда всё знает о тебе, все твои тайные и явные желания. Кстати, у первых последователей Христа эта информация интерпретировалась как личная страничка в книге жизни в руках у Бога, где записывалось всё о человеке... И поэтому, если в тебе преобладает животное, мыслишки о неустанном накоплении материального, то как бы ты внешне не занимался показухой своей «ангельской» натуры, все твои старания будут «до лампочки». Врата могут открыться только через духовное, постоянное искреннее желание, наполненное твоей чистой Верой и Любовью... И вот ещё что интересно. Этот Страж не просто фиксирует помыслы и деяния человека, но и усиливает то, что доминирует в мыслях. То есть, если ты переключаешь своё внимание на негативное восприятие, — Страж будет поддерживать в тебе негатив, усугубляя то, что имеешь. Если переключишь на добро, — Страж будет усиливать в тебе эти чувства.

— А эпифиз такой же древний, как и гипоталамус? — поинтересовался Макс.

— Безусловно. Эпифиз, как и гипоталамическая область, — древнейшие образования. Эпифиз имеется у всех позвоночных, хотя и неодинаков по своей организации. К примеру, у низших позвоночных животных (ящериц, амфибий, некоторых видов рыб) шишковидная железа представлена парным органом в виде внутримозговой и поверхностно расположенных частей.

— Поверхностно расположенных? — переспросил Стас. — А это как?

— Ну в виде третьего, так называемого теменного глаза, находящегося непосредственно под кожей и крышкой черепа.

— И что, ящерица видит через этот теменной глаз?

— А как же! Там имеется и своеобразный хрусталик в виде верхней стенки глазного пузырька, и полость, заполненная светопреломляющим веществом, и пигмент, — всё как положено.

— Она что, видит прямо через кожу? — удивился Макс.

— Да. Эпифизарная роговица, то есть кожа над теменным глазом, — она ведь прозрачная. А высшие позвоночные обладают непарным эпифизом. У человека вообще данная шишковидная железа, находящаяся в задней части третьего желудочка между буграми четверохолмия, представляет собой нечто уникальное и особенное. Эпифиз человека, по сравнению с этим органом других высших позвоночных, был существенно преобразован в связи с двойственностью индивида: материальной и духовной. Поэтому эпифиз является не только хозяином тела человеческого, но и вратами в духовный, более высший мир, своеобразным порталом. Так что любое изменение состояния сознания проходит именно под контролем эпифиза.

— А как он выглядит, этот эпифиз? — задумчиво проговорил Макс.

— Да такое небольшое шероховатое образование треугольно-овальной формы, несколько уплощённое в переднезаднем направлении. На вид серовато-розовый, хотя цвет может изменяться в зависимости от степени наполнения кровеносных сосудов. А на вес... у каждого, конечно, индивидуально. Но где-то в среднем 0,130 грамма. Хотя у совсем потерянных личностей его вес может быть гораздо меньше, иногда достигает всего лишь 0,025 грамма. А у духовно развитых людей бывает и 0,430 грамма, и более. У кого как.

— Надо же, такой маленький, а такой крутой! — удивился Макс.

— Ты рассуждаешь чисто субъективно, меряешь привычной материальной меркой. А если рассматривать объективно, по существу, то размеры в пространстве для энергетических объектов особой роли не играют. Вот, к примеру, частица «По». Она настолько мала, что до неё до сих пор не могут докопаться современные учёные со всеми их передовыми технологиями. Но из её наложений соткано всё: не только мы, но весь бесконечный Космос со всеми галактиками. Так что, по сути, размеры — понятие относительное.

— А эпифиз как-то растёт в течение жизни?

— Как сказать... Вес эпифиза постоянно нарастает до достижения человеком десяти — четырнадцати лет, то есть до периода полового созревания. Затем происходит существенный всплеск жизненной энергии — праны. И начиная с этого времени, если человек грязнет в материальном, как свинья в луже, вес эпифиза практически не изменяется. А если работает над собой духовно — это уже другой вопрос... Подними хотя бы медицинскую литературу о проявлении у людей, в том числе и детей, необыкновенных умственных способностей при увеличенной пинеальной железе, и ты сам всё поймёшь.

— Но если эта шишковидная железа столь важна в человеке, почему о ней нигде нет такой информации? — с лёгким упрёком произнёс Макс.

— Ну, как это нет?! — возмутился Сэнсэй. — А ты кардинально искал? Ведь нет же! Удивительно, как люди обожают утверждать, что нигде нет упоминаний, абсолютно не прилагая усилий для поиска. Запомни, Макс: кто ищет, тот всегда найдёт, кто стучится, тому отверзнется.

А про шишковидную железу знали давно и именно как железу, а не какое-то другое образование. Возьми хотя бы древнюю Индию. За две тысячи лет до нашей эры там был целый расцвет учения об эпифизе. Уже тогда знали, что данная железа является в человеке не только органом ясновидения, памятью о прежних воплощениях души, но и основным чакраном концентрации высших энергий... Более того, эти же знания имелись ещё раньше, в Древнем Египте у первых фараонов, хотя в несколько иной интерпретации. О шишковидной железе знали и в Древнем Китае, в том же Тибете. Кстати, там издревле существовал ритуал сожжения умерших высоких духовных лиц, после которого ближайшие ученики начинали отыскивать в пепле так называемое рингсэ. Это твёрдое вещество, больше похожее на янтарный камушек. По нему ученики судили о степени духовности своего Учителя. Считалось, чем оно больше, тем духовно выше был умерший человек. Так вот, рингсэ — не что иное, как мозговой песок эпифиза. Этот песок до сих пор остаётся загадкой из загадок для современных учёных.

А в древнем Тибете о нём уже знали как о месте накопления психической энергии...

Так что о шишковидной железе было известно очень давно. Только называли этот орган по-разному. В принципе, шишковидной её начали называть со второго века нашей эры, когда древнеримский врач Гален сравнил её с сосновой шишкой. Так оно и пошло. В переводе на латинский язык эпифиз стали называть glandula pinealis, по названию итальянской сосны — пинии.

— А эпифизом?

— Эпифиз — это уже греческое название «epiphysis», что означает «приросток».

— Да, запутаться можно с этими «обзываниями», — пошутил Женька.

— Но самое интересное в том, что чем больше люди отдалялись от древних познаний, чем интенсивнее развивалась ортодоксальная медицина, тем быстрее утрачивались настоящие знания о функциях этой железы. Эпифиз длительное время вообще считали рудиментом. Хотя пытливые умы всё равно, так или иначе, докапывались до истины. Взять хотя бы Рене Декарта, жившего в начале семнадцатого века. Замечательный человек! Неудивительно, что с его умом и стремлением к самосовершенствованию он был и философом, и математиком, и физиком, и методологом наук одновременно. Так вот, он тоже высказал мнение о том, что душа имеет своё местонахождение в маленькой шишковидной железе, расположенной в центре мозга. Скажем так, он был близок к истине и почти докопался до сути... Более того, ещё в те времена Декарт указывал на наличие функциональной связи между шишковидной железой и зрительной системой, что было доказано гораздо позже.

— Ты думаешь, людям когда-нибудь удастся научно доказать связь эпифиза с душой? — недоверчиво спросил Макс.

— Вполне. Ведь сейчас уже ведётся интенсивное изучение эпифиза, хотя только на стадии химизма. Но уже признаётся его ведущая роль в организме как важнейшего

звена нейрогуморальной системы и нейроэндокринного органа. Ни у кого уже не вызывает сомнения, что эпифиз — главный посредник между внешней и внутренней средой организма, обеспечивающий регуляцию жизнедеятельности всех органов и систем в зависимости от условий обитания, то есть смены дня и ночи, времён года, температуры, влажности, активности электромагнитного поля Земли, уровня ионизирующей радиации и так далее. Известно, что именно шишковидная железа оказывает значительное влияние на поведение, в частности на исследовательское поведение, способность к обучению, память, локомоторную и судорожную активность, половое и агрессивное поведение. Уже открыли не только взаимодействие шишковидной железы с гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковым комплексом, но и наличие эпиталамо-эпифизарной системы как параллельного дублирующего механизма при чрезвычайных ситуациях. Изучают иннервацию эпифиза с верхними шейными позвонками, то есть симпатическими нервами. Предпринимаются попытки изучить его связь с парасимпатикой. Отмечается влияние шишковидной железы на иммунитет, на нейроэндокринные железы... Благодаря последним достижениям науки, людям стала доступна информация о гистоструктуре, химическом составе, о некоторых эпифизарных гормонах и гормоноидах. Ведётся изучение частотных характеристик шишковидной железы...

Но это только старт к познанию загадочного во многих отношениях органа. Всё изученное на сегодняшний день — всего лишь соринка на поверхности воды. Люди пока даже не знают, что эта вода — океан, не говоря уже об отсутствии сведений о свойствах самого океана. Хотя медицина будущего, если, конечно, такое будущее настанет, раскроет тайну эпифиза. Это, в принципе, не так уж сложно. Достаточно научиться считывать информацию с его голограмм. Но если людская наука успеет добраться до этого, то мир перевернётся.

— В какую сторону?

— Всё зависит от людей. Если сейчас люди копаются в изучении материального мира и грубых энергий, меха-

низмов его управления, то, расшифровав структуры и информацию голограмм эпифиза, люди смогут научиться управлять и тонкими энергиями...

— Да... Я, наверное, не доживу до столь просвещённых веков, — пошутил Макс.

— А зачем тебе их ждать? — таким же тоном ответил Сэнсэй. — Кто захочет, тот всегда отыщет эти знания в себе, причём в любое время, вне зависимости от общего уровня просвещения человечества. То, что пытаются сейчас сделать люди сообща, с помощью своей науки — всего лишь попытка, мягко говоря, достать правой рукой левое ухо. Несколько усложнено, но как занимательно... Древние знали более короткий путь — через своё внутреннее. Ведь по большому счёту суть не в том, чтобы дотянуться до уха, а понять, что это за орган и как им пользоваться.

Для отдельно взятой личности всегда важнее проходить через своё внутреннее, чем бестолково созерцать внешнее. Ведь, в принципе, если кто-то, трудясь над собой, достигнет каких-то духовных высот, то лично тебе легче от этого не станет. Ведь каждый должен самостоятельно трудиться на своём внутреннем поле, чтобы обрести ценный для себя урожай.

А инструментов для возделывания своего духовного всегда было в изобилии. Выбирай, какой хочешь. Но, работая с ними, так или иначе человек всегда приходил к одному и тому же результату — через взращивание силы Любви с преодолением в себе животного (древнего дракона), то бишь гипоталамуса, к стимуляции эпифиза. Это закономерность, которая и была отражена в самой первой, изначальной духовной практике «Цветка лотоса» из науки «Беляо Дзы», адаптированной в своё время для людей. А всё, что наросло потом, — всего лишь различные усложнённые комбинации данной практики, которые, в итоге, так или иначе приводят к первоначальному зерну.

— Ну, в частности, понятно, — кивнул Макс, поскольку ему показалось, что Сэнсэй скорее объяснял ему, чем ребятам. — Но, по большому счёту... ничего не понятно. Как «Лотос» мог стать основой всего, если в мире масса

самых разнообразных путей? В моей голове, например, «Цветок лотоса» больше ассоциируется с буддизмом. Но есть же и христианство, и мусульманство, и, я знаю, кришнаиты. И если тут, как ты говоришь, динамическая медитация, то там идут молитвы, какие-то словесные вдалбливания в подсознание. Это совершенно другое воздействие на организм!

— Как тебе сказать... Первоначальное воздействие другое, — промолвил Сэнсэй. — Однако это лишь различные способы избавления от отрицательных мыслей, от своего животного. Но последующий путь к пробуждению души у всех одинаков.

Вот возьми христианство, к примеру то же Православие. В духовной практике для достижения состояния святости там используется древняя внутренняя молитва, называемая в христианстве как «непрестанная молитва», «умная молитва» или «сердечная молитва», но больше она известна как «Молитва Иисусова». Состоит она всего из нескольких слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Или сокращённо: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». И, в принципе, она приводит к тому, что человек, постоянно повторяя её «устами, затем умом, а после сердцем», постепенно погружается в то состояние, которое достигается в «Цветке лотоса». Многие люди с её помощью пришли к пробуждению души.

Эта молитва очень сильная и действенная. Подробно она расписана в старинной книге «Добротолюбие». Для людей умных и сведущих в духовных таинствах данное произведение — вторая книга после «Евангелия». В ней излагаются советы и наставления двадцати пяти мужей, которые описывают практику по этой молитве. И хотя им всем и приписывают «святость», но, к сожалению, лишь немногие из них в действительности её достигли, познав таинство внутренней молитвы. Старцы описывают три ключа этой молитвы: частое повторение имени Христа и обращение к нему, внимание к молитве или, проще говоря, полное сосредоточение на ней без посторонних мыслей, и, наконец, уход в себя, что считается церковниками великим таин-

ством этой молитвы и называется ими «вхождением ума в сердце».

В принципе, это религиозный, более длинный путь к чистому знанию, то есть к тому же пробуждению в «Цветке лотоса», раскрытию души. Но на этом пути в христианстве, заметьте именно для начинающих, а не для людей, уже следующих этой молитве, применяется определённые религиозные правила. Им запрещают начинать практиковать без соответствующего руководства, то есть живого наставника. Мотивируют это тем, что якобы те, кто будет без наставника читать эту молитву, попадут «вдруг во власть каких-то неуправляемых психических состояний».

А фактически, ничего там страшного нет, поскольку начинающий проходит самый обыкновенный аутотренинг, самодисциплинируя себя, самые первые ступеньки в медитации, учится концентрировать своё внимание на молитве, убирая все посторонние мысли и постепенно увеличивая время её исполнения. Так что, по большому счёту, те этапы, что проходит начинающий, произнося эту молитву «устами, а затем умом», — это попросту вбивание её в подсознание, чтобы легче было бороться со своим животным началом, концентрируясь именно на молитве и добиваясь тем самым «чистоты помыслов».

Многие приступают к данной внутренней молитве либо из-за страха «мук адовых», либо из-за личной корысти в будущем. Хотя те святые мужи, которых эта молитва действительно привела к открытию собственного внутреннего храма души, писали, предупреждая, что «боязнь муки адовой есть путь раба, а желание награды в Царствии, — при этих словах Сэнсэй глянул на Макса каким-то необычным, проницательным взглядом, у Макса даже мурашки по спине пробежали, — есть путь наёмника. А Бог хочет, чтобы вы шли к Нему путём сыновним, то есть из любви и усердия к Нему вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с ним в душе и сердце». Бога можно постичь только с помощью внутренней, чистой Любви. В Иоанне в 4 главе 18 стихе упоминается: «В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе

есть мучение; боящийся не совершенен в любви». Как писал в своих наставлениях Григорий Синаит в «Добротолюбии», в первой части на странице, — Сэнсэй прикрыл глаза, припоминая, — на странице 119 об Иисусовой молитве: «Эту одну возлюби и взревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда не мечтательным. С нею не бойся ничего; ибо Тот, Кто сказал: дерзайте, Аз есмь, не бойтеся, — Сам с нами». «Иже будет во Мне и Аз в нём, той сотворит плод мног», — как сказано в «Новом Завете» Иоанном в 15 главе 5 стиха.

Так вот, первые два этапа молитвы «устами и умом» — это всего лишь прелюдия. Самое же большое таинство у церковников считается «снишествие ума в сердце», когда «имя Иисуса Христа, сходя в глубину сердечную, смирит змия пагубного, душу же оживотворит», когда молитва «опускается умом в сердце и сердце начинает её произносить». Это есть, в принципе, переход от словесного к чувственному, проще говоря, начало медитации. Ибо медитация есть не что иное, как работа именно на чувственном уровне без слов.

Сведущий человек, читая «Добротолюбие», отметая религиозную шелуху, поймёт в чём суть этого пути и взгляд его отыщет нужное. К примеру, Симеон Новый Богослов в 68-м Слове «Добротолюбия», излагая способы «вхождения в сердце», писал: «Три вещи надлежит тебе соблюсти прежде всего другого: безпопечение о всём, даже благословном, а не только не благословном и суетном, или иначе умертвие всему, совесть чистую во всём, так чтобы она ни в чём не обличала тебя, и совершенное беспристрастие, чтобы помысл твой не клонился ни к какой вещи». Это есть первейшие основы к раскрытию души.

В «Добротолюбии» можно найти разные способы, с помощью которых познававшие таинство внутренней молитвы достигали «умом вхождение в сердце».

— А почему разные? — поинтересовался Макс.

— Ну, каждый человек по-своему индивидуален, так сказать у каждого своя ширина шага... Так вот, одни, сосредотачиваясь на сердце, пытались умом вообразить, как с

каждым ударом сердца произносится молитва. Другие упражнялись в дыхании, произнося на вдохе: «Господи, Иисусе Христе», а на выдохе — «помилуй мя!» и, опять-таки, сосредотачивая эти слова на сердце. Третьи просто занимались самосозерцанием. К примеру, тот же Григорий Синаит упоминает так: «...низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там: и оттоле взывай умно-сердечно: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!» Удерживай при этом и дыхание, чтоб недерзостно дышать, потому что это может рассеивать мысли. Если увидишь, что возникают помыслы, не внимай им, хотя бы они были простые и добрые, а не только суетные и нечистые». Или, к примеру, Никифор Монах во второй части «Добротолюбия» советует, если не получается с помощью дыхания во внутрь, то «...понудь себя, вместо всякой иной речи (мысли), это одно вопить внутри. Продержись терпеливо в этом делании только несколько времени, и тебе откроется через это вход в сердце без всякого сомнения, как и мы сами опытом это дознали».

Всё это замечательно. Но они сосредотачивались на сердце. Поэтому в скором времени те, кто практиковал внутреннюю молитву, начинали чувствовать боль в этом органе. И на такой острый крючок многие попадались. В каком плане? Сердце — это мышца, мотор организма, там никогда не было души. Сердце должно работать автономно. И сосредоточение на этом органе — огромный риск. Риск в чём? Если у человека во время сосредоточения появляются хоть малейшие сомнения, если он упражняется в этой молитве ради праздного эксперимента, не меняя глобально свою внутреннюю жизнь, не приняв твёрдого решения следовать своей душе, то есть не пробуждая в себе истинной веры в Бога, а просто играет ею по прихоти своего хорошего настроения, то может схлопотать себе хорошенький инфаркт. Но истинно духовные люди со стойкой верой, искренней, чистой любовью к Богу, проходили и этот этап, хотя и не безболезненно для сердца, пока не уходили в глубь души, в область солнечного сплетения. Они ощущали, как их сознание словно опускается туда. И именно оттуда начинали чувствовать тепло, растекающееся из груди

по всему телу и вызывающее приятные ощущения. Как писали святые мужи, «возгорался костерок, который охватывает изнутри тебя пламенем Любви Божьей». Проще говоря, начинал работать чакран солнечного сплетения. И человек чувствовал, как из груди исходила вибрация, тёплая волна, которая как бы несла в себе эти слова из глубины души: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». Человек ощущал в себе излияние Любви Божьей и сам усиливал эту Любовь своим последующим сосредоточением на ней. «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Как написано в изречениях Феолипта Митрополита во второй части «Добротолюбия»: «Уединившись внешне, покушайся далее войти во внутреннейшее стражбище (сторожевую башню) души, которое есть дом Христов, где всегда присущи мир, радость и тишина. Мысленное солнце Христос дары сии, как некие лучи из Себя испускает, и как некую мзду подаёт душе Его приемлющей с верою и добротолюбием».

— Что-то я насчёт сердца не совсем понял, — сказал Макс. — Как это у духовно продвинутых так получалось, что их инфаркт обходил? Ведь они тоже концентрировали своё внимание на сердце, а срабатывало солнечное сплетение.

— Потому что, если человек открывается с Любовью к Богу, Любовь Божья его и убережёт, каким бы путём он ни шёл. Главное — стремление в пути. Тогда, рано или поздно, ищущий придёт к нужному результату. По существу, если человек стоек в своём духовном рвении и даже в мыслях не допускает никаких сомнений, то всё срабатывает так, как должно сработать.

Макс смотрел на Сэнсэя по-прежнему непонимающим взглядом.

— Ну, как тебе ещё объяснить... Если ты не поленишься раскрыть нейрофизиологию человека, то увидишь, что сердце иннервацией связано с солнечным сплетением.

— Ну, и...

— Сила Любви есть определённая энергия. Постоянное её чистое сосредоточение, даже на сердце, всё равно, так

или иначе, будет локализовать эту силу в солнечном сплетении.

— А-а-а, — наигранно протянул Макс. — Тогда понятно.

— Ну, слава Богу, — таким же тоном произнёс Сэнсэй, в шутку вытирая «пот» со лба.

Окружающие ребята заулыбались.

— В начале разговора ты упомянул, что молитва древняя, — напомнил Володя, желая продолжить тему.

— Да. Её корни уходят в глубь веков. Когда-то её называли «Молитвой души» и сосредотачивались именно на центре «между грудью и животом», то есть на солнечном сплетении. В общем, это — своеобразная адаптация «Цветка лотоса». Внутреннюю молитву можно отыскать в тайнознании любой серьёзной религии.

— А почему в христианстве она называется «Молитвой Иисусовой»? Иисус что, давал её своим ученикам? — поинтересовался Макс.

— Ну, скажем так, для себя и своих личных учеников Иисус использовал чистые знания, тот же «Цветок лотоса» как самый простой и эффективный способ укрощения животного начала, поскольку работа здесь шла на чувственном уровне. Для умных людей он давал внутреннюю молитву как наиболее приемлемую для них привычную форму духовной практики. Конечно, небольшой крюк через словесность и подсознание, но результат — опять-таки выход на чувственный уровень. Ну а для остальных, в которых всё-таки главенствовало животное начало, Иисус излагал знания в виде притч с двояким ключом, который подходил как для ума мирянина, так и для сведущего человека. Каждый открывал этим ключом свои внутренние сокровища.

После Иисуса внутренняя молитва стала ключевой для основного состава его истинных последователей. И апостолы передавали её своим ученикам уже с присутствием в ней имени Иисуса, поскольку Его имя, как сына Бога, у многих людей и по сей день вызывает абсолютное доверие, что весьма важно. Ведь когда отметаются все сомнения, это значительно упрощает шествие по духовному пути. Так её и стали называть «Молитвой Иисусовой», а также

«сердечной молитвой». Ведь Иисус часто употреблял слово «сердечный» в значении «душевный», как было в те времена. И, кстати, вначале она передавалась правильно, как и учил Иисус — с последующим сосредоточением в области солнечного сплетения. Очень многие люди из первых последователей Христа освобождались благодаря ей от своих материальных оков.

Но по прошествии времени в среде христиан стали появляться такие индивиды, которые, нахватавшись верхов Учения, пытались организовать с помощью этих знаний свой культ, утвердить собственную значимость в массах, прикрываясь именем Христа. Люди, по большому счёту, всё-таки остаются людьми... Вот именно от них и пошло сокрытие истинных знаний, исполнение внутренней молитвы с последующим сосредоточением на сердце. И всё же некоторые истинные последователи Христа сумели сохранить знания для своих потомков в чистом виде. Они называли свою тайну между собой не иначе как великой.

— А в Библии есть упоминания о внутренней молитве?

— Да так, сохранились кое-где. Библия же формировалась по выборочным записям, тем более под контролем императора Константина. То, что там сохранилось, это в основном притчи да косвенные намёки на данную внутреннюю молитву.

— Ну, к примеру? — не отставал Макс.

— Ну, к примеру, притча Иисуса о мытаре. Она описана в Евангелии от Луки в главе 18 с 10 по 14 стих. Там говорится, как два человека пришли в храм помолиться. Один фарисей, второй мытарь. «Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже, будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится».

Конечно, это не точные слова Иисуса, кое-что добавлено, кое-что не дописано, но общий смысл верен. Для основной массы людей Иисус пытался раскрыть в притче самые элементарные понятия о сущности человеческой... Поскольку невозможно животному рассказать, что такое духовное в чистом виде. Это всё равно, что объяснять слепому от рождения, проведшему всю жизнь в песках пустыни, что такое красота осеннего леса во время заката солнца. Поэтому и приходится пользоваться ассоциативными сравнениями и образами. Духовные же люди понимают друг друга без слов. Это совершенно другой уровень восприятия.

— В этой притче опять есть упоминание о «грешнике», — заметил Женька. — Ох, и любят попы эту заморочку!

— От того и любят, что это их хлеб. Вменяя человеку, стоящему на духовном пути, греховность, они вбивают ему в подсознание комплекс вины. А это в дороге «аки камень, привязанный к ногам»... На пути же к Богу не должно быть никаких сомнений, всё отбрасывается, остаётся только чистая Любовь. Если человек становится внутри истинно свободным, отметая всё, кроме Любви, Любви к Богу, любые путы просто исчезают. Потому что они — не что иное, как иллюзия. Человек осознаёт, что его тело — лишь повозка. И она поедет туда, куда хочет он истинный, то есть его душа.

— Так получается, что человек, следуя путём внутренней молитвы, тоже вначале уравновешивает в себе духовное и материальное начало? — задумчиво произнёс Макс.

— Да, просто потратит на это больше времени.

— А для выполняющего эту внутреннюю молитву, вот эти стадии «уст» и «ума» и будут тем самым генеральным сражением, личным Армагеддоном, о котором ты рассказывал? — уточнил Макс, пытаясь для себя что-то уяснить.

— Нет, — ответил Сэнсэй. — Это так, артподготовка. Генеральное сражение для человека, движущегося по духовному пути, будет тогда, когда начнётся серьёзная внутренняя работа, когда человек, отметая все условности, будет по-настоящему взращивать внутреннюю Любовь, идти к Богу, несмотря ни на что, как говорится напролом. Проще

говоря, когда он будет приближаться к Вратам, вступая на единственно ведущий к ним мост или тропу, как угодно это называй. В принципе, этот главный конечный отрезок предстоит пройти всем людям, достигающим определённой степени духовной зрелости. Причём независимо, каким именно путём они пришли к нему. По большому счёту, все эти разнообразные пути — всего лишь различные способы поиска, нащупывания той единственной тропы, которая ведёт к Вратам.

* * *

Время стремительно летело, как стрела, выпущенная из тугого лука. А Макс всё пребывал в утопии своих иллюзий, тщательно взвешивая все «за» и «против» в философии Сэнсэя. Он беспечно раскачивался на качелях своего ума, восхищаясь то высотой духовного, то высотой своего животного. И тешил своё самолюбие тем, что имел собственное мнение и даже острил по поводу положения обоюдных сторон. Ему нравилось рассуждать, копаться в сути. Но все эти навороты ума в действительности представляли собой лишь лёгкие завихрения воздуха, рождаемые в полете. На ветер всё чаще бросались слова, которые в основном сотрясали воздух, но не трогали душу. Его качели продолжали раскачиваться, несмотря на быстротечность уходящих дней. И только крайне редко, когда Сэнсэй необыкновенно искренне общался с Максом, тот начинал понимать немного больше. Такие моменты, моменты потерянного «рая», и всплывали сейчас с невероятной отчётливостью перед ним.

* * *

Он сидел в машине с Сэнсэем, дожидаясь встречи с одним человеком по вопросам фирмы «Кассандра». Макс переживал, как ему казалось, не самые лучшие дни в своей жизни. На душе было муторно от всей этой суеты мира. Макс вспомнил, как несколько дней тому назад он в очередной раз забросил упражнения по духовной практике «Цветка лотоса», мотивируя для себя это тем, что у него мало путного что получается. Да и проблем по работе, которые требовали безотлагательного решения, навалилась

целая куча. Но как он ни старался им уделить всё своё внимание, их не уменьшалось ни на толику. На Макса напало очередное уныние, и он вновь стал подумывать о том, как бы начать серьёзно заниматься духовным... Об этих проблемах и завёл он разговор с Сэнсэем, воспользовавшись случаем поговорить наедине.

— Ну почему у меня опять ничего не получается? — жаловался Макс. — Вроде начинаю делать «лотос», ощущаю прилив радости. А потом...

Он махнул рукой.

— Это естественный процесс, — ответил Сэнсэй. — У многих такое происходит. Вначале все ощущают прилив своеобразного духовного возбуждения, можно сказать душевный подъём и необычайно ясное понимание глубины божественного естества. Многим кажется это настолько простым, что они удивляются, как до сих пор не могли понять такого элементарного. То есть, человек как бы пробуждается духовно. Но... проходит денёк, другой, и начинается духовный спад. Активизируется животное начало. Человек уже не чувствует былого возбуждения. Его начинают атаковать подлые и грязные мыслишки, что всё это духовное — ерунда, какой-то «развод». Он начинает думать, что это маразм, глупость, что попросту сходит с ума, бредит, что у него чуть ли не шизофрения началась, поскольку он становится не такой, как все. Ему уже лень молиться, медитировать. У него в голове возникает тысяча отговорок, что он устал, что ему некогда... Зарождается ощущение какой-то неловкости, порой давящее чувство вины за пережитые мгновения духовной возвышенности. Но вины перед кем? Перед собственным животным началом! Или же начинают наваливаться какие-то проблемы, что-то случается. Человек погружается в эти заботы. В общем, делается всё, чтобы отвлечь его внимание от духовного. И человек, поддаваясь на данные провокации, просто проигрывает этот бой своему животному, забывая напрочь то, что было буквально два дня назад.

Умный же человек разберётся в себе, постарается понять, почему нет такого желания, такого возбуждения,

нет былого удовольствия от выполнения духовной практики. Он поймёт, что у него просто-напросто активизировалось животное начало... А глупый человек пойдёт на поводу у своей материи. Но, спустя какое-то время, когда ослабеет натиск животного, он снова бросится в поиски духовного, начнёт читать, перечитывать... Ему всё время нужны примеры, какие-то доказательства, демонстрации духовных возможностей. Всё это опять даст большой духовный всплеск. Данный процесс можно сравнить с выбросом адреналина при чрезмерном возбуждении. Но в дальнейшем, когда прекращается действие скажем этих «гормонов», у человека снова упадок сил, во время которого он опять сдаётся животному. Для того чтобы этого не произошло, нужно чётко знать многое, представлять себе своё положение и быть готовым к предстоящим состязаниям. Когда возникает такой материальный барьер, нужно его просто убрать в сторону, скажем так — разделить «Кесарю — кесарево, Богу — богово». Оставаться на стороне духовного и вдвойне усилить свой натиск. Смысл в том, чтобы выйти из ситуаций, смоделированных животным началом, правильно, с сохранённым «цветком». Ты должен отвлекаться от навязываемого тебе негатива, который будет давить на тебя со всех сторон. Отвлечься на внутреннюю любовь, на положительное. В тебе должна присутствовать твёрдость убеждения, потому что твоя вера — это твоя будущая реальность.

— Сложно поддерживать в себе внутреннюю любовь, — посетовал Макс.

— На самом деле, это только кажется, что сложно. Сложно, потому что много соблазнов вокруг, потому что в тебе начинает прокручиваться множество мыслей, на которые ты рассеиваешь своё внимание. А по существу всё просто. Тебе ведь не сложно выпить стакан воды? Нет. Это же не отвлечёт тебя от той мысли, которую ты обдумываешь? Нет. Так и здесь... Человек по жизни точно бежит через лес, кишащий мыслями материального начала. И в этом лесу очень много уловок, зацепок, расставленных сетей, вырытых ям. Но человек должен бежать с откры-

тыми глазами. Должен учиться уклоняться и видеть эти ловушки, понимать, что всё это не его.

— Да, цепляет животное капитально.

— Естественно. Оно и должно цеплять. Его цель — подчинить тебя себе, иначе оно будет в твоём подчинении. Это война, Макс. Твоя война, где главное твоё оружие — вера. Выбравшему духовный путь нужно просто отбросить все пустые иллюзии, «аки мираж в пустыне», как говорили святые. Ему нужно научиться понимать, что весь этот материальный мир — всего лишь мгновение перед вечностью. Но вся беда в том, что многие в начале этого пути спотыкаются об один и тот же камень преткновения: человек не может поверить в бесконечность будущего существования, в то, что там жизнь вечная, а здесь — временная. Ему нужны доказательства. А когда он получит эти доказательства, порой бывает слишком поздно что-либо изменить. Но если в человеке достаточно силы, то он не нуждается в каких-либо доказательствах. Он и так всё чувствует и понимает.

— А ты какую силу имеешь в виду?

— Силу души. Это частица самого Бога в человеке! Но частица эта, скажем так, не активирована. А катализатор для активации — наш истинный выбор. Святыми становятся здесь, на Земле. Человек, победивший своё животное и достигший просветления, не умирает, он уходит к Богу...

— Но что же лично у меня не так? Я же не совсем конченный? — пошутил Макс.

— Не совсем, — так же в шутку ответил Сэнсэй. — Надежда, как говорится, умирает последней.

— Так в чём же моя проблема?

Сэнсэй устало посмотрел на Макса.

— В том, в чём и у многих. Ты любишь смотреть на поле боя издали и рассуждать о битве, но не принимать в ней участие. Твои сомнения — это не просто ложка дёгтя в бочке с мёдом. Это целый черпак цианистого калия. Потому что они не только портят, а убивают всё самое лучшее в тебе... Тебе нужно преодолеть свои сомнения, пока они не завели в омут. Откинь их подальше! Живи по-доброму,

по-хорошему, с Богом в душе. Ничего не делай плохого, даже если тебе это невыгодно... Истинно духовному человеку на все эти материальные проблемы и «заморочки» по большому счёту глубоко наплевать. Потому что всё это мираж и иллюзия, которая сгинет и рассеется.

— Нет, ну как это наплевать? А как же жить в мире? Ведь как-то нужно решать проблемы. Не сидеть же сложа руки, тем более, если эти проблемы касаются не только тебя, но и твоих близких.

— Ты меня не понял. Решать проблемы, безусловно, нужно, но не превращать их в смысл своего существования. И главное, что бы ни случилось, как бы тебя ни кидало из проблемы в проблему, важно всегда оставаться Человеком. Потому что любая твоя заморочка по жизни — это, в первую очередь, не что иное, как проверка на твою животную «вшивость». Поэтому духовно устойчивому человеку просто наплевать на то, что у него периодически возникают те или иные сложности. Он с ними справляется, но не допускает их порабощающего главенства в мыслях. А глупый человек поддаётся на эту провокацию своего животного и позволяет себя вести, как ослика на подвешенную перед ним морковку, даже не замечая, что приближается к краю пропасти. Так что, по существу, любая внешняя проблема, которую ты серьёзно воспринял, есть твоя внутренняя проблема, личный внутренний конфликт между тобой и твоим животным. Всё в тебе!

После этих слов Макс воспрянул духом, даже какое-то время держался устойчиво на положительной волне. Но потом слова Сэнсэя забылись, и Макс снова по старой привычке с головой окунулся в свои дела, отдаляясь от духовного и погружаясь в ещё более запутанные лабиринты жизни животного начала.

* * *

Однажды, беседуя с Сэнсэем, Макс услышал поразившие его тогда слова, которые вновь склонили его сознание в сторону души. Макс, как обычно в шутку, рассказывал о шествии кришнаитов по городу, ряженных в свои одежды. На что Сэнсэй отреагировал совершенно неожиданно, пере-

ведя его шутку в серьёзный разговор, чем его и удивил, поскольку обычно шутки Макса заканчивались очередными весёлыми комментариями Сэнсэя.

— Люди играют в веру в Бога, но не верят в действительности, не живут ею. Многие из них напяливают на себя различную отличительную атрибутику, одежды, но всё это лишь, по большому счёту, актёрство. Ведь настоящая вера в Бога — это сугубо внутренняя чистота. По-настоящему духовный человек никогда не будет заниматься показухой, потому что его истинное внутреннее сокровище — его тайна, ведомая Богу. Человек, идущий по своему духовному пути, не будет выпендриваться в толпе, махать флагом, мол, посмотрите, какой я верующий! Никогда. Максимум, что он может себе позволить, это спросить или подсказать направление, или поделиться опытом со своим попутчиком, но не более. Поскольку люди, которые идут к Богу, действительно верят, а не хвастаются своей верой, играя в этот образ... Они прекрасно понимают, что такое этот мир и каков его объединяющий разум.

— Объединяющий разум?

— Да. Есть индивидуальный разум, есть коллективный духовный разум, а есть и объединяющий животный разум человечества, который, кстати говоря, управляем...

— Как это? Как муравьями, что ли, или стадом бизонов во время миграции?

— Приблизительно, — усмехнувшись, ответил Сэнсэй. — Животное — оно и есть животное. Этот объединяющий животный разум человечества существует по своим определённым законам. В нём имеется своя внутренняя и внешняя иерархия. И в основном люди живут в умелой организации этого животного разума, который подчиняет их своей системе, навязывает им правила игры и условия существования. И в принципе, когда человек идёт по духовному пути, когда он живёт внутри себя с Богом, то не афиширует это, понимая, что моментально вызовет агрессию со стороны животного разума. И это естественная реакция. Животный разум — непримиримый враг всего духовного. Поэтому обычно высокодуховные люди, к примеру Бодхисатвы, рож-

дённые в теле, попадая в систему животного бытия общества, стараются играть во внешнем мире в простого человека, ничем себя не выдавая, оставаясь при этом внутри себя Сущностью и пребывая истинно с Богом и в Боге.

* * *

Странно, но тогда Макс так и не понял до конца слова Сэнсэя. Зато сейчас ясно осознавал, почему не понял. Потому что тогда сам жил в системе ценностей общечеловеческого животного разума. И даже этого не замечал. Хотя этот факт был очевиден. Да и сейчас он понимал возможно только потому, что слишком свежи были в душе посмертные воспоминания, мучения этого перерождения, слишком разительны понятия «там» и «тут». На фоне всего пережитого Макс уже совершенно иначе смотрел на мир и переосмысливал то, о чём когда-то говорил Сэнсэй. Он сожалел о прошлом, прокручивая в памяти мгновение под названием «жизнь». Если бы тогда его разум не был столь тщеславен и эгоистичен, если бы тогда он нашёл в себе мужество не играть в веру, а верить по-настоящему, если бы постоянно не откладывал духовные занятия на потом... Если бы, если бы, если бы... Были лишь одни иллюзорные условия, и не было никакого реального, практического результата. А ведь сколько раз ему давался ШАНС! Сколько раз после бесед с Сэнсэем в нём пробуждалась душа. Ему бы поддержать её, отстоять, защитить от животного и вырваться... А он душил на корню это пробуждение своими сомнениями. И опять падал в грязь материального. И опять всё шло по кругу. Все эти мгновения в телесности, во власти животного, теперь казались такой глупостью, такими испепеляющими... Становилось невыносимо больно за такую суицидную трату, бездарное разбазаривание огромной жизненной силы — этого трамплина в вечность. А как трепетала душа, пребывая рядом с Тем, кто уже достиг подобных высот... И тут Макс прозрел окончательно. Ведь Сэнсэй был не кто иной, как... В памяти Макса до мельчайших подробностей всплыли два кульминационных фрагмента из его прошлой жизни. Это были мгновения самой высшей точки его духовного подъ-

ёма. Теперь, созерцая их с позиции пережитого, Макс понимал, что именно в то время оказался очень близок к раскрытию души. Она тогда не просто трепетала, она стучалась и ломилась в двери его разума, кричала, что было сил, чтобы он услышал и обратил на неё силу своего внимания. Как ни парадоксально, но, находясь именно в другом теле, он полноценно ощущал тот восхитительный полет души. И именно сейчас осознавал всю горечь его утраты, утраты великого шанса обрести свою Нирвану — вечную жизнь в Боге, в абсолютной Любви.

* * *

Та поездка в Киев стала для Макса незабываемой. Память воспроизводила её до мельчайших подробностей. Он поехал вместе с Сэнсэем оформлять лицензионные документы для фирмы. Полдня они обивали пороги чиновничьих кабинетов. И только после обеда смогли вырваться из этой бюрократической суеты и походить по знаменитым улицам старинного города, основанного, как предполагают историки, ещё в пятом веке как центр восточнославянских племён полян.

Киев в старину называли городом трёх холмов, затем семи холмов за его уникальное расположение на правобережных кручах Днепра. Чем дальше продвигалась цивилизация, тем больше холмов она занимала. Город сумел сохранить свою привлекательность и в эпоху научно-технического прогресса, сочетая новостройки не только с древними строениями, но и с островками первозданной природы. Киев был и по сей день остаётся одним из самых загадочных городов на Земле.

Макс был удивлён, увидев здесь столько церквей, древних храмов, а также представителей разных религиозных конфессий. Когда он высказал своё изумление Сэнсэю, тот лишь, как всегда загадочно, улыбнулся и ответил:

— Свято место пусто не бывает.

Больше всего, конечно, в Киеве было православных старинных храмов. Это понятно. Всё-таки как историю ни крути, а крещение Руси пошло именно из Киева, некогда бывшего столицей древнерусского государства... Насмот-

ревшись на архитектурные памятники, Сэнсэй предложил Максу съездить в Киево-Печерскую лавру. Доехать туда не составляло особого труда, поскольку любой киевлянин объяснял дорогу так детально, как своим ближайшим родственникам.

Киево-Печерская лавра величественно стояла на двух крутых холмах, утопающих в зелени. Оттуда открывался великолепный вид на Днепр. Дух захватывало от одного только созерцания этого живописного уголка природы. Вокруг лавры была сооружена семиметровая каменная стена, некогда, очевидно, выполнявшая фортификационную функцию. А за ней виднелись целые плеяды сверкающих куполов, среди которых особо выделялся по высоте золотой купол Большой Лаврской колокольни.

Макс с Сэнсэем купили билеты в Верхнюю лавру — музей-заповедник, включенный в список Всемирного наследия, и вошли через центральный вход. Главные ворота располагались под Троицкой церковью. Они представляли собой своеобразную арку. Едва Сэнсэй вступил с Максом под свод ворот, внезапно раздался заливистый перезвон Лаврских колоколов. Некоторые из находившихся на внутренней площадке туристов, а также проходившие мимо монахи с удивлением посмотрели на колокольню и, остановившись, стали креститься... Макс вздрогнул от неожиданного звона.

— Надо же, как красиво звонят. Никогда такого звона не слышал. Праздник сегодня, что ли?!

— Ну, это для кого как, — ответил Сэнсэй каким-то необычным мягким, мелодичным голосом.

Макс глянул на Сэнсэя и удивился переменам в его лице. В это время они как раз вышли на свет из-под арки Троицкой церкви. Сэнсэй словно преобразился. Глаза его сияли необычным светом, излучая мощную силу какой-то гармонии и внутренней чистоты. Он слегка наклонил голову, словно здоровался с этим местом. От Сэнсэя исходила незримая благодать, от которой у самого Макса возникло чувство необычного умиротворения и спокойствия. Его состояние напоминало блаженную, тихую радость. В этот

момент даже говорить ни о чём не хотелось. Макс набрал полной грудью воздух и посмотрел вокруг. Одно слово — лепота. Тогда он не понял, отчего ему вдруг стало так хорошо на душе. «Наверное, место здесь такое», — подумал Макс. В этом необычном, возвышенном состоянии ему почудилось, что он попал в совершенно иной мир, мир нереального бытия, где даже до небес, казалось, легко дотянуться рукой. Макс на радостях, увидев ближайшую иконную лавку, побежал покупать всё, что было глазу мило. Сэнсэй же, ожидая его, созерцал всё вокруг и в особенности людей. Насладившись, каждый по-своему, таким гостеприимством, они стали осматривать территорию.

Чего только не было в этом музее-заповеднике! Помимо старинных церквей, общежития для монахов, там размещался музей исторических ценностей, где демонстрировались различные золотые и серебряные украшения скифских времён, музей театральный, музыкальный, музей киноискусства, историческая библиотека, музей книги и типографии, музей народного декоративного искусства. И это уже не говоря о многочисленных торговых лавках, продающих всё, что только можно продать, от икон и книг до ювелирных украшений и еды. Сэнсэй без особого энтузиазма, в отличие от Макса, обошёл все эти «достопримечательности» Верхней лавры, задержавшись больше в старинных церквях, возле книг да на смотровой площадке. Оттуда открывался великолепный вид на Нижнюю Лавру и знаменитую реку, называемую в разные времена по-разному — Борисфен, Славутич, Днепр. Сэнсэй долго стоял там, задумчиво глядя куда-то вдаль, пока Макс обходил торговые лавки. Наконец, они пошли в святая святых — на территорию Нижней лавры, где, собственно говоря, и зародилась Киево-Печерская лавра.

Спустившись по довольно крутому спуску, вымощенному камнями, они попали на монастырскую улицу. Там был целый ряд книжных и иконных ларьков. В конце этой улицы находился свободный вход на территорию Нижней лавры, предусмотренный для верующих. Невдалеке располагались кассы для желающих посетить пещеры с экскур-

соводом. Макс предложил Сэнсэю присоединиться к формирующейся группе. Их гидом оказался мужчина лет сорока. Набрав достаточное количество людей, он повёл группу под гору по широкой мостовой улице мимо монастырского сада. Достигнув Крестовоздвиженской церкви, где был вход в ближние пещеры, экскурсовод начал свой рассказ.

— Мы находимся на территории мужского монастыря Киево-Печерской лавры, которая дала Православию гораздо больше святых, чем любой другой монастырь. Издревле это место называли обителью Святого Духа, Земным Раем. История Печерского монастыря уходит в XI век, когда были созданы главные достопримечательности сегодняшней Лавры — Антониевы и Феодосиевы пещеры или так называемые Ближние и Дальние пещеры, по степени отдалённости от Успенского собора. Годом основания считается 1051...

Согласно летописи, некий человек по имени Антипий из града Любичи, расположенного в Черниговской земле, совершил паломничество в один из монастырей Афона. Там он принял монашество и ему дано было имя Антоний. В то время христианство на Руси только зарождалось. Антоний был послан игуменом Афонского монастыря в Киев, чтобы основать там новую обитель. Согласно «Киево-Печерскому патерику» Антоний дважды посещал Киев: в 1013 и в 1051 годах, когда произошла перемена власти. В своё первое посещение он жил в Варяжской пещере. Она существует и сейчас и является частью Феодосиевых пещер. Во второй раз он поселился в небольшой пещере на этой же горе. Кто её выкопал, ответить трудно из-за расхождений в старинных летописях. Так или иначе, но Антоний стал жить там, расширяя свою пещеру и молясь о спасении души. Слух о святом пещерном затворнике, обладавшим необычным даром исцеления и пророчества, стал распространяться по русской земле. К Антонию начали сходиться люди, некоторые оставались жить вместе с ним. Подземелье постоянно углублялось. Вскоре оно превратилось в целый лабиринт Дальних пещер с кельями и церквями. Около 1062 года Антоний поставил над братией игу-

мена Варлаама, а сам, желая уединения, переселился на соседний холм. Там начал копать себе новую пещеру, впоследствии получившей название Антониевой. Старец умер в 1073 году и был захоронен в Ближних пещерах...

Феодосий прославился тем, что основал на месте пещерного скита наземный монастырь. Он стал игуменом Печерского монастыря в том же 1062 году, в связи с переводом Варлаама в другое место. Преподобный Феодосий в своё время был достаточно известным церковно-политическим деятелем. Родился он в 1036 году в городе Василькове под Киевом в состоятельной семье, которая владела большими поместьями. В детстве любил читать божественные книги. В юности его постоянно била мать за попытки сбежать из дома в Святую землю. В последний свой побег он смог добраться до Киева, где и остановился в пещерах у Антония. В 1058 году был пострижен Никоном в монахи. Став игуменом, Феодосий первый ввёл в своей обители Студийский устав, требующий от каждого монаха строгой дисциплины и полного подчинения игумену, отречения от всех форм собственности. Позже его примеру последовали остальные монастыри Киевской Руси. Феодосий правил в Печерском монастыре твёрдой рукой. Неповиновение, невыполнение обязанностей и поручений расценивалось как тяжкий грех и подлежало наказанию. При игуменстве Феодосия были сооружены все основные храмовые постройки и кельи. Кроме того, близ монастыря были выстроены дом и церковь святого первомученика Стефана для больных и нищих. Умер он через год после Антония в 1074 и был похоронен в Дальних пещерах. Об особом значении деятельности Феодосия для православной церкви говорит тот факт, что он стал вторым святым, судя по хронологическим датам, канонизированным в 1108 году.

— А кто был первым? Антоний? — спросил кто-то из группы.

— Нет. Первых причислили к лику святых в 1020 году князей-мучеников Бориса и Глеба, убитых в 1015 году по приказу князя Святополка. Они выступали как поборники христианских идеалов. Ведь в те времена Русь была языче-

ская. И новая христианская вера насаждалась с трудом. Так что канонизация Феодосия, во время игуменства которого обитель в пещерах превратилась в первый на Руси монастырь, утвердила позиции Киево-Печерской обители как ведущего центра Киевской Руси, в противовес митрополичьей кафедре. В ожидании этой канонизации было написано «Житие Феодосия Печерского» Нестором-летописцем, который, как вы знаете, написал «Повесть временных лет». Нетленные мощи Нестора также лежат здесь, в Ближней пещере. А теперь мы спустимся непосредственно в пещеру...

Группа вошла в Крестовоздвиженскую церковь, построенную, как объяснил экскурсовод, в 1700 году. Спускаясь в подземелье, каждый зажёг по церковной свечке, ибо единственным освещением этих пещер были лампадки возле образов святых. Эта полутьма создавала у Макса особое настроение из смеси любопытства, страха и какой-то таинственности окружающего.

— В настоящее время длина Ближних пещер составляет триста пятьдесят два метра. Дальних вместе с Варяжскими пещерами — четыреста восемьдесят девять метров. Пещеры вырыты в слое пористого песчаника. Благодаря этому природному материалу, температура в лаврских пещерах в течение всего года постоянная — плюс десять – двенадцать по Цельсию. Глубина пещер от четырёх до двенадцати метров. Ширина их коридоров полтора метра, высота потолков — два метра... Вдоль коридора расположены аркосолии, своеобразные ниши длиной около двух метров. В них — гробницы с мощами лаврских святых под стеклом. Гробницы в основном сделаны из кипариса. Кипарис считается священным деревом с тех пор, как на кипарисовом кресте был распят Иисус. Возле гробниц, как вы видите, висят портреты и горят лампадки. Лампадки считаются символом души...

Экскурсовод стал вкратце выборочно рассказывать, где кто лежит и чем этот святой прославился. Верующие из группы крестились, прикладываясь к стеклянным крышкам гробов. Другие просто рассматривали портреты, а также

лежавшие в некоторых гробах усохшие тёмно-коричневые кисти рук на покрытых парчовыми тканями останках святых. Группа посетила келью и подземную церковь преподобного Антония Печерского, откуда по преданию начинаются подземные ходы под Днепр и Верхнюю лавру, подземную церковь Варлаама Печерского, гробницы других святых.

— А здесь находятся святые нетленные мощи Афанасия Затворника, известного своим чудесным исцелением в пещере. После этого он прожил в затворе двенадцать лет. Вообще затворничество было делом добровольным. Считалось, что путём отречения от всех мирских благ, в непрестанной молитве, можно получить благодать на Небе. Монах входил в келью. Вход наглухо закладывался кирпичом. Еда, состоявшая в основном из хлеба и воды, подавалась через единственное оставшееся маленькое окошко. И когда монах, приносящий затворнику еду, не получал ответа на просьбу благословить его, то есть не протягивалась из кельи благословляющая рука, у него возникало сомнение, не умер ли затворник. Келью размуровывали и убеждались, жив монах или мёртв. Если он умер, то тело либо оставляли в келье, которая превращалась в погребальную нишу, либо извлекали, обворачивали широкой и длинной тканью и выставляли в нише для поклонения верующим... В затворах проводили разное время. Иногда затворник умирал спустя несколько месяцев, иногда жил там несколько лет...

Группа прошлась по лабиринтам петляющих коридоров. Заблудиться здесь было невозможно, поскольку многие ходы были перекрыты да и дежурила пара монахов.

— В этой крипте покоятся мощи Ильи Муромца, реально существовавшего богатыря, родом из города Мурома, прославленного героя народного эпоса. Предполагают, что первоначально он был захоронен в Софийском соборе. Его мощи были перенесены в Киево-Печерскую лавру в середине XVIII века, когда Духовный собор, рассмотрев его жизненный путь, причислил к лику святых. Он считается покровителем всех мужчин. Мужчины приходят к его гроб-

нице помолиться и попросить, чтобы Илья наполнил силой и энергией... Существует целый список, какой святой кому покровительствует. Вот, к примеру, в этой маленькой гробнице под стенкой находятся нетленные мощи младенца Иоанна. Он погиб в 983 году вместе со своим отцом Фёдором. Этот младенец считается покровителем всех маленьких детей, а также помогает женщинам, страдающим от бесплодия. Слева находится гробница Луки, эконома Печерского...

В это время Макс подошёл к стенке напротив и стал рассматривать настенный рисунок Божьей матери. Он тихонько позвал Сэнсэя.

— Смотри, у Божьей Матери «Третий глаз».

— Да это...

Сэнсэй не успел договорить, поскольку в это время подошёл экскурсовод.

— А здесь покоится Никон Сухий, умерший в 1101 году. Прославился тем, что в 1096 году был взят в плен половецким ханом Боняком, искалечен там. Но чудесным образом перенёсся в Печерский монастырь... Также тут вы видите участок настенной росписи. Это ещё одна из загадочных тайн Лаврских пещер. Эта роспись совершенно случайно была обнаружена археологами во время последних раскопок в 1978 году и вызвала немало удивлений и споров. Всегда считалось, что в древности стены монастырских подземелий были просто из песчаника, либо в более позднее время обложены кирпичом, отштукатурены и побелены. Поэтому никто не подозревал, что под слоем побелки могут оказаться такие фрески. Данные росписи предположительно относятся к XVIII веку. Но наибольшее удивление вызвало то, что эта роспись наносилась поверх ещё более древней росписи. В частности, это мы видим сейчас. Здесь изображена Божья Матерь, которая держит на руках Бога-младенца. Роспись XVIII века наложилась на более раннюю. Это обнаружили во время реставрации. Фрагменты этих фресок расчищены только частично, хотя нетрудно заметить, что все они имеют продолжение под побелкой стен... А теперь мы пройдём в подземную церковь Введения во

Храм Пресвятой Богородицы... Это место — одно из самых загадочных мест Ближних пещер...

Когда они вошли туда, Макс склонился над ухом Сэнсэя и восхищённо прошептал:

— Глянь, в центре иконостаса печать Шамбалы, — кивнул он на треугольник с глазом внутри, обрамлённый солнечными лучами. — Откуда она тут?

— Это особое место, — также тихо ответил Сэнсэй. — Кроме того, в этих пещерах покоятся останки Бодхисатвы Агапита...

— Кого? — переспросил Макс.

— Потом расскажу...

— В этом месте зафиксирован необычный фон энергетики, — продолжал экскурсовод. — Тут покоятся нетленные мощи преподобного Агапита врача безмездного, одного из самых знаменитых лекарей XI века... Нам неизвестно, когда и где он родился. Предполагают, что он из Киева. Агапит один из первых пришёл к Антонию, который постриг его в монахи. Согласно «Киево-Печерскому патерику» Антоний оставил Агапита своим наместником в чудотворном искусстве врачевания. Агапит был образцом гуманности, граничащей с самопожертвованием. Он исцелял от тяжёлых внутренних болезней, причём всех — и бедных, и богатых. Излечивал и таких, за которых не брался уже никто. Он не отходил от больного, пока его окончательно не ставил на ноги. Его называли «Лечец», лекарем от Бога, ибо «сам Господь даровал ему дар исцеления»... Агапит был талантливым и знающим целителем. Он хорошо разбирался в народной медицине, знал труды Гиппократа, Галена. Свободно владел греческим языком... Приходил туда, где остро нуждались в его помощи. Своим человеколюбием и сердечным отношением к больным Агапит снискал небывалую славу в народе, причём не только в Киеве, но и далеко за его пределами. Он вылечил также черниговского князя Владимира Мономаха, который серьёзно заболел и находился при смерти... Умер Агапит в октябре 1095 года. До наших дней сохранились его мумифицированные останки...

В 1988–1990 годах учёными были исследованы более пятидесяти мощей из Ближних пещер, изучены антропометрические и морфологические характеристики. Антропологические измерения позволили восстановить внешний облик таких святых, как Агапит, Нестор Летописец, Илья Муромец, Варлаам, Поликарп... Более того, киевскими исследователями-биоэнергетиками было установлено, что мощи Агапита обладают колоссальными биомоторными характеристиками, то есть являются ускорителями роста, что подтверждено на семенах различных растений. Кроме того, обнаружено, что эти мощи защищают от радиации, а также оказывают очень сильное бактерицидное воздействие на состояние воздуха в Ближних пещерах. Ну и, пожалуй, самое главное — уже в наше время зафиксировано несколько тысяч случаев исцеления людей мощами Агапита. Вот такая у него была духовная исцеляющая сила, даже после смерти он продолжает врачевать людей на протяжении девяти веков... А теперь пройдёмте дальше по коридору, заканчивая нашу экскурсию...

Часть группы пошла за экскурсоводом, часть столпилась у гроба преподобного Агапита. Некоторые молились, некоторые просто рассматривали подземную церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Макс с Сэнсэем находились позади людей, ожидая своей очереди, чтобы подойти к гробнице. Рядом с ними стояла пожилая старушка с палочкой, скромно одетая, с дорожной сумкой в руках. Она постоянно отставала от группы, сильно прихрамывая на ногу, и старалась приложиться к каждой гробнице, шепча молитвы. По её лицу было видно, что это ей давалось с большим трудом, очевидно приходилось преодолевать острую боль. Но её упорству и внутренней силе духа оставалось лишь позавидовать. Ещё раньше, в одном из переходов по пещере, Макс «сочувственно» заметил: «Ну, бабка даёт, еле же ходит...» На что Сэнсэй ответил: «Человек в глубокой вере... Ты не представляешь какую боль она испытывает при ходьбе. У неё деформирующий артроз тазобедренного сустава». «Да?!» — удивился Макс, оборачиваясь в сторону женщины. Теперь они вместе стояли почти последними в очереди к гробнице преподобного Агапита.

Когда основная масса людей вышла, Макс приблизился к мощам, а Сэнсэй пропустил вперёд старушку. Та взглянула на него с благодарностью и пробормотала: «Спасибо, сыночек». Она подошла к гробнице и стала шептать молитву. Макс в это время пытался прочитать строчки молитвы преподобного Агапита, помещённые слева на стене в рамочке. Он хотел что-то спросить у Сэнсэя. Но, обернувшись, увидел, что Сэнсэй стоял с закрытыми глазами. Его лицо было сосредоточенным. В это время Максу стало как-то необычно жарко. Сначала он подумал, что это его чисто субъективное ощущение. Но тут заметил, как у мужчины, стоящего рядом, потёк пот со лба, причём несколькими струйками. Мальчик лет семи легонько дёрнул молившуюся маму и тихо произнёс: «Мам, тут жарко сделалось». На что та ответила: «Это хорошо, сына. Это Дух Святой снизошёл в обитель сию от наших молитв». Бабка начала усиленно креститься, бормоча молитву. У Макса создалось такое впечатление, что волна необычного жара точно прокатилась через него к гробнице Агапита. В момент пика этого неестественного напряжения у старушки вырвался возглас: «Господи, прости меня!» Её костыль с грохотом упал оземь. Все присутствующие вздрогнули и обернулись. Сэнсэй плавно открыл глаза и сделал глубокий вдох-выдох. Бабуся, видно, сама испугалась такого грохота и, словно извиняясь перед присутствующими за нарушение тишины, резво подскочила и подняла свою палку. Макс с возрастающим удивлением посмотрел на помолодевшую в движениях старушку. Та не сразу поняла, что произошло. Потом с изумлением оглядела себя, прошлась взад-вперёд, ощупывая свой сустав. На её глазах заблестели слезы. От охватившего её волнения она не могла произнести ни слова, а лишь восхищённо смотрела то на свой сустав, то на гробницу, то на окружающих людей. Те тоже молча глядели на неё, не веря своим глазам. Бабка подбежала к Сэнсэю, единственному человеку, с которым она немного общалась в пещерах, и радостно затараторила: «Я хожу, я хожу, не могу поверить, я хожу! Я же пять лет...» Тут она взглянула в глаза Сэнсэю и умолкла, вскинув в удивлении брови.

Перевела взгляд на портрет Агапита, потом на Сэнсэя. И, словно очнувшись, произнесла: «Ой, извините, у меня всё преподобный Агапит перед глазами стоит. Счастье-то какое, пойду свечек накуплю...» Она подбежала к святым мощам, поцеловала, перекрестилась и поспешила к выходу, всё время изумлённо оборачиваясь на Сэнсэя и радостно крестясь в молитве. Оставшиеся присутствующие, в том числе и Макс, столпились у гробницы. Сэнсэй по-прежнему стоял около колонн храма.

— А ваш знакомый действительно очень похож на Агапита, только в старости, — произнёс мужчина, который стоял возле Макса.

— Не может быть! — пытался протиснуться Макс со своей свечой к портрету. — Где?

— Вот, посмотрите сами. Я, молодой человек, профессиональный художник, у меня абсолютная память на лица и образы.

Максу, наконец, удалось рассмотреть портрет.

— Хм, точно! Глянь... — Макс повернулся, чтобы обратить внимание Сэнсэя на это сходство. Но того уже не было в помещении. Макс поспешил выбраться из кучки столпившихся людей и догнал Сэнсэя уже на выходе из пещер.

— Пойди, посмотри! Представляешь, там висит твой портрет в старости!

— Да видел я, — как-то обыденно сказал Сэнсэй, словно речь шла о давно знакомом ему образе.

Они пошли к выходу, который вёл непосредственно внутрь Крестовоздвиженской церкви. Их группа уже разошлась. Макс с Сэнсэем прошлись по помещению наземной церкви. Вышли на улицу и отправились к Дальним пещерам. Макс всё ещё находился под впечатлением увиденного.

— Ну, надо же, как бабка исцелилась! А может быть это какая-нибудь подставная была? Хотя, с другой стороны, какая же она подставная, ведь большая часть людей уже ушла! Нет, ну как это у неё получилось?! Сэнсэй, как?

— Да как... Обычно. Вера великая сила... и хороший проводник.

— Это всё понятно. Но как это произошло?

— Вот пристал, — с ноткой юмора в голосе произнёс Сэнсэй. — Слышал же, исследования проводились, приборы зашкаливало возле этих мощей и всё такое...

— Нет, ну почему же у других людей не было такого явного проявления силы воздействия? Ведь возле мощей Агапита больше всего стояло народу?

— Ну так ещё Иисус сказал, что по вере вашей да будет вам.

Макс понял, что на сей раз ему не удастся вытянуть из Сэнсэя интересующую его более подробную информацию. И он, не теряя времени, перешёл к другому вопросу.

— А что ты там говорил про Агапита? Он был Бодхисатвой? Значит, из Шамбалы?

Сэнсэй кивнул.

— Тогда, судя по всему, экскурсовод трактовал несколько иначе известную тебе историю, — продолжал закидывать удочки Макс.

— В общем да. Но это не вина экскурсовода, — таинственно улыбнувшись, ответил Сэнсэй.

— В чём же пробел?

— Агапит не был учеником Антония. Скорее наоборот. И дело вовсе не в возрасте. Антоний познакомился с Агапитом на Афоне. И именно Агапит научил его настоящему искусству врачевания молитвами и травами. Но это не главное. Именно благодаря Агапиту Антоний был посвящён в хранители храма Лотоса, расположенного на территории Киева с древних времён... Агапит же, выполнив свою миссию на Востоке, пришёл к Антонию в пещеры, где и доживал в теле свой земной срок. И то, что здесь происходят исцеления, так это благодаря нахождению останков Агапита, в которых некогда пребывал сам Святой Дух на Земле. Неудивительно, что и другие мощи, пролежавшие рядом с ним, становятся целительными. Здесь любому обращающемуся с чистой верой к Богу, к какой бы религии он не принадлежал, воздастся... — Сэнсэй задумался о чём-то своём, а потом произнёс: — Жаль только, что до сих пор многие люди просят не о спасении своей души, а об исце-

лении телес своих. Ведь во власти Святого Духа освободить души. А что телеса? Всего лишь перемена одежды...

Макс немного помолчал и вновь спросил:

— А откуда в те времена здесь взяться храму Лотоса?

— Этот храм был здесь задолго до того, есть и сейчас.

— А «задолго до того» — это когда? — попытался уточнить Макс.

— Во времена предыдущей цивилизации Альт-Ланды.

— Атлантиды?!

— Да, — кивнул Сэнсэй. — Тогда ещё «резиденция» Ригдена Джаппо располагалась практически на середине Чёрного моря. В те времена моря не было. Там находилось лишь небольшое озеро с прекрасными, живописными берегами... Так вот, именно в то время в здешних местах и был заложен подземный храм Лотоса с фрагментом Чинтомания в качестве источника силы и места будущего духовного возрождения человечества. Отсюда и такая привлекательность по сей день к данному месту для людей духовных.

— Но если этот храм есть и сейчас, значит есть и его хранители? — с тонким намёком спросил Макс.

— Ну, если есть что охранять, значит есть и охрана, — в тон ответил Сэнсэй. — Хотя по факту, этот храм и так недоступен для обычного человека, как и Шамбала.

— А ты сам там был? — полушутя, полусерьёзно поинтересовался Макс, очевидно, рассчитывая, если это шутка, посмеяться вместе, а если это правда, напроситься его посмотреть.

Сэнсэй улыбнулся и так же непросто ему ответил:

— Макс, я же тебе сказал, он недоступен для обычных людей.

В это время они дошли до Дальних пещер, вход в которые располагался в Аннозачатиевской церкви, построенной в XVII–XIX веках. Самостоятельно прошлись по галереям пещер, где тоже стояли гробницы с мощами святых более поздних времён. Там же, в нише за решёткой, в шкафу под стеклом, находились и знаменитые мироточивые головы неизвестных святых. Макс, как ни старался, но так и не смог в свете свечки толком ничего рассмотреть. Естествен-

но, он сразу высказался по поводу фальсификации. На что Сэнсэй ответил: «Макс, внешний вид нужен лишь твоему уму, чтобы доказать то, что в доказательствах не нуждается. Ты закрой глаза и доверься своей интуиции. Она тебе скажет гораздо больше, где фальсификация, а где истинный святой источник. Если человек душой стремится к Богу, его трудно обмануть, ибо он внутренне ощущает гораздо больше, чем видят его глаза»...

Выйдя из пещер, они ещё какое-то время постояли на кручах холма, всматриваясь в красоту окружающей природы. Затем стали спускаться. Навстречу им попадалось много монахов различных рангов, поскольку рядом были расположены их кельи, а также Духовная семинария. Некоторые, рангом повыше, проезжали мимо в дорогих машинах. Макс посмотрел на их благосостояние, послушал обыденные речи случайных попутчиков, облачённых в чёрную рясу, и с улыбкой сказал: «Может и мне в попы пойти? Судя по их лицам, их тут неплохо кормят».

В это время вдали из-за поворота вышел сухонький старец, принадлежащий к братии, очевидно со времён атеизма. Он шёл, углубившись в себя, и непрестанно шевелил губами, читая молитву. «Этот не считается, этот исключение», — поспешил добавить Макс. На что Сэнсэй ответил: «Макс, чего ты от них хочешь? Они такие же простые люди, как и ты, с такими же проблемами и заморочками по жизни. Они просто учатся и выполняют свою работу, так же, как и ты учился в институте, а потом пошёл работать по специальности. Эти ребята — обыкновенные люди. А вот этот монах — совершенно другое. Он истинно идёт по пути к Богу. И разница между ним и ими огромная, хотя они носят одинаковые одежды».

Макс с Сэнсэем прошли Ближние пещеры и стали подниматься по монастырской улице вверх на выход. В это время колокола снова зазвучали своим перекатистым звоном. Улица была довольно оживлённой, кто-то выходил из пещер, кто-то только собирался посетить их. На самом выходе-входе стояли монахини, прибывшие в Лавру с дальних монастырей. Они собирали пожертвования. Раздавая

деньги, Сэнсэй подошёл к одной пожилой монахине, которая из-за своего преклонного возраста сидела на табуретке. Не успел Сэнсэй положить ей в коробку деньги, как она встрепенулась и неожиданно схватив Сэнсэя за руку, упала на колени, опрокинув коробку с зазвеневшей, разлетающейся мелочью. «Благослови, благослови мою душу». Макс, шедший рядом, от такой внезапности даже инстинктивно шарахнулся в сторону от неё. Остальные люди остановились и с любопытством стали наблюдать издали за происходящим. Сэнсэй попытался её поднять, что-то шепча ей на ухо. Женщина не соглашалась, потом просияла и, привстав, стала креститься и шептать молитву. Молодая монашка, стоявшая недалеко от них, подбежала к своей пожилой сестре и стала собирать разбросанные деньги. Когда Сэнсэй с Максом отошли на значительное расстояние от женщины, Макс несколько пришёл в себя и произнёс: «Тю ты, напугала меня до смерти! Сумасшедшая она, что ли? Сидела, сидела, никого не трогала, и тут на тебе! Чего она от тебя хотела?» «Да так», — с неохотой сказал Сэнсэй, видимо, не желая об этом говорить, и перевёл тему разговора в житейское русло.

* * *

Сейчас Макс разумел, как трудно было достучаться до него душе, даже когда тело пребывало в состоянии наибольшего душевного подъёма. Ведь его разум оценивал мир через призму материального бытия. Он постоянно убеждал Макса, что это и есть единственно верное отражение действительности. Теперь же Макс понимал, насколько криво было зеркало. Да что толку сейчас от этого понимания? Ведь сила преобразовать себя и реальный шанс вырваться из цепи реинкарнаций существовали тогда. Поэтому его животное так усердно и пудрило мозги да туманило очи своими иллюзорными обманами. А нужно-то было всего лишь изменить угол зрения, убрать все сомнения и полностью довериться своему духовному началу, а не отдавать приоритеты животным инстинктам. Как ясно это видится сейчас и как невероятно сложно это казалось тогда! До боли обидно за свою глупость. Ведь если бы был только один

шанс... Но шансов была масса! Сколько их давалось за всю жизнь! Такое количество сейчас трудно не заметить. И нет себе оправдания. А ведь ему действительно тогда выпал счастливый билет. В памяти Макса всплыл самый яркий момент из его утерянных возможностей...

* * *

Макс увидел себя сидящим на деревянной лавке в компании ребят. Находились они внутри небольшого аккуратного домика, где принимал пациентов Сэнсэй. Слава об искусном костоправе простиралась далеко за пределами региона. В этот небольшой частный домик, расположенный на окраине промышленного шахтёрского города, съезжались со своей болью люди с разных уголков. Сэнсэй принимал до пятисот человек в день. И никому в приёме не отказывал, зачастую заканчивая работу и в два, и в три часа ночи. Но сегодня Сэнсэй освободился довольно рано по его меркам — в одиннадцать часов вечера. Ребята съезжались ближе к концу приёма. Всяк по своей причине, но в основном поболтать о жизни насущной. Их просто тянуло видеть Сэнсэя каждый день после дневной бытовой суеты. Такие поездки стали для них своего рода традицией. Дело, как говорится, молодое, в свободном времени недостатка нет.

Из приёмной вышли последние пациенты. Приёмной называлась небольшая комнатушка, где стоял топчан, два стула да в углу иконка с зажжённой лампадкой. Вот и всё убранство. Ребята сидели в следующей комнатке, несколько пошире приёмной, но не менее скромно обставленной. Лавки, вешалка, да печь, невесть как сохранившаяся с былых времён.

Несмотря на то что людей уже не было, Сэнсэй не торопился уходить домой, точно ожидая кого-то. Минут через пятнадцать в коридоре действительно послышалась неторопливая поступь. Кто-то вежливо постучал. Дверь открылась. Вошли две пожилые монашки, которые придерживали под руки необычного вида старика. На вид ему было лет девяносто. Суховат. Очень высокого роста, где-то под метр девяносто. Правильные славянские черты лица. Его борода и слегка вьющиеся длинные волосы были белыми

как снег. Одет он был в тёплую, несколько старинного покроя рясу. На ногах сельские стёганые бурки. Ноги старца явно были больными, поскольку каждое движение давалось ему с большим трудом. Несмотря на такую внешнюю дремучесть, глаза его излучали живительную доброту и внутреннюю силу.

— Мир вам, мир этому дому, — произнёс старец, перекрестившись и поклонившись.

Монашки проделали то же самое. Ребята, сидевшие на лавках, даже оторопели от таких чудных, давно забытых слов и необычного вида престарелого человека.

— Здрасьте, — только и смогли они произнести, растерянно кивая в ответ головами.

В это время появился Сэнсэй из своей приёмной.

— Мир душе твоей, Антоний, — произнёс он необычным изменившимся звучным голосом, наполненным какой-то умиротворяющей благой силой.

При входе Сэнсэя монашки, склонив голову, стали усиленно креститься. А старец, просияв ликом, попытался припасть к его ногам. В его глазах горел такой душевный порыв, что казалось, будто перед ним нет абсолютно никаких телесных препятствий. Сэнсэй легонько подхватил его, сказав:

— Негоже тебе, Антоний, преклоняться перед телом сиим.

— Не перед телом, а перед Духом Святым преклоняюсь я.

— Вся жизнь твоя, Антоний, в любви Божьей и есть истинное преклонение.

Сэнсэй, нежно поддерживая под руку старца, повёл его в приёмную. Монахини смиренно присели на свободную лавочку, не переставая креститься и тихо шептать молитвы. Ребята, естественно, были немного шокированы этим зрелищем. Но ненадолго. Возле Сэнсэя вечно происходило что-то необычное. Через минуту они уже увлеклись разговорами о своём насущном. Макс сидел ближе всех к приёмной, так что ему было видно и слышно, что там происходило.

Старец, войдя в приёмную, вновь перекрестился, увидев иконку Спасителя. Сэнсэй усадил Антония на стул, а сам присел на край топчана.

— Спасибо Господу, что вновь сподобил с Тобой встречу иметь. Душа радуется и трепещет от благодати, находясь подле Тебя.

Старик смахнул накатившуюся слезу.

— Антоний, разве был хоть один день в жизни твоей, когда не был бы я подле тебя?

— Истинно говоришь. Но всё же... взор очей душу ласкает светом Твоим, как солнышко ясное на чистом небосводе.

— Ох, Антоний... Недалёк тот час, когда ласкаться будешь под солнцем сиим вечно.

— Радость это великая. Истинное души приобретенье... Но всё же не покидает меня боль за тех, кто останется. Ведь страшное время их ждёт. Как облегчить их участь?

— Свет мой, Антоний... Радует мя любовь и забота твоя о пребывающих в мгновении сиим. Но стоит ли душу терзать за тех, кто слушал, но не слышал, плотию без чувств делал, по сему душой не проникся?

— Но ведь не все утрачены. Есть ведь и заблудшие. Ан искать их уж и некому среди трущоб безверия.

— Знаю, о чём просить ты пришёл меня, Антоний. Думы твои тайные ведомы мне. Хоть и мало осталось таких, как ты, столбов кремниевых, на коих держится Православие, любимое мною, кои способны высекать искру божью, но рука не подымается, дабы продлить мучение твоё.

— Да, немощны мои телеса, но дух стоек и могуч... Хоть одного, хоть за руку, но смогу ещё вывести к свету божьему.

Послышался добрый смех.

— Ох, знаю я тебя, Антоний! Дай тебе волю за руку ввести, так ты взашей погонишь всё стадо своё в сады райские.

— Помилуй мя, Свет мой Пречистый! Мне ж дано было увидеть все муки адовы, которые претерпят чада утраченные. А они ж, эти чада, аки котята малые, слепы ещё от роду. Не видят, куда идут.

— Видеть не видят. Но Слово-то дано им было. И слышать слышали, но не верят же. А Богу верить нужно. Ска-

зано: «Бди!» Значит бди! Сказано «стяжай любовь», значит, стяжай.

— Всё это так... Но глухота их от неразумения. Прельщают их видения миражей пустыни адовой. Ведь не ведают, что сие есть обман призрачный, на погибель душу ведущий.

— Не не ведают они, свет мой Антоний, а не хотят сие признавать. Помыслы их лишь о праздном, суть которого — прах. Что поделать? Если садовник с червями не борется, то и плода достойного не сможет обрести...

— Это всё суетность мирская покоя им не даёт.

— Суетность? Суетность, Антоний, не в мире сокрыта. Не внешнее их томит, но внутреннее терзает. Для того я и пришёл в тело сие, дабы жизнь человеческую прожить и воочию убедиться, не мешает ли что человеку на пути к Господу. Да ничего не мешает! Лишь сплошная лень да жажда соблазнов тлена.

— Да, слабы ещё чада духом. За малым не видят большего. Прости мя, за словеса мои, но почему бы Тебе не открыть лик свой Истинный, перед стадом заблудшим? Люди веру былую обрящут, к спасенью их души ведущую. Ведь другие сейчас времена.

— Эх, Антоний, свет мой праведный... Дух здесь мой не для проповеди, а для Обличенья, ибо нарушено равновесие Богом данное. Открой я лик свой Истинный, для многих это будет смерти подобно. Ибо не выдержат души грешников света ясного, как тьма не выносит солнца яркого. Узреть его могут лишь праведные, душою и помыслами чистые... Не вещанья о спасении уж людям нужны, а действа. Нынче некому будет оправдаться в неведении, мол «Господи, искал я и не нашёл». По всей Земле горят огоньки истины. Кто хочет, тот найдёт.

— И то правда. Жаль, время-то уже на исходе, а веры в людях маловато. Но всё же душа за них радеет, за них грешных и просит. Ведь многим не хватает самой малости, чтобы обрящить уверенность в поступи на пути к Вратам Господним. Помоги им силою святости Твоей...

— Аки можно тебе отказать в просьбе, преисполненной страдания великого к спасению душ человеческих... Быть

по-твоему... За заслуги твои и подобно тебе Молящимся, дам для стада заблудшего светоч-молитву душеспасительную, преисполненную силой Божьей. Но запомни, молитва сия, аки Перст Господний. Кто знал её, но отступился, для тех она будет аки камень на шее утопленника. Ибо отступь их богоборству будет подобна. Ан те, кто будет её исполнять в трудах праведных, совести чистой, ещё при жизни сей прощенья обрящут. Слова же сей молитвы таковы: «**Отче мой Истинный! На Тебя Единого уповаю. И молю Тебя, Господи, лишь о спасении души своей. Да будет воля Твоя святая...**»

Содержание

ИД "Лотос" и ИД "АллатРа"
Представляют:

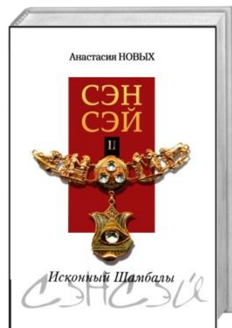
Анастасия НОВЫХ и серия книг
"СЭНСЭЙ.
ИСКОННЫЙ ШАМБАЛЫ"

Книги, которые творят добро

Сэнсэй-I. Исконный Шамбалы

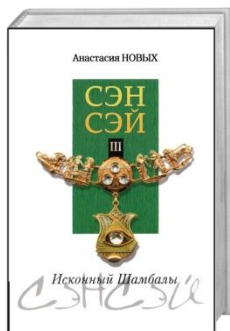
В этой книге раскрывается внутренний мир шестнадцатилетней девушки, внезапно оказавшейся лицом к лицу со смертью. Это подтолкнуло её к переосмыслению своей жизни и поиску ответов на вечные вопросы: «Зачем живёт человек, в чём смысл жизни? Кто есть я на самом деле? Почему большинство людей на земном шаре — верующие? Ведь раз верят, значит, на что-то надеются. Каким путём великие достигают своего внутреннего бессмертия? Что скрыто за пониманием сущности Человека?» Необузданная энергия внутреннего поиска приводит её к встрече с необычным человеком, мастером восточных единоборств и очень загадочной Личностью — Сэнсэем. Потрясающее до глубины души неординарное мировоззрение Сэнсэя, его увлекательная философия и знания о мире и о человеке, динамичные восточные единоборства, мудрость в житейских ситуациях, нетрадиционная медицина, древние духовные практики (в том числе эффективные техники борьбы с негативными мыслями), феномены человеческих возможностей. Это и многое другое познает героиня, соприкоснувшись с миром Сэнсэя. Но самое важное, находит ответы на свои главные внутренние вопросы.

Сэнсэй-II. Исконный Шамбалы

Книга повествует о третьем дне отдыха спортивной группы по восточным единоборствам во главе с Сэнсэем. Забавные приключения ребят, увлекательная философия Сэнсэя и его феноменальные демонстрации. Мудрая притча о Бодхисатве, необычный взгляд на сущность человека,

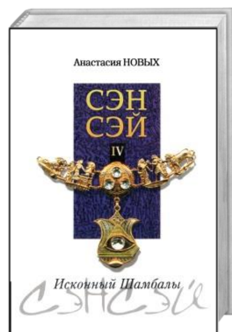
потрясающий рассказ Сэнсэя о знаменитом Святом Киевской Руси АГАПИТЕ ВРАЧЕ БЕЗМЕЗДНОМ, чудотворные мощи которого до сих пор хранятся в Киево-Печерской Лавре. Это и многое другое узнает читатель, перед которым раскроется совершенно иной взгляд на мир, историю и вечные вопросы человечества.

Сэнсэй-III. Исконный Шамбалы

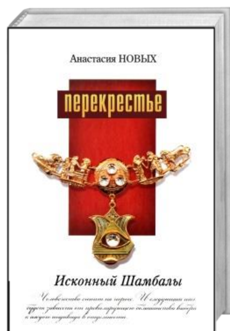
Книга повествует об ещё одном исключительном дне пребывания на море коллектива по восточным единоборствам во главе с Сэнсэем, где их посещает богатый и необычный гость — Ариман, имеющий свой взгляд на мир, свою философию и свои способы выживания и достижения богатства в этом мире. На чашу весов личного выбора ребят помимо миропонимания Сэнсэя положено ещё одно веское мнение. Кому отдаст предпочтение сам читатель — в этом заключена интрига книги.

Сэнсэй-IV. Исконный Шамбалы

Книга, повествующая о заключительных днях отдыха на море группы ребят, занимающихся восточными единоборствами во главе с Сэнсэем. Помимо познавательных древних практик Сэнсэя, его демонстраций, — увлекательное раскрытие Сэнсэем сенсационных тайн истории, тщательно скрываемых в событиях тысячелетий. Кроме того, учение Имхотепа и тайна происхождения общества «Вольных каменщиков»; теневая власть Архонтов над императорами и правителями мира и их методы воздействия, активно применяемые и в наше время; тайна происхождения «понтификов»; неизвестные сведения о жизни Иисуса; тайна Грааля в прошлом и настоящем; утраченное древнее понятие о сущности «аллата»; подлинное знание о планете Фаэтон; сенсация для науки.

Это и многое другое откроет для себя читатель, взглянув на историю этого мира под совершенно новым углом зрения.

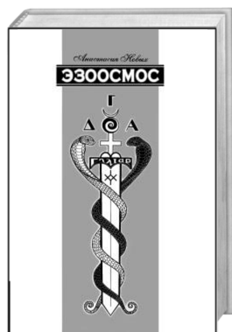
Перекрестье. Исконный Шамбалы

Динамичный, увлекательный детектив, повествующий о реализации через разведслужбы секретного проекта тайной элитной организации славян, истоки которой восходят к началу XX

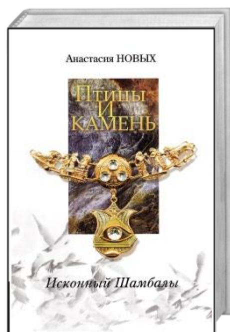
века, к легендарным офицерам спецслужб, занимавшимся поиском Шамбалы. Действие происходит в 1994–1995 годах. В реализации данного проекта, сыгравшего в последующем одну из основополагающих ролей в развитии событий в славянских государствах, был задействован главный герой книги «Сэнсэй. Исконный Шамбалы» — Сэнсэй. Благодаря его профессионализму, личному мировоззрению, неординарным способностям и таланту универсального аналитика, была ликвидирована опасная проблема, курируемая преступным миром, которая представляла серьёзную угрозу данному проекту.

Наряду с захватывающей динамикой в книге много интересного: о работе спецслужб, о подлинной истории прошедших событий, имеющих отголоски в настоящем; полезной познавательной информации о человеке и его феноменах; таинственных пророчеств и необычного видения проблем человечества под совершенно иным углом зрения.

Эзоосмос. Исконный Шамбалы

Увлекательная книга, полная юмора и приключений главных героев. Впечатляющая информация о мире, о тайнах времени, о феномене телепортации. А также о скрытой стороне жизни общества, о тех, кто порой является истинной причиной провоцирования многих несчастных случаев, суицидов, продолжительных «беспричинных» болезней людей, внезапных депрессивных состояний. Главный герой — Сэнсэй раскрывает уникальные сведения о подлинной структуре этих сил, причинах подобного их поведения, методах их воздействия, а также рассказывает о тех мужественных, высокодуховных людях (Гелиарах), которые противостояли этой нечисти в прошлом.

Птицы и камень. Исконный Шамбалы

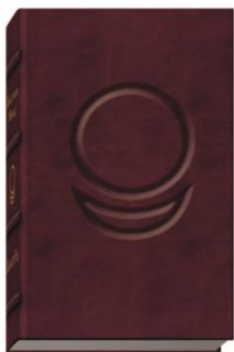
Три рассказа «Дежурство», «Всё так просто» и «Птицы и камень» так или иначе объединяет легендарная личность Сэнсэя.

«Дежурство» повествует об одном необычном дне майора Реброва. В роковое дежурство, во время смертельной опасности, он неожиданно столкнулся с явлением, совершенно несвойственном этому миру, благодаря которому Ребров смог не только спасти жизнь людям, но и выбраться из этой ситуации живым. С этого момента он увидел мир совершенно другими глазами...

«Всё так просто» — рассказ о старике, рыбачившем на берегу

речки, к которому присоединился необычный сосед по рыбалке — молодой парень. В завязавшемся разговоре всплывают много моментов, которые коснутся любого человека в старости, а также раскрывается глубокая древняя притча.

«Птицы и камень» — это самый яркий, впечатляющий по информации рассказ. Речь идёт о необычной встрече главного героя Сэнсэя с Максом, который некогда долгое время находился рядом с Сэнсэем. Но теперь этот человек предстал перед ним в несколько ином виде — девочки, в тело которой попала его душа после автомобильной аварии. Необычный разговор по душам о прошлой жизни, переоценка ценностей Макса в связи с пережитым и настоящим оставляют неизгладимое впечатление от этого рассказа и заставляют по-другому взглянуть и скорректировать собственную жизнь. В книге много занимательных сведений о человеке в научном свете и понимании древних, о том, откуда «рождаются» мысли и как их контролировать. Есть интересные данные о «Молитве Иисусовой» одной из самых таинственных и эффективных духовных практик в христианстве, о преподобном Агапите, о современном духовном старце Антонии.

АллатРа

Книга «АллатРа» раскрывает эксклюзивные сведения: о Личности человека и его Душе; о субличностях и связанных с ними явлениях; о двойственной природе человека: о процессах его Духовного и Животного начала; о важности доминирующего мировоззрения, его влияния на выбор Личности, предопределяющий её послесмертную судьбу. В книге «АллатРа» впервые в мире приводятся уникальные фотографии Души человека в переходном состоянии после смерти физического тела; содержаться уникальные исконные знания о многомерной конструкции человека в невидимом мире, о связи человека с иными измерениями, о его исключительных возможностях помимо третьего измерения. Она отвечает на вопросы зачем человеку нужен сверхизбыточный мозг и наличие многоуровневого сознания, что такое изменённое состояние сознание, как происходит поэтапное погружение в него. В книге даются древние духовные практики для работы над собой и слияния со своей Душой, развития шестого чувства и контакта с духовным миром. В ней рассказывается о природе сверхъестественных способностей (ясновидения, яснослышания, чтения чужих мыслей, предвидения) и двоякости её проявления для человека; о важности работы над собой в понимании процессов невидимого мира. А также о двойственной позиции и влияния на мир Личности, как Наблюдателя.

Книга содержит уникальные научные знания, которые современ-

ным учёным только предстоит открыть в будущем. Однако они способны реально перевернуть представления человека о мире и о самом себе. Это сенсационная информация об искусственности внешнего мира, об информации, которая создаёт материю. Это астрофизика будущего! Безапелляционные ответы на вопросы о происхождении Вселенной и её искусственного создания, о её многомерности, о тайне чёрной дыры, эксклюзивные данные об электроне, секрете его мгновенного перехода из состояния частицы в волну; об иллюзии геометрии пространства, о занимательных явлениях квантовой физики. Эти знания помогают прийти научным путём к доказательству первичности вечного Духовного мира над временным материальным миром. «АллатРа» содержит и другую потрясающую информацию, которая опережает даже самые передовые современные исследования. Книга «АллатРа» задаёт вектор для науки будущего.

В книге «АллатРа» даётся универсальный ключ и расшифровка древних знаков, заключающих в себе духовные знания древних людей, фиксировавших их в петроглифах ещё во времена палеолита. Она богато иллюстрирована рисунками археологических артефактов разных древних цивилизаций (протоиндийской культуры, трипольской культуры, различных культур Древней Европы, Балкан, Ближнего Востока, Урала, культур Африки, Азии, Северной и Южной Америки), свидетельствующих о наличии одних и тех же духовных знаний в разные тысячелетия у разных народов, проживавших на разных континентах. Книга раскрывает неведомые страницы истории древних цивилизаций, содержит ключ к пониманию старинных изображений, духовных знаний, отражённых в символике культовых сооружений: пирамид, храмов, пагод и так далее. Она раскрывает тайны тысячелетий, повествует о знаках, символах, активирующих в массах агрессию или чувство надежды на будущее, о примерах их использования жрецами в истории военных походов, на знамёнах и щитах, в культово-религиозных учреждениях сегодняшнего дня. Книга «АллатРа» вскрывает манипулятивные технологии религий; механизмы воздействия на подсознание человека старинных знаков и символов, активно используемых в современном потребительском обществе.

Книга «АллатРа» даёт ценный ключ к пониманию единого зерна Истины, одного и того же духовного пути, описанного по-разному в мировых религиях. Она раскрывает духовные знания, зашифрованные в ассоциативных понятиях той или иной религии, уникальные забытые людьми сведения, которые присутствовали во всех религиозных системах прошлого и настоящего. Она указывает на изначальные духовные Знания без шелухи идеологий политического и жреческого управления, наносного во времени. Она даёт ответы на главные духовные вопросы человека о достижении своего духовного освобождения без посредников.

Книга «АллатРа» срывает маски с истинного лица мировой политической и жреческой системы, рассказывает Правду о том, кто и как обманывает и разъединяет народы, манипулирует их сознанием и что нужно делать, чтобы не поддаваться на такие провокации.

Это необычная книга во всех отношениях! Это живая энциклопедия исконных духовных Знаний о мире, обществе и человеке. Она не просто беседует с каждым о его сокровенном. Она отвечает на самые потаённые, сугубо личные, волнующие человека вопросы, которые он таит в себе и не открывает даже близким друзьям. Книга «АллатРа» погружает в удивительное состояние разностороннего познания Истины, утоляет жажду поиска смысла жизни из вечного, живительного Источника. Книга даёт основные ключи к понимаю процессов как видимого, так и невидимого миров. Это фундамент исконных Знаний для духовного пробуждения и кардинального преобразования как Человека, так и всего человечества в целом.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ «АЛЛАТРА»

Цели Центра: объединение инициативных, честных и доброжелательных людей, которые стремятся применить свои лучшие качества на благо общества. Мы вне политики и вне религии.

Наши цели и задачи: в приоритетном порядке мы стремимся к объединению и дружбе всех народов на основе культурно-нравственных, духовных ценностей, сплачивающих людей во всем мире. Мы ратуем за реализацию естественных свобод и прав человека, формирование качественно новых отношений между народами на основе добра, бескорыстной взаимопомощи, созидательного взаимодействия людей по всему миру, вне зависимости от их места проживания, социальной, национальной, политической и религиозной принадлежности.

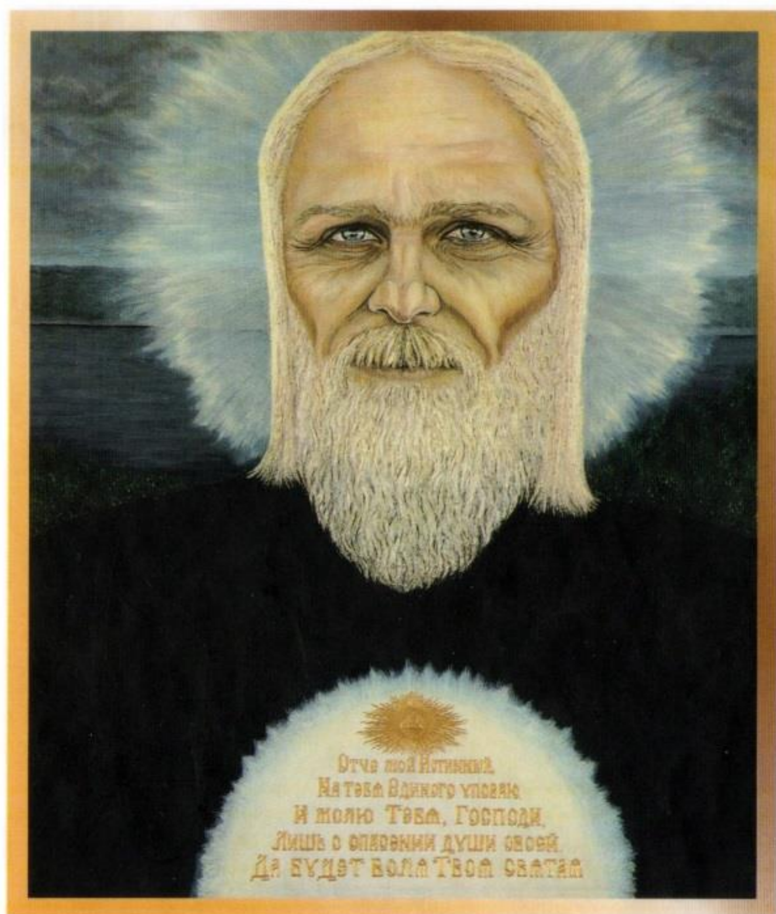
На сегодняшний день благодаря Международному общественному движению «АЛЛАТРА» уже объединены сотни тысяч людей по всему миру. Количество участников каждый день нарастает в геометрической прогрессии, ведь хороших, добрых, созидательно активных людей, стремящихся изменить мир к лучшему, действительно много.

Наш девиз: «**Добро в Действии!**»

Официальный сайт: **www.allatra.org**

E-mail: **center@allatra.org**

Skype: **allatra-center**

Книга повествует о третьем дне отдыха спортивной группы по восточным единоборствам во главе с Сэнсэем. Забавные приключения ребят, увлекательная философия Сэнсэя и его феноменальные демонстрации. Мудрая притча о Бодхисатве, необычный взгляд на сущность человека, потрясающий рассказ Сэнсэя о знаменитом Святом Киевской Руси —

АГАПИТЕ ВРАЧЕ БЕЗМЕЗДНОМ,

чудотворные мощи которого до сих пор хранятся в Киево-Печерской Лавре. Это и многое другое узнает читатель, перед которым раскроется совершенно иной взгляд на мир, историю и вечные вопросы человечества.